

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

8 (770) август, 2021

www.uralstalker.com

Болотная хищница

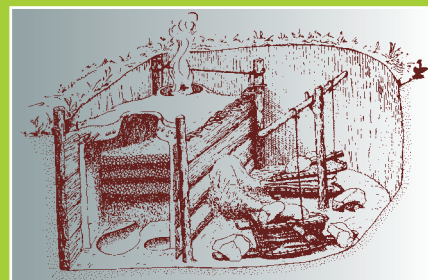
9 770134 241006 21008

АВИАГРУППА
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ПОПЕРЕК УРАЛА

ПЕРВЫЙ КАЗЕННЫЙ ЗАВОД

Август 2021

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Цапля. Фото Сергея Санатина.

4 стр.: Мотор! Фото из архива «отряда Каравелла».

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин,
Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко,
Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2021 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №8 (770), 2021 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,
выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Проект «С чего начинается Родина»
выходит при финансовой поддержке
Фонда Президентских грантов

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Аэлита
Журнал
в журнале

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №8, 2021 г.
Подписан к печати 24.07.2021 г. Дата выхода 30.07.2021 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Отпечатано ООО
«Периодика», 623751, Свердловская область, г. Реж,
ул. О.Кошевого, д.16. Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Тираж 11000. Заказ №

Встречный ветер

Заповедные земли

С.САНАТИН

Цапля 3

Путешествие по Уралу

А.ЯКОВЛЕВА

Пещера
Гебауэра.....30

Собираясь в поход

М.КОЛОТОВ

Cold Steel –
крепкий
середнячок..... 38

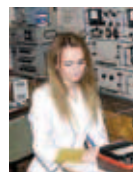
Юбилей

Л.КРАПИВИНА

Стоп! Снято!..... 44

Добрые попутчики

Наши дороги
в наших руках! 7

Быть МОЛОДЫМ – здорово!

М.ПОРОЗОВА-

ДУЩАК
Стратегия
подъема34

Собираясь в поход

Е.ВАТАГИН

Прожиточный
минимум
туриста..... 42

Река времени

Традиции

Е.КУРАЕВ

Пищали для Мангазеи8

Далёкое-близкое

А.БУЛГАКОВ

У Шурки
есть дед12

Топонимика

Н.ПАРТАНОВ

Этика манси.....16

Версия

С.КУДРЯВЦЕВ

Поперек
Урала20

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ

Авиагруппа особого
назначения24

Цапли

Санитары водного мира

Цаплю по праву можно отнести к одной из самых знаковых птиц Урала. Изображением цапли ещё с XVIII века клеймили железные изделия сысертских заводов, да и сегодня на гербе города Сысерть можно увидеть эту грациозную птицу. Чем же цапля заслужила к себе такое внимание?

Цапля — красавица

Увидеть цаплю на наших водоемах несложно — это один из наиболее типичных и широко распространенных видов аистообразных на Урале. Довольно крупная птица с размахом крыльев около 2 метров. Привлекает внимание не только размером, но и красотой. Спина, большая часть крыльев и хвост имеют благородный пепельный цвет, концы крыльев черные, голова, шея и брюхо — ослепительно белые. Над глазами удлинненные перья с черной полосой, переходящей на хохол на затылке. Длинные заостренные белые перья в основании шеи образуют своеобразное элегантное жабо.

Дополняют наряд желтый клюв, ноги и глаза. Летящая цапля складывает шею в виде латинской буквы S, так что

Сергей Санатин

Краевед, методист по экологическому просвещению природного парка «Бажовские места».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

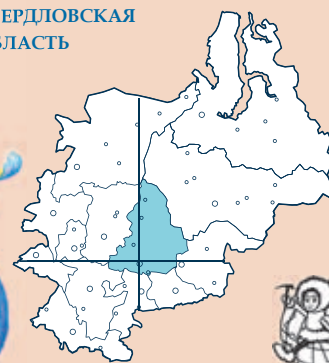

Фото автора

голова оказывается лежащей на спине, и вытягивает ноги далеко за конец хвоста. Поэтому силуэт цапли имеет горбатый вид, с выпирающим выступом, образованным изгибом шеи. Этим цапли отличаются от других птиц с длинной шеей — аистов и журавлей, у которых в полете шея прямая и голова далеко выступает вперед.

Красивый наряд цапли — одна из главных забот птицы, по данным ученых, 16,6% своей жизни она чистит оперение. Поддерживать оперение в порядке цаплям помогают участки кожи с особым строением перьев, расположенные на груди, брюхе и в паховой области. Они называются пудретки. Перышки там растут мелкие и, едва отрастая, раскрашиваются в подобие пудры. Птица, подцепив этот порошок клювом и когтями, хлопает крыльями, поднимая облако этой «пудры», и покрывает ей все перья. Без «пудры» она бы просто погибла, от рыбьей слизи перо быстро слипается. А пудра эту слизь впитывает, после чего цапля зазубренным когтем среднего пальца, как гребнем, счищает с себя мокрую пудру и вместе с нею всю грязь, прилипшую к перьям.

Несмотря на свой прекрасный наряд, серая цапля обделена красивым голосом. Болотная хищница издает резкие звуки, похожие на карканье. Пенем это никак не назовешь.

На одной ноге

Чаще всего цаплю можно увидеть стоящей долгое время в воде на одной ноге. Есть несколько версий, почему так происходит. В холодной воде подолгу стоять некомфортно, поэтому она подгибает одну ногу и греет ее под брюхом, а позже меняет лапу. Согласно другому объяснению, длинноногая красавица питается рыбой и лягушками. Если добыча проплывет мимо одной конечности пернатого, то примет ее за ствол водного растения. Тогда охотница без труда сможет добыть себе пищу.

Основной источник пищи — рыба. В прежние времена считалось, что птицы оскудняют флору и фауну водоемов, поедая огромное количество и истребляя ценные породы рыб. В связи с этим их уничтожали в больших количествах. Однако сегодня учеными доказано, что цапли, наоборот, приносят пользу, очищая водоемы от зараженной паразитами рыбы. Вот такие санитары водного мира.

Примечательно, что у каждой цапли в процессе жизни вырабатывается свой метод добычи пищи. Чаще всего они заходят в воду и, встав на одну ногу, неподвижно выжидают, когда представится удобный момент для поимки

пищи. Некоторые особи расправляют крылья, затеняя таким образом водное пространство, и пристально разглядывают, что происходит у них под ногами. Как только птица видит добычу, она молниеносно вытягивает шею и захватывает ее клювом поперек тела. Затем мгновенным броском перебрасывает и заглатывает. Если добыча крупная, то цапля предварительно делит ее на части. В этом ей также очень помогает мощный клюв, который легко ломает кости и дробит добычу.

Бесцеремонные дети

Серые цапли — птицы моногамные, то есть их пары сохраняются много лет. В течение нескольких сезонов пара цапель может использовать одно гнездо. Главным строительным материалом гнезд являются прутьи и веточки, собранные на земле вокруг колонии. Отдельные ветки цапли могут приносить и издалека, возможно, эти сучья обладают какими-то особыми качествами, необходимыми в строительстве. Гнездо по форме напоминает перевернутый вершиной вниз конус с просвечивающими стенками. Старые гнезда, которые достраиваются и подновляются в течение многих лет, широкие, массивные, достигают более метра в диаметре. Место для гнезда выбирает самец, а его строительство осуществляется совместными усилиями.

В лесной зоне гнезда располагаются на деревьях на высоте от 10 до 20 и даже более метров. Когда постройка близ-

ка к завершению, самка подолгу остается у гнезда, защищает его от соседей и укладывает материал, принесенный самцом.

Цапли-родители ведут себя чинно: встречаясь у гнезда, вежливо приветствуют друг друга, прилетевшая птица взъерошивает перья на голове, а сидящая на гнезде возносит клюв к небу.

А вот дети у серых цапель довольно бесцеремонны. Грубо хватают родителей клювами за перья и тянут вниз, жадно хватают пищу. Принесенную в желудках рыбу родители (у цапель зобов нет) отгрызают им прямо в клювы. А когда птенцы подрастут, цапли выбрасывают свои рыбные приношения на край гнезда. Как только птенцы научатся летать, они разлетаются в разные стороны, забыв о своих родителях.

Бдительные товарищи

Почему же цапля стала знаковой для всех сысертских заводов? Связано это с активностью этих птиц, по данным ученых, 77,5% времени они бодрствуют (стоя) и охотятся (непосредственно на процесс охоты приходится всего лишь 0,7% времени), 5,9% — спят (отдыхают), 16,6% — чистят оперение.

Во время Пугачевского бунта владелец сысертских заводов А.Ф. Турчанинов организовал оборону своих предприятий и дал отпор отряду атамана Ивана Белобородова. В 1783 г. императрица Екатерина II жалует купцу А.Ф. Турчанинову дворянское звание и герб, на котором изображена ца-

пля. Герб описан так: щит, разрезанный надвое, в верхней части в золотом поле орлиное крыло в знак нашей императорской милости; в нижней части в голубом поле серебряная цапля, держащая в правой лапе камень в знак того, что он бдением своим учинил многие как нам, так и государству услуги (оригинал жалованной грамоты на дворянство хранится в экспозиции Свердловского областного краеведческого музея).

О цапле в те времена говорили, что когда они летают стаями, то для совместного отдыха устраиваются так, что одна стоит и держит камень в поднятой лапе, и другие, пока он не упадет, уверены, что их оберегает бдительность товарища, а когда падает, что происходит, лишь когда стража заснет, то от шума просыпаются и улетают прочь. После этого изображение цапли прочно укрепилось на всех изделиях, которые выпускали заводы Турчаниновых. **КС**

Наши дороги в наших руках!

«Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока», — писал Радищев на одной из почтовых станций в своем «Путешествии из Петербурга в Москву». «Бревешек» на дорогах давно уже нет, но от ухабов и рытин наши дороги пока не застрахованы.

Если посмотреть дорожное полотно в разрезе, оно состоит из нескольких слоев, включая песок, щебень, асфальтобетон. Толщина этого «пирога» не меньше метра. Наши дороги ежедневно подвергаются механическим нагрузкам от бесконечного потока автотранспорта или последствиям осадков в виде дождей и мокрого снега, особенно в межсезонье, когда вода каждую ночь замерзает, буквально разрывая асфальтобетон изнутри. Поэтому неправильный выбор строительных материалов и ошибки в проектировании всегда таят в себе опасность недолговечности дорожного покрытия.

Мы, простые обыватели, знаем, что существуют разные классы дорог: автомагистрали, скоростные или нескоростные дороги общего пользования. Но мы даже не представляем, сколько инженерных работ необходимо провести при проектировании новой дороги, чтобы составить целый набор чертежей: план трассы в масштабе 1:10000, конструкции дорожной одежды, чертежи водоотводных устройств или пересечений и примыканий автомобильных дорог, чертежи сооружений, относящиеся к охране окружающей природной среды, чертежи рекультивации — и все это только часть проектной документации и самая верхушка айсберга инженерных измерений и расчетов.

На сегодняшний день в Екатеринбурге зарегистрировано почти

800 тысяч автомобилей, тогда как 25 лет назад их было всего 70 тысяч. С изменением жизни необходимо и постоянно менять технологии строительства, а значит, проводить исследования новых смесей и покрытий.

В Уральском государственном лесотехническом университете с 1932 года существует кафедра транспорта и дорожного строительства, где ведут подготовку инженеров по проектированию и строительству дорог.

Наличие учебного парка дорожно-строительных машин и лаборатории испытания материалов, оснащенной оборудованием для исследования каменных материалов, битумов и асфальтобетонов позволяет вести на кафедре научные исследования и разрабатывать новые технологии строительства дорог с использованием наноматериалов.

Совместно с ведущими предприятиями области (ООО «Развязка», АО «Свердловскавтодор» и др.) ученые на кафедре изучают экологиче-

Почему Лестех?

Уральский государственный лесотехнический университет — единственный вуз в Урало-Сибирском регионе, готовящий специалистов лесного профиля. Богатая история, научные школы и накопленная материальная база являются огромным потенциалом для подготовки кадров в лесном комплексе, экологии, экономике, туризме для достижения целей устойчивого развития.

Телефоны приемной комиссии:
(343) 221-22-00, 8-800-350-61-10

ские вопросы асфальто-бетонных заводов (АБЗ) и автозаправочных станций (АЗС), исследуют материалы для дорожного строительства, ведут мониторинг качества и состояния покрытий городских улиц. Например, студенты и преподаватели Лестеха под руководством профессора Сергея Булдакова первыми исследовали причины возникновения грязи на городских улицах Екатеринбурга и изучили ее состав.

Мы все хотим ездить по новым, ровным, качественным дорогам, и если ваше призвание — строительство дорог, то лесотехнический университет — именно тот вуз, где высококвалифицированные преподаватели дадут вам необходимые знания и умения профессии инженера.

*Научная библиотека УГЛТУ
по материалам СМИ*

▼ Река Ница у села Рудное, фото Е. Рулева

Пищали для Мангазеи

Рудная слобода — первый казенный завод на Урале

Стремительная колонизация отдаленных и малонаселенных районов Урала и Сибири в XVI–XVII веках требовала немедленных мер по обеспечению русского населения железом и изделиями из него. При организации железоделательного производства главной задачей было изготовление и ремонт оружия.

Среди наиболее важных товаров, которые были востребованы поселенцами, можно назвать хлеб, соль, железо и изделия из него, церковную утварь. Эти поставки начались с первых лет строительства городков за Уралом. В 1597 году для постройки первых амбаров в Верхотурье потребовалось 30 тысяч скоб и 500 больших гвоздей. Первым шагом для обеспечения переселенцев металлоломом была организация поставки его за Урал из европейских районов железоделательных промыслов России. Для Сибири трудный и долгий путь доставки железа из районов его производства делал металл несравнимо более дорогим. Его покупали в Великом Устюге и Соликамске по 60 копеек за пуд, а в Тобольске пуд уже стоил больше рубля.

Возникновение казенных заводов

В течение XVII века на территории Урала и Сибири были организованы пять казенных заводов по производству кричного железа: вблизи Томска, Невьянское рудное железное дело на реке Нице, Красноборский на реке Вишере, в Арамашевской слободе на реке Нейве и Нижне-Ницинский на реке Нице. В конце 20-х годов XVII века была найдена дешевая в производстве железная руда вблизи недавно построенных Тагильской и Невьянской слобод.

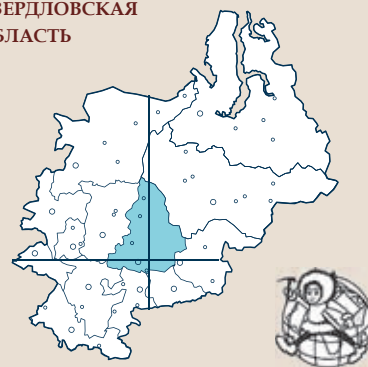
Первое казенное железоделательное предприятие Урала, известное из литературы под названием «Ницинский завод», фигурирует в различных изданиях, посвящен-

Евгений Курлаев

Историк, археолог. Старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, специалист по истории первых уральских заводов.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фотографии из архива
автора и краеведческого
музея с. Ниценское

ных истории металлургии, уже более 250 лет. Впервые данные о находке руды в 1628 году и сохранившихся остатках производства в Рудной слободе сообщил историк Г.Ф. Миллер. Проезжая в конце мая 1741 году через Рудную слободу, Миллер еще застал в ней возвышающиеся остатки печи, которая «в течение многих лет снабжала всю Сибирь железом, пока в начале нынешнего столетия все горное дело в тех краях не получило другой характер».

Рудная слобода

После открытия на реке Нице (недалеко от Ирбита) железной руды рядом с местом находки в 1630 году был заведен завод и основана Рудная слобода. Правительство поселило там 16 семей, которые должны были работать на заводе с 1 сентября по 9 мая, с обязательством производить 400 пудов железа. При этом они освобождались от податей и повинностей, пользовались землей, не платя «пятинного снопа», и получали жалование в 5 рублей.

Полное наименование железодельного завода — «Невьянское рудное железное дело». В нем закрепились характеристика всего цикла производства: добыча руды, ее переплавка и получения готовой продукции. Часть названия — «Рудное» — сохранилась в именовании села, где были обнаружены заводские остатки. Необходимо обратить внимание и на то, что название за предприятием закрепилось не от реки Нейвы (Невы), а от старейшей Невьянской слободы, возникшей в 1619 году. Через нее осуществлялось управление «железным делом». Причиной последующих противоречий стало вольное «крещение» Г.Ф. Миллером видимых остатков этого предприятия «Ницинским заводом» и дальнейшее заимствование

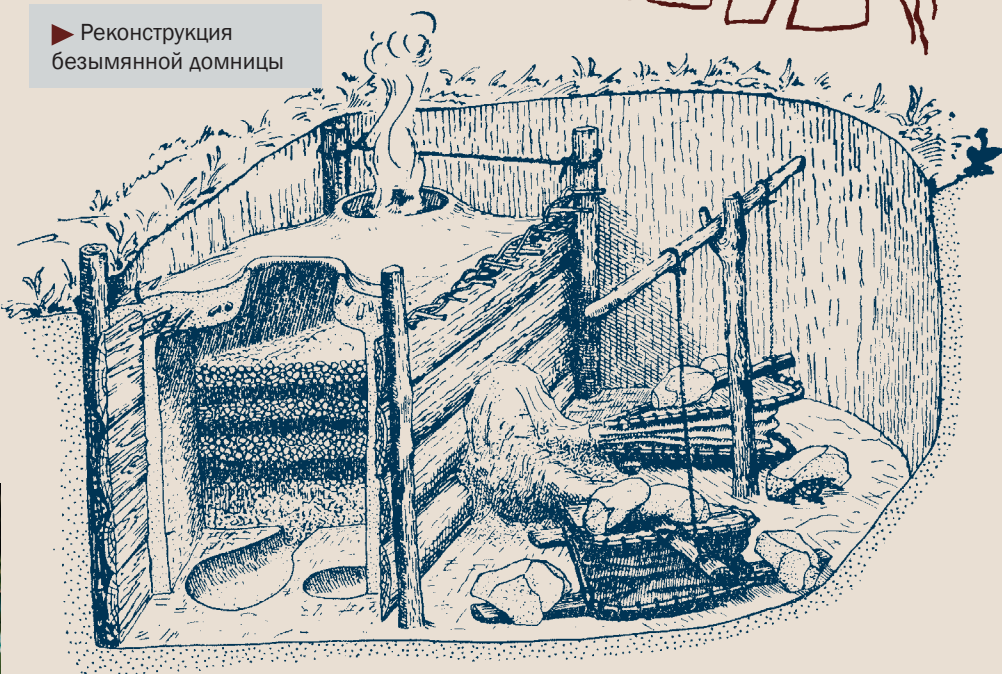
► Схема Рудной Слободы из «Служебной чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова (начало XVIII века)

из рукописи его труда другими историками.

В 1627 году из Верхотурья был послан верхотурский сын боярский Андрей Перхуров для испытания найденной руды, в свою очередь из Тобольска для выполнения аналогичных задач послали тобольского сына боярского Ивана Шульгина, который не дал А. Перхурову для проведения опытов кузнеца и домницы без указа из Тобольска.

К тобольскому воеводе обратился и И. Шульгин. 25 мая 1627 года он поехал к железной руде, чтобы вывезти ее с болота в Невьянский острог. Уже 25 июня 1627 года И. Шульгину из Тобольска было приказано поставить там, где была найдена железная руда, избу и сарай «и весь завод завести к зиме готовой». Встала проблема с транспортом. Было решено брать подводки в Верхотурье и ехать до железной руды на Нейве, там ее накопать, переплавить в чистое

► Реконструкция безыманной домницы

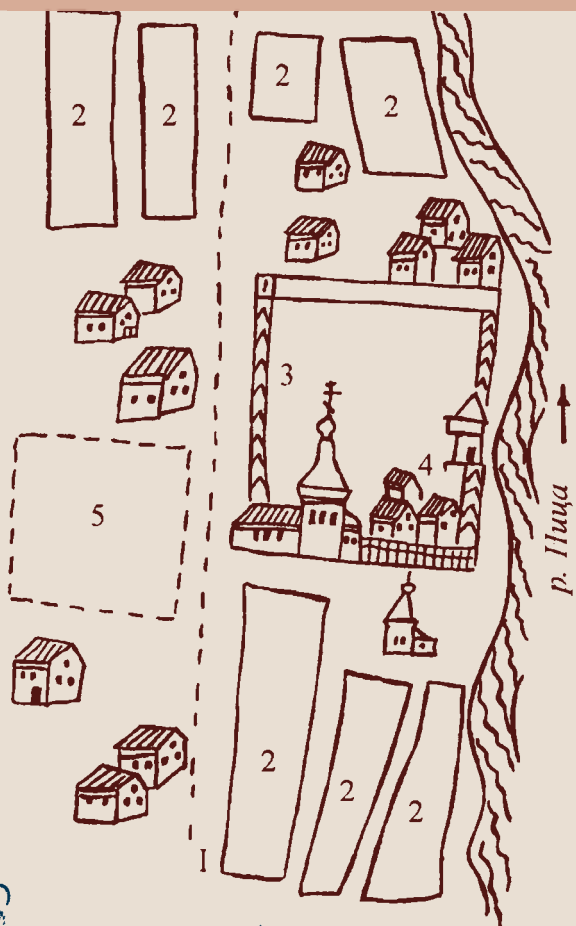

железо и послать в Тобольск водным путем.

Уральское оружие

При организации железодельного производства главной задачей было изготовление и ремонт ору-

◄ Памятный знак железодельному заводу в селе Рудное, на реке Нице (Ирбитское МО)

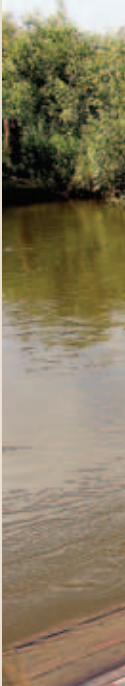

жия. В 1631 году тобольский воевода князь Алексей Трубецкой писал, что в прошлом в 138 (1630) году были получены первые крицы, из которых выковали 66 пудов 23 гривенки чистого железа. Первое выплавленное железо в крицах отправили для обработки в Верхотурье. Из первого железа сделали 20 затинных пицалей, которые стрельбой испытывали в присутствии воевод. По их строгой оценке следовало, что «пицали при стрельбе крепки». Кроме пушек, для

▲ Экспозиция краеведческого музея села Ниценское (Ирбитское МО)

судового дела были сделаны два якоря «к Мангазейскому ходу», корабельные скобы и гвозди, часть металла использовались для мельницы на реке Нице.

Трубецкой с удовлетворением отмечал, что полученное железо было значительно дешевле, чем то, что покупали в Великом Устюге и Соликамске. Выгодность производства железа признавалась очевидной. Производство удешевляло стоимость железа более чем в 4 раза.

Железное дело

Всего в 1630–1631 годах к государеву железному делу из ближайших Невьянской и Тагильской слобод было выбрано в «деловые люди» 12 человек из пашенных крестьян. При этом были оговорены условия их работы. В течение определенного срока с «Семенова дни летопроводца да по Николин день вешней» (с 1 сентября по 9 мая) они должны были изготовить 400 пудов «чистого» (дельного) железа. В летний период «с Николина дни по Семена летопроводца» производство железа прекращалось и крестьяне возвращались к своей обычной работе на пашне и прочим крестьянским промыслам.

За работу у железного дела им назначался общий годовой оклад в 40 рублей, который включал плату 12 человекам «деловым людям» по 2,5 рубля и двум «затворщикам» по 5 рублей каждому. Этим числом в 14 человек и определялся заводской штат Невьянского железного дела. Помимо кричного железа, предназначенного для отправки в Тобольск и дальнейшей переработки местными кузнецами в «дельное» железо и изделия, на Невьянском железном деле изготавливали топоры «деловым людям».

Само местонахождение завода на значительном удалении от воды и заводские остатки, характерные для сыродутного производства, должны окончательно развеять сомнения в том, что завод производил кричное железо, а не чугун. Немаловажным фактором при организации завода был выбор места для его строительства. При отсутствии вододействующих механизмов заводское производство располагалось неподалеку от мест добычи руды и здесь же, поблизости, в удобном для жилья месте основывалось поселение рудокопов.

Здесь же при заводе, помимо плавильного амбара, находились кузница с горном для проковки криц, починки инструмента, изготовления продукции, изба, где находились работники, так как «варка» могла продолжаться сутками, амбар для хранения инструмента и готовой продукции. На Невьянском железном деле имелись две печи для плавки железа и два кузнечных горна. На это указывают следующие сведения. В декабре 1641 года при приемке управления заводом и всего заводского хозяйства от верхотурского сына боярского Дмитрия Лобутина тобольский сын боярский Савватий Мокринский писал, что принял он «по два меха долмичных и кузнечных».

Археологические раскопки выявили линию из четырех «прокалов» (следов на грунте, оставшихся от длительного горения огня), где, очевидно, стояли плавильные печи и кузнечные горны. Ключевой фигурой в выплавке железа считался «затворщик» Тимошка, который осуществлял общее руководство технологическим процессом и выполнял

наиболее ответственные производственные операции: подготовку печи к плавке, процесс «варки» железа, изготовление крицы. Он же, затворщик, изготавливал «трупки» — глиняные фурмы, предназначенные для подачи воздуха в печь, их обломки в избытке встречались при раскопках заводских остатков. Завод и основанная при нем Рудная слобода управлялись детьми боярскими (низший дворянский чин), приславшимися из Тобольска или Верхотурья.

Административное подчинение железоделательного производства оказалось принципиально важным. С момента находки руды и основания Невьянского рудного железного дела сложились напряженные отношения между воеводами Верхотурского и Тобольского уездов. Никто не хотел уступать полного права на управление производством. До 1650 года Рудная слобода была в подчинении г. Верхотурья, так же как и соседние Невьянская и Ницинская слободы, хотя приказчиком железного дела мог быть тобольский дворянин.

К 1663 году Рудная слобода находилась в ведении Тобольска. Раздоры из-за «железного дела» продолжались и позднее. Двойственная ситуация в управлении порождала путаницу и различные конфликты. В 1642 году верхотурским сыном боярским Осипом Несенцовым с товарищами был избит заводской приказчик тобольский сын боярский Савватий Мокринский с приставленными к железному делу невянянскими крестьянами.

► Болотная железная руда, образец

▲ Суглинок берега Ницы,
фото Е. Рулева

При создании производства происходило и определение наиболее подходящих форм его организации, набора рабочей силы. Первый набор рабочих («деловых людей») для заготовки угля, руды, дров был осуществлен за счет внутренних резервов и произведен из пашенных крестьян ближайших и единственных в округе Невьянской и Тагильской слобод. Летом-осенью 1631 года такой способ привлечения рабочей силы дал сбой — наступил кризис. Набранные из пашенных крестьян Невьянской и Тагильской слобод «деловые люди» не выдержали условий работы и сбежали от «железного дела». Запущенное с таким трудом производство встало.

▲ Старинный дом села
Рудное, фото Е. Рулева

Уральские мастера

Спустя год выбранных в Невьянской и Тагильской слободах работников на оговоренных условиях стали расселять непосредственно у производства, основав тем самым первое специализированное поселение металлургов — Рудную слободу. Этих людей следовало переправить на завод «с женами с детьми и со всеми их животы», взяв поручные записи, чтобы «впредь у железного дела деловых людей укрепить и железному делу мотчанья и порухи не было». Иными словами, требовалось создать при заводе поселение, крепко связанное с производством, и избавить власти от системы «рабочих смен»: чтобы «невьянским бы пашенным крестьянам в чьих выборах и государевой пашине убыли не было».

производства давно уже не было, так как по схеме Рудной слободы С. У. Ремезова на его месте обозначено пустое пространство «под строения». В это время в слободе существовал острог, внутри которого находились «государевы хлебные житницы». С тех пор за этим поселением закрепилось необычное и в то же время такое свойственное промышленному Уралу название — Рудная слобода, которое со временем народный язык упростил до «Рудное» и «Рудно». Принято считать, что первый государственный железоделательный завод России заработал именно здесь, но нельзя забывать, что первое казенное железо и пушки из него появились все же несколько раньше в городе Томске. 📌

◀ Здание 15-й Военной школы лётчиков наблюдателей (ВШЛН) на территории Красных казарм, г. Челябинск

У Шурки есть дед

Александр Булгаков

Родился в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. Инженер-технолог. Член Международной гильдии писателей. Живёт и работает в Челябинске. Интересуется историей своей семьи, авиацией.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Фото из архива автора и музея Челябинского высшего военного авиационного Краснознаменного училища штурманов (ЧВВАКУШ)

Конец 30-х годов прошлого века в истории нашей страны — время суровое и неоднозначное. За анекдот или неосторожное слово могли дать вполне реальный срок, как «врагу народа» любому. Однако были случаи и совершенно противоположные.

Это история о том, как арестованному в 1938 году «по навету» органами НКВД в Челябинске Николаю Микулину обычные детские загадки помогли выйти на свободу. Появился Николай Алексеевич на Южном Урале осенью 1936 года. Он был откомандирован к новому месту службы — в только что сформированную 15-ю Военную школу лётчиков-наблюдателей (ВШЛН). В настоящее время это Челябинское высшее военное авиационное Краснознаменное училище штурманов (ЧВВАКУШ). Микулина назначили на должность начальника Учебно-лётного отдела (УЛО). Прибыл он из Новочеркаска, где служил помощником начальника Оперативного отдела авиабригады.

Сын архиепископа

От этого назначения новоиспечённый начальник был, прямо сказать, не в восторге, так как считал,

что «в Школу назначаются лишь те лица командного состава, которые по тем или иным причинам не годны к работе в строевых частях ВВС РККА».

Предыстория его появления в Челябинске была такова. В конце 1935 года Н. А. Микулину по итогам служебной аттестации объявляют, что он плохой работник. Оскорблённый этим до глубины души, тем более что по итогам предыдущих аттестаций он никаких замечаний не имел, он стал апеллировать к вышестоящему командованию, пытаясь добиться пересмотра аттестации и перевода в другой округ, так как считал, что на прежнем месте его затирают. В результате, неугомонный правдоискатель был направлен куда подальше — в Челябинск.

Скорее всего, причиной такого отношения было его «не пролетарское» происхождение. Он родился в семье священника. В 1928 году его

▲ Майор Микулин — начальник Учебно-летнего отдела 15-й Военной школы летчиков наблюдателей — ВШЛН, фото из музея ЧВВАКУШ

► Боевые подруги офицеров на огневом рубеже, 1938 год (фото из Музея ЧВВАКУШ)

отец Алексей Васильевич Микулин был возведён в сан архиепископа и в 1929–1931 годах управлял Дальневосточной митрополией и Пятигорской епархией. Правда, «архиепископом» он был, так сказать, не настоящим — только в рамках так называемого «обновленчества». Поэтому со стороны НКВД к Микулину-старшему претензий не было, так этот, по сути, церковный раскол ор-

ганы рассматривали как инструмент для ослабления влияния традиционной, патриаршей церкви. А вот армейское руководство в отношении майора Микулина, по всей видимости, решило перестраховаться, забыв все его бывшие заслуги. Микулин с 1918 года служил в Красной Армии и был награждён орденом Красного Знамени за участие в установлении советской власти в Туркестане.

Роковое письмо

Тем не менее, на службе Н. А. Микулин своё неудовольствие никоим образом не выказывал. У руководства школы он был на хорошем счету и за усилия в организации учебного процесса был даже награждён медалью «XX лет РККА». Курсанты же, те вообще смотрели на него с завистью — всё-таки в то время орден Красного Знамени был редкостью. Кроме того, многим импонировало, что начальник УЛО был высок ростом, светловолос, строен, а на лице его всегда была приятная и приветливая улыбка.

Но судьба приготовила ему ещё одно испытание, причиной которо-

го стали неожиданные поступки его супруги — Зинаиды Алексеевны. По воспоминаниям очевидца, произошло это следующим образом:

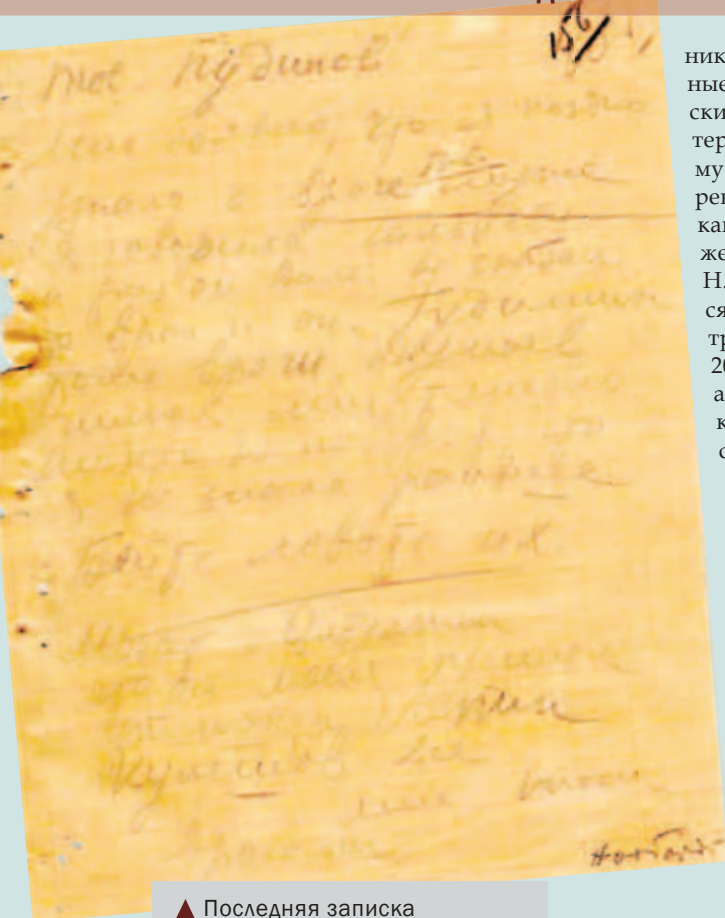
«Майор Микулин, будучи в командировке по служебным делам школы, уезжая, сказал жене, что пробудет не более десяти дней, но задержался, жена забеспокоилась и решила, что его арестовали. В то время органы НКВД практиковали такое: арестовывали то в пути, то по вызову. Жена, будучи глубоко взволнована, решила застрелиться, муж, уезжая в командировку, пистолет оставил дома. Застрелилась не на смерть, парализовала себя, была доставлена в военный госпиталь на улице Труда<...>. На второй день после случившегося приезжает муж, она на его глазах умирает в госпитале, а через некоторое время его вызывают в НКВД. На допросе подозревают его, по этой причине, в причастности к какой-то группировке, враждебной советской власти, мол, жена недаром застрелилась».

Но было ещё одно обстоятельство, кроме самого факта самоубийства, благодаря которому в НКВД заинтересовались персоной Н. А. Микулина. Зинаида Алексеев-

▼ Военный госпиталь Челябинского гарнизона (угол улицы Российской и Труда)

▲ Последняя записка
З.А. Микулиной (из архивно-
следственного дела)

на оставила предсмертную записку на имя начальника политотдела авиашколы, полкового комиссара Пудинова следующего содержания:

«Тов. Пудинов! Мне больно, что я поздно узнала о враге быв [шем] <вставлено поверх записки> муже. Я говорила Гальцеву, а раз он Вам не сказал, то враг и он. Гудилины тоже враги. Цибульник тоже. Мне только никто не поверит, что я не знала [всего этого] ранее. Бейте, ловите их <фраза подчеркнута>. Может и [неразборчиво], что пришёл меня утешать, а Ленин, Кулешов все мне тоже враги. Я дочь крестьянина и [мне] больно [что] не узнала врага <слово подчеркнута>».

Здесь уместно разъяснить обстоятельства появления этого письма. Летом 1937 года в школе начались аресты. Были арестованы: начальник школы Эдуард Юрьевич Лепин (о котором был очерк в УС), начальник штаба школы Александр Илларионович Рошковский и ещё несколько офицеров. А если учесть, что А.И. Рошковский и Н.А. Микулин поначалу, ввиду недостатка помещений в школе, занимали по работе одну и ту же комнату и впоследствии между ними воз-

никли не только служебные, но и близкие дружеские отношения, то интерес НКВД к последнему более чем закономерен. Ещё удивительно, как долго после обнаружения такого документа Н.А. Микулин оставался на свободе! Вся эта трагедия произошла 20 ноября 1937 года, а под стражу он был заключён только 4 августа 1938 года.

Неожиданный поворот

Перспективы после ареста у Николая Алексеевича просматривались не самые радостные. Получил бы он, в лучшем случае, шесть-семь лет лагерей и то, если бы дал разоблачительные показания на своего товарища А.И. Рошковского. Если бы

не дал, то очень даже вероятно, что приговор мог вылиться в высшую меру наказания — как у Э.Ю. Лепина и А.И. Рошковского. Но, на его счастье, до того, как дело передали в суд, политическая обстановка в стране несколько изменилась.

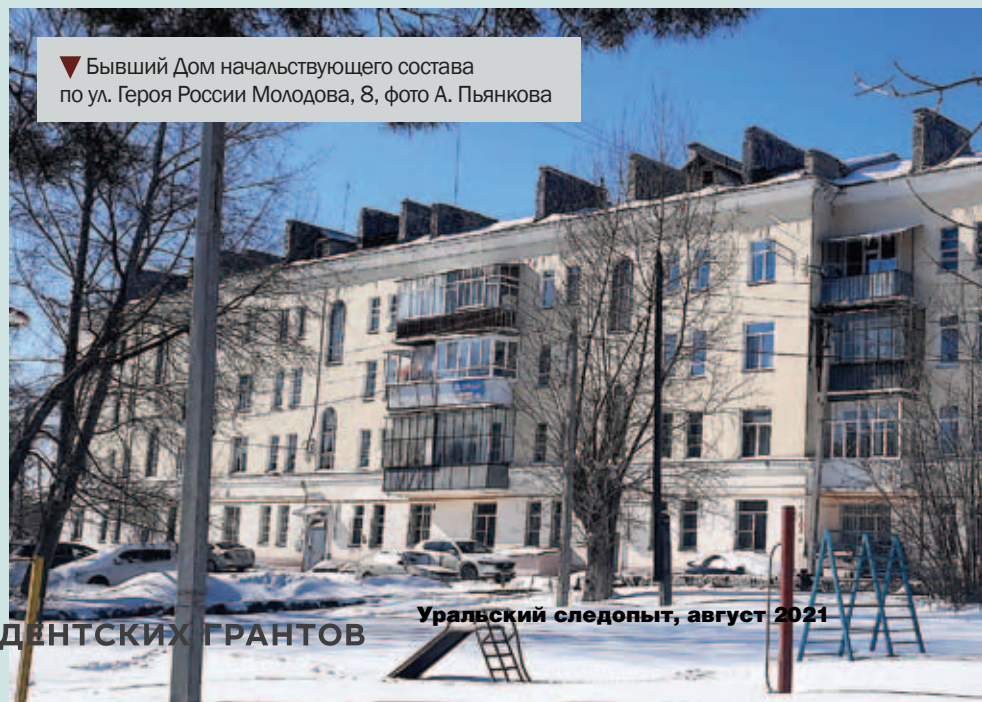
17 ноября 1938 года выходит Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором были отмечены крупные недостатки и извращения в работе органов НКВД. После его выхода усилился прокурорский надзор, а суды

стали требовать более веских доказательств. Новые подходы в соблюдении «социалистической законности» докатились и до уральской глубинки, затронув непосредственно Н.А. Микулина. Военная прокуратура пересмотрела его дело и пришла к выводу, что выдвинутые против него обвинения во вредительстве не имеют под собой оснований, обвинения об участии в контрреволюционной группировке не подтверждаются свидетельскими показаниями, а его жена «проявляла признаки психической ненормальности».

Исходя из материалов архивно-следственного дела, можно заключить, что к такому печальному состоянию психика бедной женщины пришла вследствие чрезмерного увлечения газетными статьями и разнообразными брошюрами про врагов народа. Также своё неблагоприятное влияние оказала и обстановка тотальной подозрительности, царившая в обществе. В результате той стали мерещиться враги народа везде, в первую очередь среди преподавателей и командного состава школы. В конце концов, дело дошло до того, что Зинаида Алексеевна стала подозревать и своего мужа. Последней соломинкой, окончательно сломавшей психику бедной женщины, стал найденный ею в столе супруга том сочинений В.И. Ленина, «где были сделаны закладки обрывками листа со священным текстом».

Загадочная записка

В отсутствие возможности провести очную психиатрическую экспертизу З.А. Микулиной, одним из свидетельств её невменяемости стала записка, обнаруженная в её бумагах.

▼ Бывший Дом начальствующего состава
по ул. Героя России Молодова, 8, фото А. Пьянкова

► Футбольный матч на стадионе «Динамо» в Челябинске, 1938 год (фото из музея ЧВВАКУШ)

На первый взгляд фразы из этой записки выглядят как бессмысленный набор слов, которые мог написать только скорбный разумом человек:

«1. У Шурки есть дед, а у деда внука нет.

2. Соль, а не солёная, фасоль, а не зелёная.

3. Всем, кто придёт, всем, кто уйдёт – руку подаёт.

4. Сам верхом, а ноги за ушами».

Тем не менее — это обычные детские загадки. Не буду лишать читателей удовольствия самим найти на них ответ. Рискну сделать предположение о причине появления этой записки. Во второй её части находим такие слова: «Катуся,пусти Джокера гулять. Но не до 9 ½, а потом не надо. Зи...». Вероятнее всего, Зинаида Алексеевна очень болезненно переживала, что их брак с Николаем Алексеевичем был бездетным, и потому она обращалась к неведомой Катусе (Кате?) с просьбой отпустить погулять с ней её сына, о котором нам известно лишь его домашнее прозвище — Джокер. Общеизвестно, что дети очень любят, чтобы их развлекали, в том числе и загадками, и З.А. Микулина предварила ими записку, чтобы мальчик с ещё большим нетерпением ожидал прогулки, в надежде поделиться с тётей Зиной плодами своей сообразительности.

Оставим на совести следователей прокуратуры, почему они не смогли распознать в этом «бреде» обычные детские загадки. Отгадки были достаточно простыми: в первом слу-

чае речь шла о девочке по имени Саша (Шурка), у которой есть дед, воспитывающий лишь внука. Второе, это ноты «фа» и «соль», далее дверная ручка и очки. По всей видимости, разгадка подобной ангажированности кроется в текущем политическом моменте, следуя логике которого, требовалось окончательно «закопать» недавно смещённого наркома внутренних дел Н.И. Ежова через дискредитацию дел, начатых его ставленниками и в его бытность. Как бы то ни было, но свою положительную роль записка с загадками всё же сыграла. 3 июля 1939 года Военная прокуратура Уральского Военного округа постановила: «Дело по обвинению Микулина Николая Алексеевича <...> прекратить и Микулина немедленно изпод стражи освободить».

Случай на стадионе

Перед тем как покинуть Челябинск, он стал участником ещё одного примечательного эпизода. В один воскресный летний день 1939 года Н.А. Микулин появился на стадионе, где в это время шёл футбольный матч. На нём присутствовало много зрителей — не только курсанты, но и почти все офицеры школы. Пришёл Николай Алексеевич не один, а с бывшим командиром батальона курсантов майором Арцманом Игнатием Никитичем, также недавно выпущенным на свободу. Разворачивающаяся на поле спортивная баталия их совершенно не интересовала, они внимательно всматривались в лица присутствующих. Наконец их поиски увенчались успехом. И.Н. Ар-

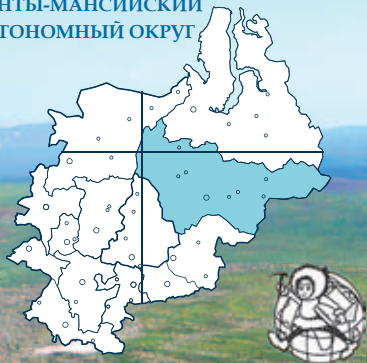
цман увидел сидящего на скамье второго ряда одного из курсовых командиров лейтенанта Царёва, «остановился напротив него, слегка раздвинул курсантов с первой скамейки, выждал минуты две и «смачно» плюнул в лицо Царёву, да ещё сопроводил этот плевком порцией мата». Н.А. Микулин тоже нашёл нужного ему человека — преподавателя истории партии, старшего политрука Скорнякова. Плеваться не стал, но выдал тому во всеуслышание «весьма «матовую» характеристику».

Никто не вызвал патруль, никто даже не потребовал прекратить хулиганство, а всё потому, что все прекрасно знали о том, как Царёв и Скорняков помогали начальнику особого отдела авиашколы майору Куликову «стряпать» доносы на своих товарищей.

После этого Николай Алексеевич с чувством выполненного долга покидает Челябинск, чтобы в декабре 1940 года быть назначенным на должность начальника штаба Армавирской военной авиационной школы. В августе 1943 года, уже в звании подполковника, убывает в Москву для вступления в должность старшего редактора отдела авиационной литературы 1-го отдела Управления Военного издательства НКО. В этой должности он проработал до ноября 1944 года, когда был уволен из рядов Красной Армии в отставку по болезни. Далее следы Николая Алексеевича Микулина теряются, и сказать что-либо определенное о его судьбе, к сожалению, не представляется возможным. **У**

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Этика манси

В мансийском этносе, как и любом другом, всегда были те, кого мы называем носителями или хранителями традиций. Эти люди не дают забыть свои основания, удерживающие смысл жизни целых поколений.

Таким хранителем языка, традиций и фольклора манси была Татьяна Дмитриевна Слинкина. Особое значение она уделяла исследованию мансийских оронимов (названий объектов рельефа) и топонимов Урала.

Приполярный Урал

Этот регион издревле условно делится на ненецкий (на севере); мансийский (восток и часть западного склона); коми-зырянский (западный склон). Свой регион манси условно называют Сакв Нёрыт (Сыгвинские горы). Согласно верованиям северных народов, вся территория Урала условно распределена между святыми покровителями гор. И для каждого района или места есть свой хо-

зяин — святой Покровитель или Хранитель. Ненцы называют его Пай Ерв, манси Нёр Ойка. На картах Приполярного Урала в его северной части названия в основном ненецкие, но есть и мансийские, коми и русские.

О названиях

При записи многие мансийские названия поселений и мест были искажены. Вот, например, говорят «Хурум павыл» — «Три деревни». А ведь было иначе — «Хорын павыл» — «Болотная деревня» (за деревней было большое болото; по-мансийски «хорын» — болото, отсюда и название). Несколько звуков не теми буквами записали — и смысл, и название мансийские исчезли.

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. Работал лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

Иллюстрации
из архива автора

► Конференция
в Ханты-Мансийске

▲ Долина озер реки Торговая (Хатемалья)

Главная гора

Народная – высшая точка Уральских гор (1895 м) всегда почиталась в мансийской культуре как Главная гора Урала (Понк-Ур). Эта горная вершина находится на кряже Сакв-Ур (Исследовательский хребет). Два ледника

▼ Подъем на вершину, фото Д. Поздеева

www.uralstalker.com

этого кряжа дают исток рекам Косью, текущей на запад, и Нораты (на восток). Одним из первых европейцев, записавших самоназвания этих мест, был венгерский ученый А. Регули, побывавший в гостях у ивдельских манси (вогулов) еще в середине 19 века. Именно они и сопроводили его к Главной горе и истокам Нораты (Norati, записал Регули). В нижнем течении этой реки в разные стороны расходились древние сезонные кочевые дороги вогулов, идущие по хребту и на запад, пересекая горный хребет.

Вдоль этих дорог находились оленьи пастбища, хотя этот микрорегион изобилует многочисленными препятствиями для передвижения: старицы, озера, обширные болота (кёльг), бурные реки с порогами и перекатами.

Справка

Татьяна Дмитриевна Слинкина – почти два десятка лет являлась сотрудником Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Лауреат премии ХМАО – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера». Помимо русского языка, она разговаривала на сыгвинском, верхнесосьвинском, верхне-лозьвинском диалекте мансийского языка, на ижемском диалекте коми языка. Ее труды «Мансийские оронины Урала» (2011), «Мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни»)» (2013), «Манси махум пес йис эргыт = Старинные песни народа манси» (2015) навсегда вошли в библиографию отечественного угроведения.

▲ Вид на вершину горы Манси-Нёр, фото А. Вьюткина

Пастухам-оленеводам приходилось преодолевать все эти многочисленные препятствия, переправляя сотни голов оленей, включая груженный кочевой обоз (анос) из нескольких десятков нарт. В устье реки Нораты есть теснина, для переправы через реку здесь прокладывали своеобразный мост

из бревен. Гидроним Нораты-Я переводится (как) по бревнам (стекающая) река. Лишь в 1927 году участник Северо-уральской экспедиции Академии наук, геодезист С. Янченко назвал

▼ Цветы горной тундры

высшую точку Урала Народной, что и закрепилось на картах.

Манси-Нёр

«Нёр» по-мансийски — это «голый камень», горный хребет, отрог со скалами. Эта гора с огромным гребнем на карте обозначена как Манси-нер и находится недалеко от Главной горы Урала. «Гора Народа Манси» имеет на вершине большой ледник, а у подножия красивое озеро с бирюзовой водой. Сам горный массив и его ландшафты очень живописны. Заснеженная горная крепость ранним утром может выглядеть малиновой, а затем сменить цвет на оранжевый, а к вечеру — на сиреневый.

Манараха

К западу от Главной горы находится еще один символ Приполярного Урала, обозначенный на картах как гора Манарага. Ороним Манараха — ненецкий, он означает Горную вершину, подобную медвежьей лапе. С определенного ракурса, со стороны лощины, гора и смотрится как сидящий исполин, сложивший «лапы». Здесь берет начало река Кос-Ю (р. Косью) — мелководная, порожистая река, что отражается в мансийском названии. Само понятие горная река в мансийском языке обозначается как «Нёр-Я».

Идея гармонии

Люди у нас в постоянных трудах жили: летом — покос на комаргах, зимой — вывозка сена, заготовка дров, доставка воды... Мужчины в основном в лесу, в поле, на реч-

ке находились. Всегда занят был человек. На развлечения и праздники времени просто не было. Конечно, встречались иногда, пили чай, ездили на святое место... Большие праздники у нас были только по случаю добычи «большого зверя». Других больших праздников из детства не помню. И Вороний день не помню... А таких, как сейчас, праздников — с танцами и развлечениями — таких не было (Слинкина).

Урал для манси это «священный каменный пояс», и естественно, что на нем есть много горных вершин, которые особо почитаются народом манси как священные (Ялпын). Посещение таких гор или подобных священных районов запрещено или оговорено определенными сроками, когда этот запрет снимается, при соблюдении определенных обрядов. При правильном обращении и отношении к покровителю и его территории человек получал помощь (онтас), достигал душевного равновесия, уверенности делах и благосостояния. Но традиционная культура четко знала, что можно (рови), а что нельзя (аттайи).

В самих оронимах, таких как «Гора мертвецов» например, звучала четкая установка «Не ходи сюда». И эта этика неукоснительно соблюдалась всеми. В основе этой этики лежит идея гармонии человека и природы, ее святых покровителей. Сегодня идея гармонии предана забвению. Абсолютное преобладание получает этика «хочу и можно», тотальное следование которой зачастую приводит к трагическим последствиям. **PS**

◀ Колокольчик круглолистный (*Campanula rotundifolia*)

▼ Уникальная уральская река

Поперек Урала

Как Чусовой удалось пересечь Уральский хребет

Чусовая завораживающе красива. Её берега украшают причудливые скалы, которые у нас называют «Камнями», а наиболее опасные — «Бойцами». Чусовая одновременно и уникальная река. Она сумела пересечь Уральские горы и убежать из Азии в Европу. Как удалось проложить ей путь сквозь горы?

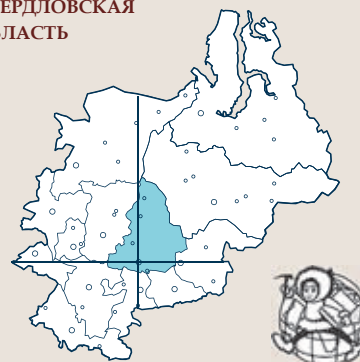
Протекает уникальная уральская река по трём областям. Родившись в Челябинской области, она пробегает по Свердловской области на восточном склоне Уральских гор, а заканчивает свой бег в Пермской области, оказавшись на западном склоне. Эту особенность Чусовой использовали Демидовы, переправляя по ней «железные караваны» с уральским металлом из азиатской в европейскую часть России. Существуют данные историков, что подобное осуществлялось здесь еще за пять веков до нашей эры (иткульская культура древних металлургов).

Сама Чусовая образуется от слияния двух рек: Полудённой и Западной. Полуденная (Полдневая) Чусовая вытекает из Большого Чусовско-

го озера на севере Челябинской области, находящегося в 11-ти километрах северо-восточнее Верхнего Уфалея, и по болотистой местности течёт на север. Высота над уровнем моря в месте истока — 399 метров. Через 45 километров речка сливается с Западной Чусовой уже на высоте 356 метров над уровнем моря. Западная Чусовая берёт начало на Уфалейском кряже.

До 1954 года длина Чусовой составляла 777 километров, но после образования Камского водохранилища длина её уменьшилась на 185 километров и стала 592 км. В то же время река Сытва стала короче на 200 километров и теперь впадает уже не в Чусовую, как прежде, а в то же водохранилище, став притоком Камы. Река имеет более 150 притоков.

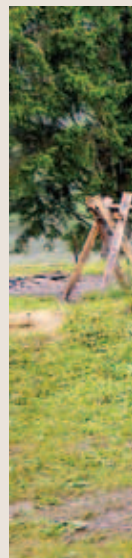
СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Святослав Кудрявцев

Родился на Урале в 1937-м. Окончил в Свердловске Сельскохозяйственный институт. Работал главным инженером совхоза, директором подсобных хозяйств, начальником цеха, преподавал. Увлекается рыбалкой, охотой, лыжами, коньками, закаливанием и туризмом. Живет в Первоуральске.

Фото предоставлены автором

Раньше Чусовая была более полноводной, широкой и глубокой. Она изобиловала рыбой, заходили в неё и островные.

Версия Гумбольдта

Александр Гумбольдт, будучи в наших краях в 1829 году, объяснил факт пересечения Чусовой Уральских гор тем, что горы Урала у нас прерываются. Но это не совсем верно, ведь горы здесь не прерываются в полном смысле этого слова, они просто понижаются. Меня в этом убеждает хотя бы тот факт, что во время взрывов в северном карьере Динаса на горе Караульной, расположенном на левом берегу реки Чусовой, толчки ощущались сильнее в домах на улице Чкалова, расположенных на правом берегу, нежели в домах на Динасе, расположенных много ближе к карьеру. Ударная волна проходила по каменной плите, которая расположена под руслом реки.

Гипотеза Кашина

Существует современная версия, объясняющая способность Чусовой пересекать горные хребты (гипотеза Р. Кашина). Автор исходит из того, что до большого ледникового периода русло Чусовой было едино с руслами рек Решётки и Исети. Чусовая впадала

в Решётку, Решётка — в Исеть, а та — в Тобол и т.д. Когда наступил ледниковый период, пришедшие с севера льды перегородили Чусовую и на месте нынешнего Первоуральска образовалось огромное море-озеро. Уровень воды значительно поднялся, она стала искать себе выход и... наконец нашла в северо-западном направлении. Пересекла Урал, добежала до Камы и воссоединилась с ней.

Когда же ледник отошёл, река осталась в новом русле, которое ей «понравилось больше», нежели прежнее, а маловодная Решётка уже без вод Чусовой, как и прежде, потекла в Исеть. Вот такая, казалось бы, симпатичная и логичная версия. Но меня толчил червь сомнения, несмотря на кажущуюся логичность, ибо оставалось несколько вопросов.

Неясные вопросы

Во-первых, река пересекла водораздел (границу Европы и Азии) в районе деревни Курганово, затем добежала до горы Волчихи, которая находится в Европе. Реки Решётка и Исеть находятся в Азии. Если верить гипотезе Кашина, то Чусовая из Европы возвращалась обратно в Азию.

Во-вторых, где, в каком месте Чусовая могла перетечь в речку Решёт-

Справка

Первое упоминание Чусовой в русских летописях относится к 1396 году. В те времена ее берега заселяли племена манси. Первое русское поселение на Чусовой — Нижнечусовские Городки — появилось в 1568 году. Это 52 километра ниже по течению от современного города Чусовой. В 1581 году из Нижнечусовского городка начала свой знаменитый поход дружина Ермака. При Демидовых река превратилась в транспортную артерию, по которой сплавлялись «железные караваны» с уральским металлом. Особенно большой наплыв туристов бывает на реке в майские праздники, когда по «большой воде» скорость течения местами доходит до 20-ти километров в час. Уровень адреналина от реальной опасности встретиться со «скалами-бойцами» в это время зашкаливает.

▲ Карта Волчихинского водохранилища (на Чусовой)

◀ Граница ледника севернее Екатеринбурга

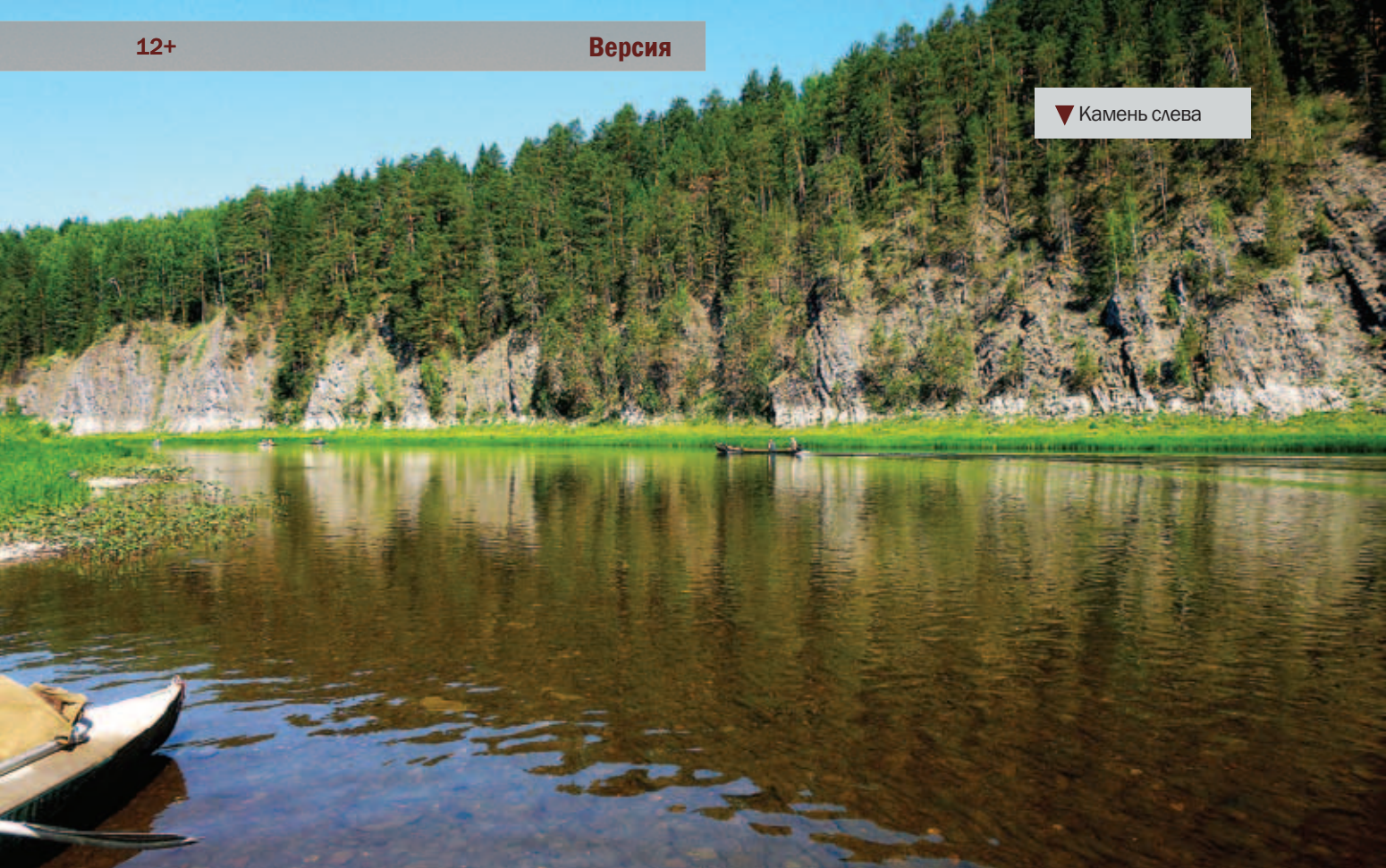

◀ Команда сплавщиков на зеленой стоянке

ку. Самое подходящее место для этого — в месте нынешнего канала, прокопанного из Волчихинского водохранилища. Курганово, где Чусовая пересекает границу Азии с Европой, находится на высоте 322 метра. Река Решётка у Старых Решёт — на уровне 294 метра, вроде бы проблем для впадения Чусовой в Решётку нет, но промежуток в 24 километра между ними намного выше их уровня и доходит местами до 360-ти метров. Получается нестыковка.

Еще до 1939 года остро встал вопрос о подаче чусовской воды Свердловску через Решётку. Это оказалось нереальным из-за того, что уровень

Чусовой был слишком низким. Поэтому было принято решение поднять его, и в 1940 году начали строить Волчихинское водохранилище, которое было окончено в 1944 году. Уровень воды поднялся как минимум на 5 метров, только после этого Чусовая смогла отдать часть своей воды Решётке, и то по прорытому каналу.

В-третьих, если здесь был ледник, то где сглаженные ледниками горы, валуны в нашем районе? Подобные мне не встречались в округе Первоуральска и Екатеринбурга. Будучи руководителем группы подростков на сплаве по Вуоксе на Карельском перешейке, я видел, как должны выглядеть валуны и остатки гор, сглаженных ледниками. У нас ничего подобного не наблюдается.

Ледника не было

Южная граница ледника в Большой ледниковый период не доходила до нашего меридиана. Она заканчивалась севернее 60-й параллели. Следовательно, ледник не доходил примерно 400 километров до территории современного Екатеринбурга. Значит, ни огромного озера или моря в нашей местности от наступивших ледников быть не могло. Если предположить, что море всё-таки было. В таком случае, зачем Чусовой понадобилось пробиваться на запад, в места на сотни ме-

тров более высокие, чем на востоке? Ей было бы проще от того же Полевского, с высоты 336 метров или Курганово — 331 метр, скатиться на восток в сторону Верхней Сысерти, находящейся на высоте 261–269 метров.

Камень слева

Сплываясь по Чусовой несчётное количество раз, я обратил внимание на то, что река нигде не течёт между скал. Если боец или камень находят с левого берега, то с правого — обязательно низинный берег, и наоборот. Многократно убеждаешься в том, что воде не пришлось пробивать себе путь сквозь скалы, она находила между ними промежутки с размываемым грунтом. Но, в поисках такого грунта, реке пришлось попеть и она нашла себе дорогу. Появившись на высоте 399 метров над уровнем моря, река, впадая в Каму, скатывается до высоты 122 метра, опускаясь в среднем на 0,46 метра на каждом километре. Напрашивается вывод: Чусовая от своего рождения и до нынешних времён течёт в своём персональном русле, которое она промывала себе сама изначально.

С появлением на Урале Демидовых и Строгановых в 30-х годах 18-го века река стала мелеть. Преобразователь природы — человек — сделал своё чёрное дело: осушил по берегам болота — аккумуляторы реки, вырубил в пойме леса затеяющую воду, настро-

ил водохранилищ на самой реке и её притоках, тем самым увеличив зеркало водной поверхности, с которой многократно увеличился объём испаряемой воды. В довершение всего прочего из реки стали забирать в огромных объёмах воду. Сегодня из Чусовой, кроме Полевского, Ревды, Первоуральска и других прибрежных населённых пунктов, много воды забирает Екатеринбург. С 1979 года Западная Чусовая подпитывается водами реки Уфы, которые подаются по трубам от города Нязепетровска. Длина водовода составляет 35,5 километра. Нязепетровский каскад состоит из трех насосных станций. Водовод пропускает сквозь себя до трех кубометров воды в секунду, примерно 2500 кубометров за сутки, правда, не круглогодично.

Камень справа

В тридцатые годы, уже 20-го столетия, Чусовую отравили отходами производства предприятия Северска, Ревды, Первоуральска — это Динас, Новотрубный, Хромпик. Колхозы и совхозы также обильно обогащали её воды отходами животноводства и растворёнными удобрениями, хранящими на полях в огромных непри-

крытых буртах. Река в Первоуральском районе превратилась практически в сточную канаву. По берегам исчезла растительность, в воде исчезла рыба. Особенно грязной она стала в 30-е — 60-е годы прошлого века. Несмотря на это, из реки брали воду для обеспечения посёлка Динас питьевой водой, предварительно мало-мальски её очистив. Последние 20 лет государство стало больше заботиться об экологии окружающей среды, на прибрежных заводах были построены дорогостоящие очистные сооружения, река стала много чище, появилась рыба.

Не стать свалкой

Сегодня главная проблема Чусовой состоит в том, сумеет ли её экология остаться хотя бы на современном уровне, не превратят ли многочисленные туристы пойму реки в отхожее место. Сейчас на реке функционируют прокатные пункты плавсредств, возводятся аттракционы, бани, кафе, палаточные городки, организуются экскурсии, но мало обращается внимания на благоустройство мест стоянок, строительство туалетов, установку мусорных ларей,

▼ Камень Омутной

▲ Стоянки туристов

на своевременную их очистку, уборку, а это главный залог поддержания поймы реки на должном уровне. Мы часто забываем, что культура любого заведения начинается не с красивых вывесок, не с красивых фасадов, а с состояния и ухоженности мест личной гигиены. На берегах не должны оставаться стоянки с «заминированным» вокруг лесом.

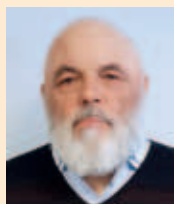
На обустроенность стоянок несколько больше внимания обращают в Пермской области. На многих есть столы со скамьями и навесами, кое-где подвозят дрова, установлены мусорные баки, встречаются туалеты. Но всё это обслуживается несвоевременно. Справедливости ради надо заметить, что в 60-е — 90-е годы прошлого века берега около деревень были завалены хламом, население все отбросы быта сбрасывало на берег реки в надежде, что по весне вода весь хлам унесёт в Каму. Так оно и случалось. В те времена даже возле Демидовского креста все было завалено пустыми консервными банками, оставленными плановыми туристами из Коуровской турбазы. Сейчас берега вдоль деревень становятся чистыми и зелёными, что, безусловно, радует. **УГ**

Авиагруппа особого назначения

АРХАНГЕЛЬСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В марте 1948 года во все населённые пункты вдоль побережья Баренцева моря от Уральского хребта до Канина Носа из города Нарьян-Мара поступила срочная телеграмма, приказывающая начать розыскные работы экипажа Московской авиагруппы особого назначения.

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Фотографии из архива автора

▲ Командир Ли-2 с бортовым номером Н-444 — В.А. Попов

▲ 2-й пилот экипажа самолёта СССР-Ж115 М.К. Погорелова. Фото 1940 года

◀ Гора Нэтэм-Пэ, где потерпел катастрофу самолёт СССР-Н444. Фото Искандера Карманова

▼ Пос. Амдерма (Югорский п-в) — конечный пункт маршрута самолёта СССР-Н444

Телеграмма была за подписью секретаря Окружкома партии: «Нарьян-Мар — 13 марта. Вне всякой очереди. Передать по пунктам. От острова Вайгач до полуострова Канин, Хабарова, Варнек, Каратайка, Синкин Нос, Варандей, Черная, Нельмин-Нос, Тобседа, Сенгейский шар, Носовая, Коткино, Индига, Пеша, Волонга, также все промежуточные радиостанции в этом радиусе. Немедленно сообщить, не имел ли посадки или пролета самолет типа «Дуглас» в период 7 марта, начиная с 20 часов, до 2 часов 8 марта. Результат молниеруйте». Другими документами предписывалось розыскными работами охватить полосу до 150 км шириной от берега моря в глубь материка, а также обследовать прилегающие акватории Баренцева и Карского морей и острова.

Из-за чего же поднялся такой переполох? Что произошло в начале марта более 70 лет назад? Учитывая, что об этом событии мало известно современникам, расскажу о нём подробнее, тем более, этот материал основан на анализе архивных документов.

7 марта выполнявший чартерный рейс Дудинка — Амдерма самолёт Ли-2 (Н-444) не притетел в конечный пункт маршрута. Он потерпел катастрофу на западном склоне хребта Оченырды. По архивным данным Росавиации, командиром корабля Ли-2 с бортовым номером Н-444 был В.А. Попов из Московской авиагруппы Управления полярной авиации (УПА). Владимир Александрович был опытным лётчиком, награжденным орденом Отчужденной войны I степени, за уча-

стие в операциях в Арктике по поиску и спасению экипажей торпедированных немцами тральщиков. В экипаж входил второой пилот В.Б. Кроков, штурман В.Р. Сиваков, два бортмеханика — гг. Немыгтов и Е.Ф. Харитонов и бортрадист А.М. Гуков.

Среди четырнадцати пассажиров было несколько «высокопоставленных» работников тиксинских организаций (пос. Тикси, Якутская АССР), включая начальника Тиксистеря, директора за-

вода «Бодхед» с семьей; заместителя начальника полярной станции Тикси; командира Чукотской авиагруппы; работника треста «Дальстрой» с семьей и другие.

Официальная версия катастрофы гласила следующее: «7 марта экипаж Московской авиагруппы особого назначения (МАГОН) вылетел в рейсовый полет по маршруту Дудинка — Амдерма. На борту находились 14 пассажиров, в том числе два ребенка. Самолет в аэропорт назначения не прибыл и пропал без вести. 17.09.1950 начальник отряда (В.В. Нарцов) экспедиции № 40 НИИГА Главсевморпути (Государственного научно-исследовательского института геологии Арктики Управления Северного морского пути) вблизи западного берега озера Оче-Ты на восточном склоне горы Нэтэм-Пэ (высота 1338 м) обнаружил несколько обрывков документов, кусок дюралюминия и детскую шапку-ушанку. 9 октября комиссия Главсевморпути прибыла на место. Ими были обнаружены остатки самолета на восточном склоне горы Нэтэм-Пэ (143 км севернее пос. Харп) и пять трупов. Установлено, что при полете с востока на запад произошло лобовое столкновение самолета с горой».

Место, где произошла катастрофа, — гора Нэтэм-Пэ (1338 метра), находится в северо-восточной части хребта Оченырды, близ озера Оче-ты. Здесь

▼ Фрагмент самолёта СССР-Ж115. Фото С. Хисамудинова

▲ Панорама склона г. Хордьюс с остатками самолёта СССР-Ж115. Фото С. Хисамутдинова

встречаются в основном выраженные остроконечные вершины и гребни. Нэтэм-Пэ — главная вершина и наивысшая точка этой части Полярного Урала.

В поисковых мероприятиях 1948–1951 годов приняли участие сотни, если не тысячи, человек — добровольцы, оленеводы и пастухи, работники метеостанций. Широко применялась и авиация. Только в марте 1950 года в поисках участвовали одиннадцать самолётов, совершивших на 26 марта 32 дневных и 2 ночных полёта, а общий налёт составил 200 часов. Кроме того, поисковые задания были выданы попутным рейсовым самолётам. Были обследованы районы Обской губы, полуострова Ямал, Байдаракской губы, Югорского полуострова, юго-восточной части Новой Земли, восточной части о. Вайгач и отроги Уральского хребта. Полёты проводились в условиях хорошей видимости на высоте 400–600 м галсами шириной 10 км. Поисками руководил начальник Управления полярной авиации, полковник М.Н. Чибисов (позже — генерал-майор).

9 октября 1950 года для поисков погибшего экипажа и пассажиров самолёта на место катастрофы из Воркуты отправилась поисковая группа в составе начальника Геолого-разведочного отряда, старшего авиатехника авиабазы в Воркуте и члена Горсовета Воркуты. На восточном склоне горы Нэтэм-Пэ они обнаружили и зафиксировали на фотоплёнку обломки самолёта с опознавательным знаком СССР Н-444. Участники поисковой группы произвели небольшие раскопки, в результате которых нашли ряд документов (среди них — формуляры, паспорт на имя В.С. Негодяева и др. документы и, кро-

▼ Фрагмент шасси с колесом самолёта СССР-Ж115. Фото С. Хисамутдинова

▼ Самолёт Ли-2 Управления полярной авиации, иллюстрация из журнала «Мир авиации»

ме того, предметы одежды). В нижнем конце снежника были найдены пять трупов людей, опознать которых было невозможно.

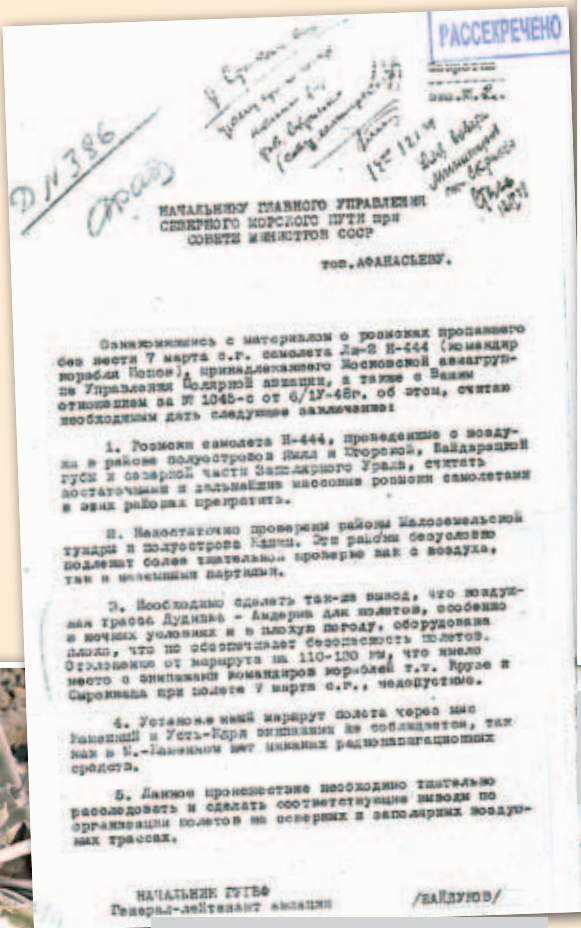
Для дальнейших розысков останков погибших членов экипажа и пассажиров была назначена комиссия, в со-

ставе которой был и командир Московской авиагруппы. Розыскная группа в октябре-ноябре 1950 года продолжила поиски погибших в авиакатастрофе. По окончании розысков предстояло «собрать обнаруженные останки в общий гроб и похоронить во временную могилу. Все обнаруженные части самолёта закопать на месте. В августе 1951 года, после таяния снега, вновь тщательно обследовать всю прилегающую местность...

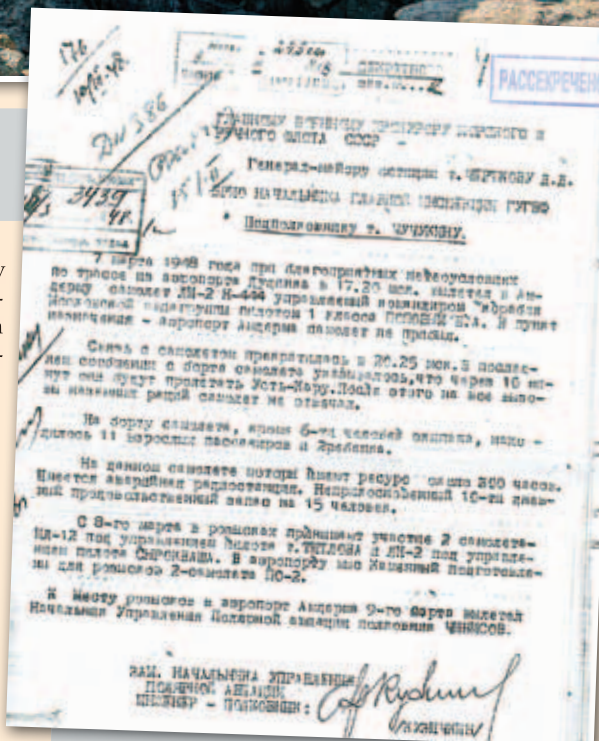
Почему же стала возможной такая катастрофа? Ведь самолёт был снабжён 10-дневным неприкосновенным запасом продовольствия из расчёта полётной нормы на 15 человек и необходимым снаряжением для полётов в арктических условиях. Магчасть его была в удовлетворительном состоянии. Ко-

мандир корабля имел налёт в этом районе семь лет, отлично знал его и свободно ориентировался, считался опытным и осторожным лётчиком. Но...

Событиям до момента катастрофы предшествовало следующее. Экипаж прилетел в Дудинку из Тикси, уже на-

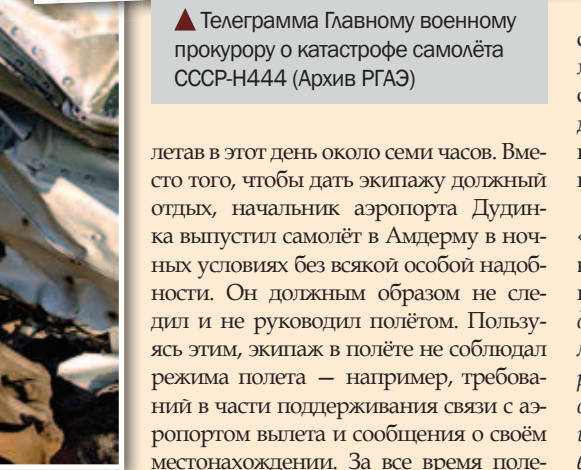
▲ Разбросанные по склону
г. Хордыус фрагменты самолёта
СССР-Ж115. Фото С. Хисамутдинова

▲ Приказ начальника Главсевмор-
пути о поисковых работах
самолёта СССР-Н444 (Архив РГАЭ)

◀ Фрагмент мотора разбившего-
ся самолёта СССР-Ж115
с сохранившимся номером.
Фото С. Хисамутдинова

▼ Поисковая группа разбившегося
самолёта СССР-Ж115.
Фото из архива музейно-
выставочного комплекса
им. И.С. Шемановского, г. Салехард

▲ Телеграмма Главному военному
прокурору о катастрофе самолёта
СССР-Н444 (Архив РГАЭ)

летав в этот день около семи часов. Вме-
сто того, чтобы дать экипажу должный
отдых, начальник аэропорта Дудин-
ка выпустил самолёт в Амдерму в ноч-
ных условиях без всякой особой надоб-
ности. Он должным образом не сле-
дил и не руководил полётом. Пользу-
ясь этим, экипаж в полёте не соблюдал
режима полета — например, требован-
ний в части поддержания связи с аэ-
ропортом вылета и сообщения о своём
местонахождении. За все время поле-

та (с 17:20 до 20:25) экипаж никому
о своём местонахождении не со-
общал, а с аэропортом Дудинка
имел всего лишь одну связь. Сред-
ствами радионавигации полёт само-
лёта не обеспечивался, так как дей-
ствующих пеленгаторных и приво-
дных радиостанций по маршруту
не было. По данным метеостанций,
погода по маршруту была летная.

Разбор «полётов», проведённый
«высокой» комиссией, констатиро-
вал (сохранена орфография оригина-
ла): «за все время полета (с 17 ч. 20 м.
до 20ч. 25 м.) самолет никому о своем
местонахождении не сообщил, а с аэ-
ропортом Дудинка имел всего лишь
одну связь. Средствами радионавига-
ции полет самолета И-444 не обеспечи-
вался, так как действующих пеленгатор-

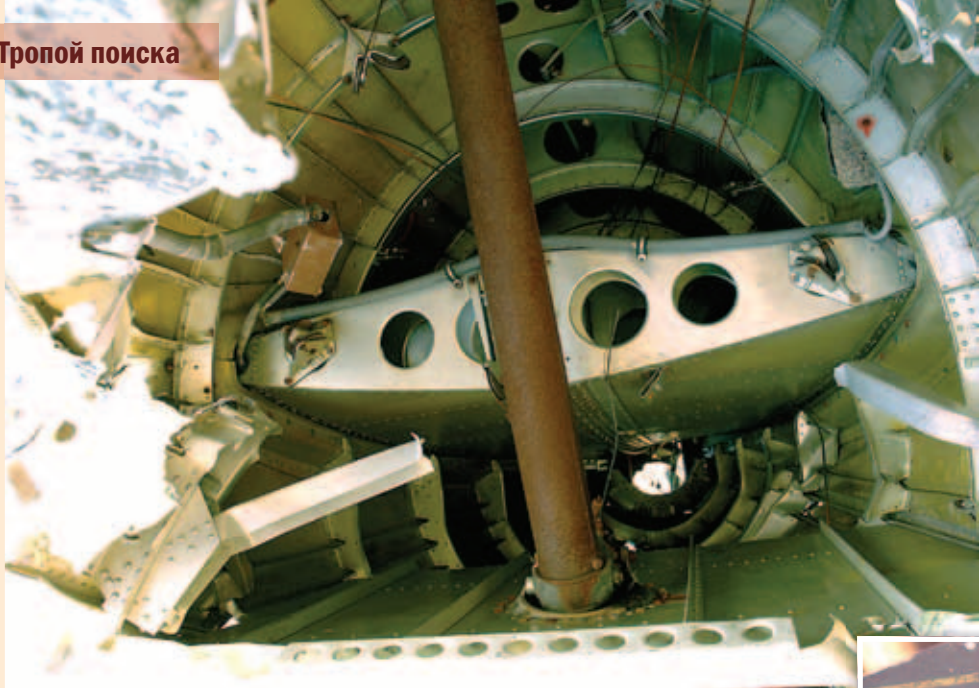

ных и приводных радиостанций по маршруту не было. По данным метеостанций, погода по маршруту была летняя. Самолет Н-444 в Амдерму не прибыл и не произвел посадки ни в одном аэропорту по маршруту. Организованные поиски на самолетах и наземных партиях положительных результатов не дали. Благодаря плохому оборудованию воздушной трассы Амдерма – Дудинка средствами радионавигации и плохого руководства полетом самолета Н-444 комиссии не представилось возможным определить примерное место и обстоятельства происшествия с этим самолетом».

Видимо, ошибку допустил и штурман: «В ночном полете штурман неправильно рассчитал время прибытия в аэропорт Усть-Кара. Фактическая скорость самолета была значительно больше расчетной. Это была первая ошибка экипажа. Вторая грубейшая ошибка штурмана, да и в какой-то мере бортрадиста, заключалась в том, что они неточно настроивались на радиопривод Усть-Кары. Всем экипажам было известно, что близко к частоте слабого радиопривода Усть-Кары работает мощная радиостанция Перми, поэтому при неточной, небрежной настройке радиоконписа стрелка последнего указывает и уводит самолет на Пермь. В данном полете так и произошло. Стрелка неверно настроенного радиоконписа показывала, что Усть-Кара впереди, а экипаж, зная, что при подходе к Усть-Каре с севера – море и низкие тундровые берега, продолжал снижение вне видимости земли».

Так что фактически самолёт уже пролетел Усть-Кару, оказался в северных отрогах Полярного Урала, где и врезался в одну из гор. Грубая небрежность экипажа привела к тяжелейшей катастрофе.

Все, кто читает этот очерк, наверняка задают вопрос, а почему вдруг такое

▲ Фрагмент фюзеляжа самолёта СССР-Ж115

пристальное внимание к произошедшей катастрофе со стороны местных и центральных властей? Такие истории в Арктике и до, и после случались не раз. А тут поиски потерпевшего катастрофу самолёта начали уже на следующий день, после того как он не прилетел в Амдерму. Знакомясь с некоторыми документами и перепиской, касающимися этой катастрофы, поражаешься тому, какие высокие лица были задействованы в поисковых работах. В переписке родственников погибших фигурирует такая фраза: «Приняты все меры к розыску самолета, т.к. там были лучшие работники Арктики». Возможно, эта фраза как-то проясняет ситуацию, но таких ширококомандных поисковых работ для выяснения всех обстоятельств катастрофы экипажа самолёта Арктика не помнила со времени гибели Героя Советского Союза, полярного лётчика Сигизмунда Александровича

Леваневского. Так что по масштабу поисков эта катастрофа резко выделяется. Я встречал предположение, что в самолёте были важные документы. Увы, правду мы никогда не узнаем. Останки погибшего экипажа Ли-2 были доставлены в Москву и похоронены в братской могиле на Донском кладбище.

1948 год стал своего рода роковым для полётов через хребты Полярного Урала. Перед самыми новогодними праздниками, 21 декабря, тут произошла другая катастрофа. В день происшествия транспортно-пассажирский Ли-2, за номером СССР-Ж115, принадлежащий Главному управлению ла-

▼ Панорама склона г. Хордьюс с фрагментами разбившегося самолёта СССР-Ж115. Фото С. Хисамутдинова

► Учётная карточка воинского захоронения № 137/6. Интинский краеведческий музей. Республика Коми, г. Инта

Форма № 5
137/6

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА
Воинского захоронения

1. Место и дата захоронения: Республика Коми, Интинский р-он, Республика Коми, город Инта, восточный кладбище, 21.12.1948 г.

2. Вид захоронения: Массовое

3. Размеры захоронения и его состояние: 20 метров в ширину, 3 метра в длину, 12 метров в высоту, 130 метров в длину, состояние удовлетворительное

4. Кресты, надгробия, ограждения (надгробия) на захоронении: 6 металлических крестов, 2 из них в плохом состоянии, 2 из них в хорошем состоянии, 2 из них в плохом состоянии, 2 из них в хорошем состоянии, 2 из них в плохом состоянии, 2 из них в хорошем состоянии

5. Количество захороненных:

№	Имя фамилия		Год рождения	Дата захоронения	Дата освобождения из плена	Страна захоронения
	фамилия	имя				
1	Майков	Николай Николаевич	1907	21.12.1948		Украинская ССР
2	Позорин	Мария Константиновна	1921	21.12.1948		Украинская ССР
3	Антонов	Виктор Александрович	1922	21.12.1948		Украинская ССР
4	Антонов	Иван Александрович	1918	21.12.1948		Украинская ССР
5	Ковалев	Александр Александрович	1918	21.12.1948		Украинская ССР
6	Ковалев	Виктор Петрович	1917	21.12.1948		Украинская ССР

7. Кто подготовил или переписал: Интинский краеведческий музей

герей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) МВД СССР, вылетел из аэропорта в Салехарде в поселок Абезь, в штаб Северного Управления ГУЛАГ. Согласно заключению комиссии, расследовавшей эту катастрофу, «пролетая перевал над вершиной Хордьюс, оказавшись в сложных метеословиях, пилот допустил ошибку при выборе высоты и на полном ходу врезался в макушку заснеженной вершины. Все находившиеся на борту — погибли». Место катастрофы — район г. Хордьюс (высота 1086 м над ур. моря), с координатами 66°29'6"N 63°29'10"E, — это часть Войкар-Сынынского хребта. Для знатоков Полярного Урала отмечу: если провести линию по широте от ст. Си-

вая Маска на восток, до уральских хребтов, то чуть южнее неё и расположена эта гора.

21 декабря самолет Ли-2, принадлежавший Желдорпроекту ГУЛЖДС МВД СССР, вылетел из Салехарда в посёлок Мыс Каменный на восточном берегу п-ва Ямал, где на борт были взяты «служебные пассажиры». В этой части полуострова находилось крупное строительство — планировалось построить не то большой порт, не то военноморскую базу по испытанию подводных лодок и сюда протянуть железнодорожную ветку от ст. Обская, линии Чум-Лабьтнганги.

По этим причинам до 1949 г. посёлок Мыс Каменный считался крайне

паж состоял из 7 человек, все лётчики являлись асами, за исключением одного члена экипажа, они прошли Великую Отечественную войну и были награждены орденами и медалями. Погибшими в этом рейсе самолёта Ли-2 значатся ещё 12 человек, видимо, являвшихся теми самыми «служебными пассажирами», которых взяли на Мысе Каменном. Это были сотрудники ГУЛЖДС МВД СССР — конвоиры, начальники подразделений строительства железной дороги Чум-Лабьтнганги, его ямальского участка к Мысу Каменный и их помощники, надзиратели, кладовщики и экономисты, инженеры и т.д.

Пропавший Ли-2 искали в течение месяца. В поисковых работах на земле принимали участие железнодорожники, геологи, строители и местные жители, вероятный район катастрофы обследовали и с воздуха. И все до последнего надеялись, что пропавший экипаж всё же мог совершить вынужденную аварийную посадку. Но все эти поиски оказались тщетными: самолёт и находившие на его борту шестеро членов экипажа и пассажиры не были найдены. На место же авиакатастрофы случайно наткнулся паспий в тех местах свои стада оленевод Викула Хатанзейский.

Тела погибших, которых удалось найти и часть из них опознать, были доставлены в Абезь. 1 января 1949 года в помещении театра поселка Абезь состоялась траурная церемония прощания с погибшими. За всю историю Абези это были самые торжественные похороны с почетным караулом. День был объявлен нерабочим. Очередь из людей, пришедших проститься с бывшими боевыми товарищами и сослуживцами, растянулась на километр. Жертв авиакатастрофы с отдачей всех последних воинских почестей похоронили на поселковом кладбище, которое теперь именуется Старым гражданским, при этом само место захоронения было официально объявлено воинским. Позже в память о погибших лётчиках здесь возвели мемориал. Сейчас он, наряду с известным лагерным кладбищем, входит в Абезьский историко-мемориальный комплекс.

Интересно, что, видимо, из-за глубокого снега при поисковых работах в конце 1940-х годов или по другим причинам обломки Ли-2 не вывезли, они пролежали более 60 лет, пока их повторно обнаружил и зафиксировал в начале 2010-х годов челябинский путешественник Сергей Хисамутдинов. Его фотографии с места катастрофы красноречиво показывают весь трагизм произошедшего. **У**

▲ Часть приборной панели в кабине пилотов разбившегося самолёта СССР-Ж115.
Фото С. Хисамутдинова

секретным объектом и не обозначался на картах. Строительные работы и планируемой железнодорожной ветки Обская — Мыс Каменный, и самого порта или базы, осуществлялись силами тысяч заключённых ГУЛАГ'а. Поэтому командный состав стройки часто вылетал в «штаб» — в Абезь, в Управление СевПечЖелдорлага, занимавшееся решением всевозможных вопросов, связанных с прокладкой железной дороги Чум-Лабьтнганги. Эту стройку и обслуживали самолеты, базировавшиеся в Абези. При перелёте через уральский хребет самолёт попал в сложную метеобстановку. Это был последний полёт перед уходом экипажа в отпуск. На борту находилось 19 человек. Эки-

Пещера Гебауэра

В мире уже открыто и постоянно открывается множество новых пещер. Но, пока нет карт этих пещер, отважному спелеологу или просто любопытному туристу сложно определить, что же перед ним: возможное географическое открытие или уже известная достопримечательность.

Для того, чтобы прояснить этот вопрос, можно заранее найти в интернете и изучить информацию о данном районе, можно расспросить местных старожилов, но можно и самому поискать следы предшественников в самой пещере или около неё. Это могут быть таблички с номером и названием пещеры, остатки факелов, лесенок, брёвен, по которым спускались в пещеру, надписи или фигурки из глины, мусор предыдущих посетителей или древние артефакты. В некоторых пещерах могли прятаться разбойники или жить монахи, а какие-то пещеры могли издревле использоваться как культовые объекты для совершения различных обрядов. Следы всего этого можно найти в пещере. Но есть и пещеры, где ещё не ступала нога человека – там ваши следы могут оказаться первыми.

Такие пещеры требуют топосъёмки и описания. Но не только они. Уже известные пещеры тоже требуют обновления своих карт. И всё потому, что с новыми технологиями точность карт увеличивается, возможность построения 3D-модели даёт хороший материал для анализа поиска и продолжения пещер, прогнозирования их развития, расположения опасных участков в них.

Первые планы пещер составлялись без использования инструментов, замеры длины хода были примерными, повороты отрисовывались как влево, так и вправо, а угол наклона хода тогда никак не учитывали. Позже для топосъёмки стали использовать линейки, рулетки, горные компасы, обычные компасы, эклиметры и транспортёр с грузиком.

Карты стали более точными, стало возможным сопоставлять планы близ-

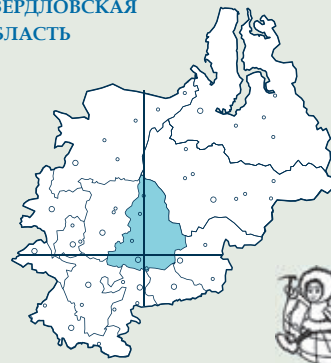

Анна Яковлева

Выпускник курса базовой подготовки спелеологов 2021 г.

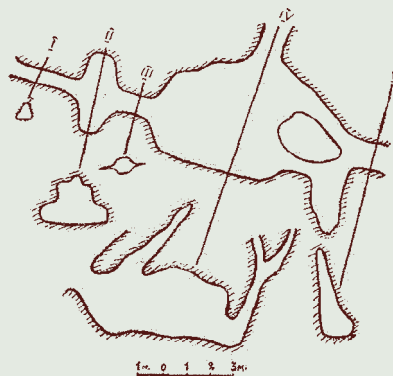
Фото: Оксаны Бердышевой, Бориса Голяшева, Светланы Соловьёвой, Ярослава Мурзина, Ольги Черепановой и автора.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

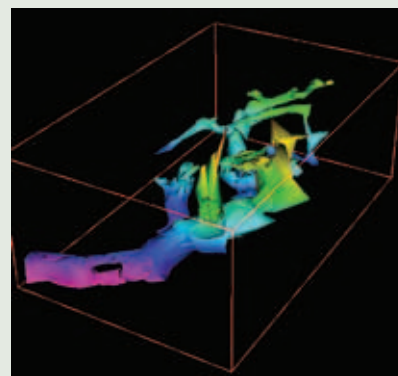

◀ Вид на один из входов в пещеру Гебауэра

▲ Карта пещеры Гебауэра из сборника «Пещеры» 1962 г. издания

▲ 3D-модель пещеры Гебауэра 2021 года

перь за одно нажатие на кнопку прибор делает замер длины, азимута и угла наклона хода и передаёт это всё по Bluetooth на КПК, где данные сразу собираются в пикетажную табличку и одновременно автоматически строится карта пещеры. Человеку остаётся контролировать процесс и рисовать абрис пространства, делать важные пометки об особенностях пещеры: наличии мокрых стен, запаха сероводорода, окаменелостей, песка, глины, сталактитов, тяги воздуха, перспективных направлений для будущих исследований и прочее.

Имени горного инженера

В июне 2021 года команда выпускников курса базовой подготовки спелеологов во главе с Юлей Устиновой из спелеоклуба СГС решила обновить карту пещеры Гебауэра. По данным информационно-поисковой системы Пещеры (<https://speleoatlas.ru>), эта пещера называется по имени первооткрывателя – горного инженера Фер-

динанда Гебауэра, обнаружившего её во время его экспедиции в 1878 году. Тогда во время раскопок в первой камере и зале Гебауэр установил следы пребывания человека в трёх разновозрастных слоях. Обнаружены были остатки костров, кости многих животных, в том числе череп медведя и лося, а также костяные и каменные орудия, среди них наконечники стрел. По крайней мере, часть найденных предметов относится к медно-бронзовому веку. О том, что пещера служила местом жертвоприношений, свидетельствовали находки черепов священного у древних обитателей Урала – медведя, а также наконечников стрел, которым приписывалось магическое значение. Пещера Гебауэра в 1989 году внесена в список памятников истории и культуры Свердловской области, находящихся на государственной охране.

К сожалению, близость пещеры к городу Сухой Лог и ее относительная доступность привели к постоянному паломничеству местных жителей и туристов и сейчас там уже вряд ли оста-

ко расположенных пещер для понимания — а не единая ли это система и где-то должен быть тот заветный ход, который сможет соединить полости в одну? Появились данные о длине и глубине пещер, масштабные линейки на их планах и разрезах.

Но технологии не стоят на месте, и теперь топографическая съемка осуществляется при помощи модифицированной лазерной рулетки и КПК. Те-

▼ Окаменелости в пещере

лось что-то исторически ценное. Зато для начинающих топосъемщиков ценность представляет сама архитектура пещеры. Два входа, окно, привходовые ниши, параллельные горизонтальные лазы: верхний и нижний, разветвленная сеть ходов — всё, что нужно для закрепления и совершенствования навыков съемки.

Пикетчик, съемщик и обрисовщик

Разбившись на три подгруппы по три человека, каждая начала детальную съемку своего участка пещеры. Роли в группе разные: пикетчик, съемщик и обрисовщик.

Пикетчик устанавливает пикеты — значимые точки внутри пещеры, с которых удобно осуществлять съемку гротов, ходов, поворотов, разветвлений и любых объектов внутри пещеры. Как правило, на выбранную точку он укладывает небольшие листочки с указанием номера пикета, которые после съемки собирает и выносит за собой. Также пикетчик следит, чтобы лазерный луч с предыдущего пикета попал точно на нужный пикет, и даёт об этом обратную связь съемщику. Если пещера достаточно сложная, протяженная и за один выезд ее невозможно отснять, то устанавливают зафиксированные пикеты — реперы, которые после топосъемки остаются в пещере. Иногда они присверливаются к стенам, часто на светоотражающей подложке для того, чтобы последующие группы могли легко найти точку окончания съемки и продолжить с этого же места без потери точности.

Второй участник группы — съемщик — занимается непосредственно замерами. Он с помощью лазерной рулетки от каждого пикета направляет лазерный луч во все стороны и делает замеры: на стены, пол, потолок пещеры, чтобы в программе зафиксировался объем участка, а затем делает три замера на следующий пикет и после того, как дождётся команды от пикетчика, что лазерный луч точно попал в цель, и команды от обрисовщика, что данные поступили в КПК, переходит на следующий пикет. Мы называем множество замеров на пикте «ёжиками», потому что на карте эти лучи из точки пикета выглядят как ошестившийся ёж. Чем больше будет произведено таких измерений, тем качественнее и точнее будет 3D-модель и карта пещеры, но тем больше времени на это требуется. Нужно понимать, что строится модель, а не полная копия пещеры, и нужно найти эту золотую середину в количестве замеров.

▲ Подъём со страховкой в одно из сквозных окон пещеры

Третий участник — обрисовщик — держит в руках КПК, куда поступают данные с лазерной рулетки по Bluetooth. Он контролирует получение данных, переименовывает пикеты при необходимости и отрисовывает первые контуры будущей модели, делает важные пометки о наличии тяги воздуха, воды, глины, песка и др.

В пещере Гебауэра одной из увиденных нами особенностей стали окаменелости, также мы почувствовали запах сероводорода в одном из ходов. Кроме того, ходы, ведущие вниз, были с глиной, а вверх — с песком.

Конечно, группа может состоять и из меньшего числа топосъемщиков, а порой один спелеолог и ставит пикеты, и проводит измерения, и тут же это все обводит абрисом на экране, но это менее комфортно и занимает в разы больше времени, чем команда из трёх человек.

Карты без ошибок

В пещере Гебауэра достаточно комфортные для съемки условия. Все три подгруппы быстро отсняли свои участки и привязали свои измерения к реперам, чтобы при дальнейшей камеральной обработке соединить в единый

▼ Съёмка привходовых ниш

план пещеры. Участники групп менялись между собой, и каждый успел побывать и пикетчиком, и провести измерения, и сделать абрис.

После возвращения групп в Екатеринбург предстояла работа с отснятым материалом – преобразованием его в 3D-модель и построение карты пещеры на её основе. Всё это делается в специальной программе Терион (<https://therion.speleo.sk>), разработан-

ной спелеологами из Словакии. Данные из КПК загружаются в программу, и все кусочки карты сшиваются в ней как пазл, сглаживаются неровности и запускается генерация объема. Обработка всех файлов может занять не меньше времени, чем сама съемка в пещере.

Что же было обнаружено при сравнении свежей объемной модели с планом 2011 г.? Увлечшись многочисленными измерениями объемов, все три группы пропустили боковой ход и нишу в окне. Необходима была новая экспедиция, так как план получался неполный. И в конце июня группа выехала для завершения съемки. Тут и пригодился стационарный пикет на стене пещеры, так как все бумажные были убиты. Недостающие элементы были сняты, загружены в Терион и соединены с остальными частями пещеры.

Получилась современная 3D модель пещеры, а, по данным измерений, длина пещеры увеличилась на 15 метров по сравнению с планом 2011 года, но зато глубина уменьшилась на 2 метра. И с этой пропажей мы ещё будем разбираться. Возможно, отправимся в третью экспедицию для топосъемки этой же пещеры. Очень важно научиться всё делать правильно на маленьких объектах, чтобы потом снимать большие пещеры и строить их многокилометровые карты без ошибок. **УС**

▲ Топосъемщик в пещере

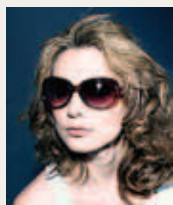
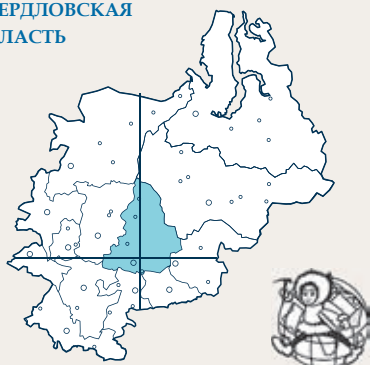
▼ Окаменелости в пещере

Стратегия подъема

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мария Порозова-Душак

Журналист, педагог, детский фитнес-инструктор, создатель и идейный вдохновитель сети детских фитнес-клубов г. Екатеринбурга, Тюмени и Перми. Автор научной работы по детскому фитнесу и развитию физических качеств детей в условиях современного дефицита двигательной активности. Мама двоих детей.

Фото автора
и Анны Кузнецовой

Как дать ребёнку ощущение властелина мира не в компьютерной симуляции, от которой у каждого родителя мурашки по коже, а в реальной жизни? Как подарить и чувство победы, и радость преодоления, и знакомство с неизведанным?

Я, как и многие родители, задавалась этим вопросом, выбирая виды спорта для своего ребенка. Пока однажды меня не озарило – скалолазание! Вот он, тот волшебный вид спорта, который часто выходит за стены спортивного зала, на скалы, в горы – туда, куда так стремится детская фантазия. Вот он, тот спорт, который заставляет работать не только тело, но и ум!

Неосуществимое становится реальным

Почему именно скалолазание? В отличие от многих других видов спорта, в скалолазании ярко выражены творческая, естественная направленность, у ребёнка не подавляется воля. Дети часто сами выбирают маршрут, учатся принимать решение. Это один из редких видов спорта, где одновременно развиваются такие качества, как коор-

динация, ловкость, логическое и пространственное мышление, улучшает реакцию, появляется решительность и целеустремленность. Кроме того, укрепляется мышечный корсет плечевого пояса, спины и живота. О проблеме осанки можно забыть.

Самая основная эмоция в скалолазании: я осуществил нереальное! Каждый раз, когда ребёнок (или взрослый) приближается к максимально сложной для себя трассе (не имеет значения – новичок ты или мастер спорта), то появляется ощущение, что преодолеть ее абсолютно невозможно. Однако вот малыш совершает попытку, вторую, организм обучается предельно эффективно размещаться на зацепах и беречь силы, да и просто становится сильнее. И в какой-то момент преодолевает наиболее сложное место, и вот она – вершина! Неосуществимое стало реальным!

Скалолазание учит выкладываться на все 100%. Бывают дни для побед, бывают дни для обучения, бывает, что ребёнок не прошёл трассу даже с пятой попылки, сорвался, упал и у него нет сил сегодня «идти в бой». Но он придёт завтра и повторит всё сначала, и возьмёт эту высоту.

Вы замечали, может быть, что у взрослых бывает много отговорок? Я слишком стар или молод, у меня не тот вес, не тот рост, не та погода,

слишком холодно или слишком жарко, не тот день недели... Я наблюдала за детьми на скалодроме и на скалах, у них нет внутренних ограничений, они просто ползут вверх, и это здорово!

Моей старшей дочери было 8 лет, когда она отправилась с нами в поход на скалы и увидела там тренирующихся скалолазов. Через 10 минут она уже знакомилась с этими загорелыми, весёлыми и ловкими ребятами, у которых все руки были в белом порошке. Ещё

спустя 10 минут я поняла, что на неё надевают страховку и быстро инструктируют. А спустя ещё немного времени она оказалась на вершине скалы. Детям не нужно много советов, они ищут выход своему любопытству, своей фантазии, своему желанию показать другим, на что они способны, и это толкает их вперёд.

С тех пор у моей дочери было много трасс, соревнования, успех и поражения, она доказала, что может прохо-

ния происходит сильное обезвоживание суставов и связок. Взрослому человеку различные источники рекомендуют около литра за 2 часа тренировки, потребность ребёнка значительно меньше.

дить разные маршруты, даже если мне кажется, что она устала и не осилит это.

Лишнего ОФП не бывает

Вот несколько правил, которые я смогла понять за то время, пока моя дочь тренируется:

1. Заниматься нужно на регулярной основе и лучше два раза в неделю. Трассы следует подбирать по своему уровню подготовки и менять их, как только мастерство подросло (а оно будет расти от недели к неделе). Конечно, для всего этого хорошо бы иметь опытного тренера-наставника.

2. Лишнего ОФП в скалолазании не бывает: чем лучше человек владеет своим телом, тем лучше лазает. Это может быть бег, гимнастика, ушу, баскет-

бол и лыжи. Кстати, помимо дополнительных физических тренировок, полезными будут также шахматы, занятия математикой, музыкой, классическими и бальными танцами. В скалолазании важны ловкость, сила, выносливость, гибкость, умение быстро принимать правильные решения.

3. Как и перед любой тренировкой, не наедайтесь сами и не кормите своего маленького спортсмена непосредственно перед физическими нагрузками. Чем больше съест ваш ребёнок, тем труднее ему будет бороться с земным притяжением — поднимать вверх придется не только собственное тело, но и съеденный обед. А вот воды рекомендуется пить много. Потому что в процессе скалолаза-

4. Учите ребёнка беречь пальцы. На первых порах пусть использует для хвата всю ладонь, чтобы не травмировать пальцы. И здесь, на мой взгляд, снова будет полезен опытный наставник-тренер, который научит и сложным, и простым хватам, и технике безопасности.

5. Одежда! Базовые вещи: вам нужна легкая футболка, легкие шорты или легкие тянущиеся штаны, чтобы не царапать колени. На ногах скалолазы обычно носят шлепанцы, кроксы или другую обувь, которую можно быстро скинуть и надеть туфли для лазания. Совет: на момент подготовки не покупайте специально дорогую спортивную одежду. Возьмите что-то подходящее из дома. После первых пар занятий вы поймете, в чём ребёнку удобно и что будет подходить ему по стилю, если это для вас имеет значение.

6. В скалолазании используют скальные туфли, магнезия, страховочная обвязка, карабины, устройство страховки и веревка. Но новичку лучше не покупать пока ничего, чтобы не совершить ошибку. Лучше пройти несколько занятий, тогда появится понимание.

www.uralstalker.com

7. Если ваш ребёнок (или вы сами) после пары занятий решили заниматься дальше, вам нужно будет купить скальные туфли и мешочек для магнезии. Остальное подождет. Я ждала 2 месяца, прежде чем купила скальные туфли своей дочери. Мы выбрали идеальные кроссовки, в которых она отлично тренировалась.

Советы тренера

Всё время с нами рядом шёл потрясающий человек, тренер, инструктор, наставник – Анастасия Мануйлова, мастер спорта, человек, который уже 14 лет в скалолазании и 3 года наставляет маленьких спортсменов на скалодромах и на скалах. Вот что Анастасия говорит о тренировках и мотивации:

◆ **Когда, с какого возраста детям лучше всего приходить в скалолазание?**

В настоящее время в скалолазание приходят дети даже с 2 лет, но это по большей части игры. С 6–7 лет дети осознанно выбирают спорт и готовы осваивать именно техническую сторону скалолазания.

◆ **Что развивает скалолазание у детей?**

Физическая сила (в скалолазании задействованы все группы мышц), скорость реакции, координация, логика, память, целеустремленность и трудолюбие, ответственность за себя и окружающих (так как безопасность зависит в первую очередь от самого спортсмена), а занятия в группе ещё и развивают коммуникативные способности.

◆ **Как вы увлекаете детей на тренировках, ведь им приходится выполнять немало ОФП и делать много повторений одного и того же?**

Большая часть тренировки проходит на скалодроме, а ОФП – неболь-

шая по времени, но важная составляющая скалолазания, и дети это прекрасно понимают. Считаю главным ключом к успеху в любой физической нагрузке – индивидуальный подход (кому-то упростить упражнение, кому-то уменьшить количество подходов). Часто дети увлекаются упражнением, глядя друг на друга, небольшим соперничеством и главным – желанием поиграть после выполнения всех заданий.

◆ **Хороший результат от тренировок ребёнка – он для вас какой?**

Горящие глаза на следующей тренировке! Для меня самая большая радость видеть, что ребёнку нравится двигаться, бегать, играть. Такой ребёнок сам идёт и просит новое задание, может сам придумать трассу себе и друзьям. Если это так, то физическое развитие и улучшение навыков скалолазания будут непременно.

◆ **Есть ли у ребят, занимающихся скалолазанием, свой язык, своя субкультура? И вообще, что отличает маленького скалолаза от других маленьких детей?**

У скалолазов появляются свои слова, но за пределы скал и скалодрома они не выходят. Маленькие скалолазы увереннее на детских площадках и на уроках физкультуры. Часто родители отмечают улучшение способности обучаться.

◆ **И самый волнующий родителей вопрос: получится у всех или нет?**

Получится у всех, у кого есть желание.

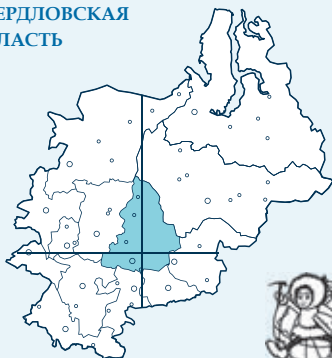
Какими вырастут дети, умеющие думать наперёд, разрабатывать стратегию подъёма, пробующие снова и снова и получающие наконец свою победу? Время покажет, но мне кажется, что жизненные трудности не будут так сильно влиять на них. **VG**

Cold Steel Voyager Large — крепкий середнячок

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Михаил Колотов

Турист, охотник, стрелок-спортсмен. Родился и проживает в Екатеринбурге. Умеет метко стрелять, быстро ездить и разрабатывать эффективные стратегии. В первый поход отправился в 7 лет. Сплавы по рекам Урала начал с 1990 года. Предпочитает велосипед автомобилю и вообще за здоровый образ жизни. Считает Урал опорным краем державы.

Фото автора

В связи с неуклонным улучшением потребительских свойств в популярном ножевом семействе Voyager от известной фирмы Cold Steel произошло обновление — модель Voyager Large получила клинок из приличной стали, каковой стала Carpenter CTS™ — BD1 Alloy.

Вынужденный шаг

Конечно, надо понимать, что этот шаг был во многом вынужденным — фирма Cold Steel с середины-конца нулевых годов стала выпускать почти все свои складные ножи из простой стали AUS8, и это продолжалось бы и дальше, но китайские товарищи за прошедшее время значительно улучшили качество своей продукции, радикально подняли уровень применяемых сталей, включая использование той же самой AUS8, реально подняли

уровень. Конечно, надо понимать, что этот шаг был во многом вынужденным — фирма Cold Steel с середины-конца нулевых годов стала выпускать почти все свои складные ножи из простой стали AUS8, и это продолжалось бы и дальше, но китайские товарищи за прошедшее время значительно улучшили качество своей продукции, радикально подняли уровень применяемых сталей, включая использование той же самой AUS8, реально подняли

рые лежали еще недавно на прилавках ларьков. Точнее, эти тоже продолжают лежать, но теперь к ним присоединились совершенно иные. Ныне выпускаемые китайские ножи составляют нешуточную конкуренцию брендам, по крайней мере в бюджетном сегменте. Сейчас за «место под солнцем» (то бишь за деньги из карманов потребителей ножевой продукции) брендам приходится побороться, улучшая характеристики своей продукции и в первую очередь — качество стали клинка. Для брендов наступили трудные времена, и, увы, халва (когда можно было продавать задорого ножики из простых сталей) закончилась. Теперь только применение хай-тек сталей с современными техническими решениями в конструкции вкупе с оригинальным дизайном способны удержать долю рынка.

ТМО, в итоге это привело к тому, что выпускаемые и ныне складные ножи как под собственными марками, так и «ноунейм», стали совершенно не похожи на тех «уродцев из пластилина», кото-

Поэтому в данной модели использован «порошковый вариант 154 CM», как принято говорить в обиходе (что не является точным определением, заметим) — сталь Carpenter CTS™ — BD1 Alloy, производимая американской металлургической компанией Carpenter Technology Corporation оригинальным методом вакуумной плавки, который делает получающуюся сталь высокочистой от вредных примесей и существенно

улучшает эксплуатационные характеристики изделий из нее.

Сталь Carpenter CTST[™] – BD1 Alloy, строго говоря, не является порошковой сталью, но, действительно, по своим характеристикам и свойствам для пользователя близка к популярной 154 CM (японский вариант которой именуется ATS-34). Ножи из нее имеют острую и стойкую режущую кромку, которая легко точится в бритву в случае затупления, и обладают высокой стойкостью к коррозии и выраженным агрессивным резом.

Состав стали: С 0.9%, Cr 15.75%, Mo 0.3%, V 0.1%, Mn 0.6%, Si 0.37%.

Сталь эта не премиум-сегмента, скорее ее положение в «табели о рангах» «средний класс», но так и линейка Voyager у фирмы Cold Steel – это именно крепкий середнячок.

Заметим, что линейка Voyager на момент написания настоящей статьи насчитывает уже достаточно много моделей (кстати, самыми ближайшими родственниками рассматриваемой модели являются Voyager Large Clip Point Serrated с полным серрейтором и Large Voyager Tanto).

Закаливают клинок, как объявлено, с твердостью 59–60 по шкале Роквелла (HRC), и это очень похоже на правду. Тип отделки – Stonewash.

Безупречное качество отделки и сборки

Параметры Cold Steel Voyager Large Clip Point Plain Edge CS_29TLCC (получены методом измерения): длина общая – 234 мм, длина клинка по ГО-СТу – 89 мм, длина клинка до рукоятки – 100 мм, наибольшая толщина клинка – 3,35 мм, ширина клинка на среднем участке составляет 30 мм, спуски клинка прямые от обуха. Верхняя кромка «щучки» имеет сужение, но это не заточка.

Замок стандартный теперь для всех ножей от Cold Steel – TriAdLock. Надо отметить, что это очень и очень хороший замок, едва ли не самый крепкий и надежный из всех имеющихся. Очень безопасный в обращении, поскольку обладает мощной прижимной силой и клинок вряд ли может самостоятельно раскрыться от случайных усилий. В отличие от аксис-лока, он не содержит тонких пружин, которые могут

легко корродировать и доступ к которым весьма проблематичен (только при разборке ножа). Здесь же единственная плоская толстая рессора, которая поджимает коромысло.

Первое, что отмечаешь, когда берешь нож в руки, – его безупречное качество отделки и сборки как для ножа средней категории и то, что нож

ОЧЕНЬ легкий, практически невесомый. Масса ножа всего 129 г, при этом, как мы помним, размер ножа достаточно большой. Это весьма востребованное качество, надо сказать. Необычайную легкость ножа отметили все, кому я дал этот нож в руки «на пробу», одновременно вручив и нож обычной массы, — более легкий Voyager неизменно нравился больше.

Заслуга малой массы — в лайнерах из алюминиевого сплава в обкладках рукоятки. Рукоятка не открытая, имеется пластиковый бэкспейсер, который, совместно с коромыслом замка, полностью закрывает верхнюю грань рукоятки. Новомодных подшипников вместо бронзовых или фторопластовых шайб нет, что радует.

Материал рукоятки — так называемый Grivory. Это полимер из группы полиамидов с наполнителем из стекловолокна и частиц кевлара от швейцарской фирмы EMS-Chemie AG, по сути, аналог Zytel, с которым он сходен по составу, но рассчитан на более расширенный рабочий диапазон температур и обладает большей прочностью на удар и излом. Рукоятка имеет ярко выраженную текстуру в виде мальтийских трехмерных крестов (по всей видимости, Линн Томпсон, бессменный директор и основатель компании Cold Steel, стал неравнодушен к рыцарям Мальтийского ордена). Текстура вышла очень агрессивной и обладает превосходной адгезией, компенсируя этим некоторую природную скользкость данного материала.

Клипса «из коробки» очень тугая, и если не отогнуть клипсу, то берегите карманы брюк. Клипса ножа предназначена для ношения ножа в положении Tip-up, то есть острием вверх. Может быть установлена на левую сторону, но в то же самое положение Tip-up. Вперед установлена быть не может, и это хорошо — нет ненужных отверстий в рукоятке, как раз в зоне максимального загрязнения. На самом деле

с учетом свойств замка TriAdLock, который имеет очень большую «силу притяжения» клинка, это самое правильное положение ножа для ношения, так как опасаться за самораскрытие клинка при замке такой конструкции нет ни малейших оснований. Опять же случайно замок разблокирован быть не может, так как усилие на открывание должно быть приложено точно и с изрядной силой.

Открывается нож с сочным звонким щелчком. Для удобства открытия шпелек вынесен подальше от рукоятки, что делает открытие безопасным и быстрым, а также не затрудняет манипулирование ножом в перчатке.

Клипса покрашена в черный цвет, она не сделана потайной, при ношении видна небольшая часть рукоятки, но так как она не содержит видимых металлических элементов, то может быть принята за какой-либо другой бытовой предмет, не нож. Хват за рукоятку при извлечении ножа очень удобен. На мой взгляд, можно дополнить комплектацию ножа отдельной потайной клипсой, с которой бы нож полностью скрывался в кармане, а пользователь бы имел возможность выбора.

Эргономический шедевр

Хотя со словом Large, по мнению Cold Steel, характеризует размер данного ножа, с этим согласиться нельзя. Да, если говорить именно и только о линейке Voyager, то название large («большой») вполне уместно, так как вполне отражает его место в линейке, но если делать обозначение размерности ножей «сквозным» и привести его в соответствие со шкалой одежды, то ножи с клинками до 70 мм надо именовать XS, 70–89 мм — это S (Small), размер 90–105 мм образует размер M (Medium, средний), ножи с клинком 106–127 (до 5 дюймов включительно) образуют настоящий размер L (Large) и, наконец, ножи с клинком 128 мм и больше (основные встречающиеся размеры 130–140–152 мм),

конечно же, образуют размер XL (eXtra Large).

Сравним, например, Cold Steel Voyager Large с другими ножами: ножом от НОКС БоровикXL2 и Cold Steel Spartan. Мы видим, что размерность Вояжера и Боровика XL одна и та же, и длина клинка у них (до рукоятки) полностью совпадает и равна 100 мм.

SPARTAN, имеющий клинок всего на 12 мм больше (112 мм), очень заметно крупнее Voyager и явно образует следующий типоразмер L (это тем более усиливается эффектом массы — Спартанец вдвое тяжелее Вояжера). А «старший брат» модели Voyager Large — модель Voyager Clip Extra Large Plain CS_29TXCC, клинок которого имеет длину 139,7 мм, оказывается именно в категории XL, так что он маркирован более точно.

А теперь о главном. Форма рукоятки потрясающе удобна! Воистину, инженерам Cold Steel удалось создать настоящий эргономический шедевр! Перебрав в своих руках многие сотни разных ножей, я постоянно сталкивался с эффектом «неплохо, но ведь можно сделать лучше». Эта рукоятка — первая рукоятка на ноже такого размера (именно такого размера, на ножах большего размера мне попадались рукоятки без придинок), в которой в общем-то и нечего улучшать. Рукоять имеет скос под естественный профиль ладони (привет прямым рукояткам) и упор в ладонь. Именно так и должна быть спроектирована рукоятка. Центр тяжести ножа находится в аккурат над указательным пальцем, таким образом, если пальцы, удерживающие рукоять, разжать (удерживая нож, естественно, ладонью вверх), то нож останется в руках, а не упадет на землю. Это востребованная опция.

Задний зацеп рукоятки под мизинец чрезвычайно улучшает «дружелюбность» пользования ножа и реза им, способствуя удобству любых хватов. Если рассматривать применение ножа чуть более широко, то такая форма позволяет удобно использовать так называемый «пистолетный» или «рапирный» хват, когда наверх рукоятки упирается в ладонь и нож сильнее выступает из кисти, удлиняя дистанцию. В случае экстренной необходимости, задний зацеп позволяет наносить хлесткие секущие удары. Вообще нож без мизинцевого зацепа всерьез «в случае чего» восприниматься не может. Конечно, это нечасто востребовано, но тем не менее может иметь место. Лучше пусть он будет, чем нет.

Передняя подпальцевая выемка образует надежный упор, защищая ваши

пальцы от порезов при бытовых работах. Все работы ножом выполняются на ура, нет ни одной кухонной работы, которую бы он не сумел выполнить, выполняя роль «кухонника». Нарезка продуктов тонкая, чистка картошки затруднений не вызывает, шинкование быстрое — в общем, голодными с ним не останетесь. Клинок легко открывается и, что немаловажно, закрывается одной рукой. Шпенек, за который производится открывание клинка, далеко отстоит от рукоятки, что значительно добавляет удобства пользования и предотвращает порезы, так как если шпенек будет слишком близко от рукоятки, то палец может соскользнуть. Этот эффект очень даже проявляется на других ножах, где шпенек расположен не так грамотно. Шпенек имеет круговую насечку и сделан развинчивающимся, на одну сторону выведен шлиц, отлично видимый на фото. Вояжером удобно пользоваться и в перчатках, что добавляет ему очков и качестве тактического ножа, хотя он и непривычно воспринимается в этом амплу, но это обманчивое впечатление, как я покажу ниже. Кончик клинка прочный, можно что-то ковырять, конечно, без фанатизма.

Большого чоила нет, есть маленький, размер которого вкупе с длиной рукоятки после выреза позволяет использовать еще один хват ножа для тонких работ, когда в переднюю выемку ложится средний палец. В общем, рукоятка ножа — это его очень, очень сильная сторона. Но она не является тонкой, и нож не плоский.

Насечка рукоятки не наминает палец при работе ножом, и это хорошо, так как по установившейся недоброй традиции принято у производителей делать эту насечку очень агрессивной, наминающей палец и рвущей перчатки, без малейших на то оснований. Кто-то когда-то из маркетологов это придумал — и все тиражируют не задумываясь. Пример такого ненужного рвения мы видим на ноже Ontario RAT1 и его клонах. Рукоятка имеет отверстие под темляк, маркетингологически официально именуемое Lanyard Hole, — что означает «отверстие или приспособление в задней части рукояти для страховочного корда или ремня».

Рационален для пользователя

Длина, толщина, форма и строй клинка Voyager Large Clip Point очень хороши и позволяют удобно использовать данный складной нож по назначению. Классическая щучка (Clip point по западной классификации), прямые спуски от обуха — отлично, именно то, что надо. Считаю тройной клин весьма

рациональным для пользователя, когда клинок сужается к острию в трех плоскостях.

Таким образом, без всякого преувеличения можно сказать, что нож удался на славу! Ладный, легкий, прочный, резучий, долговечный и коррозионно стойкий клинок отличного профиля, с надежнейшим замком, за который мне так нравятся ножи от Cold Steel. Плюс очень эргономичная рукоятка. В итоге получился отличный компаньон «всегда-с-собой», на сто процентов оправдывающий свое название Voyager. Цена ножа Voyager Large весьма умеренна и в общем вполне доступна. Вообще вся линейка Voyager и данный нож в частности входит в средний класс и имеют умеренную, доступную цену.

И немного о том, настолько глубоко можно погрузить в материал данный нож. На испытаниях на укол он показал очень впечатляющие возможности, обогнав ярко выраженный тонкий кинжаловид Cold Steel Counter Point 2, а также другие популярные ножи!

Я сам был очень удивлен — но при одинаковой силе удара глубина проникновения в массу гофрокартона (которое представляло собой тестовую мишень) достаточно большого и широкого клинка Voyager оказывалась на один-три миллиметра глубже, чем у хищно выглядящего и куда как более тонкого клинка Counter Point 2, при заметной разнице в ширине образующегося в картоне канала.

То есть укол у данного ножа очень эффективный, превосходящий многие другие ножи (см. сравнительный тест). Фактически Вояжер стал одним из лидеров на глубину погружения в картон (среди принимавших участие в тесте). Так тип острия «щучкой» испокон веков для ножей используется — ничего удивительного. Также эффективности удара способствует надежность удержания рукоятки без опасения за травму руки. EDC нож (предмет ежедневной носки) — такая штука, что неизвестно, в какой ипостаси он тебе может понадобиться, а может потребоваться всякое. **VC**

«Прожиточный минимум» туриста

Питание в походе

Евгений Ватагин

Персональный тренер. Кандидат в мастера спорта по пауэрлифтингу. Призер областных соревнований по боксу и армрестлингу. Проходил военную службу в морской пехоте. Активный покоритель лесов и гор.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

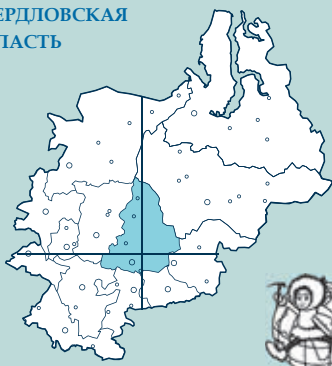

Фото Юрия Вечканова

Сегодня я бы хотел поговорить с вами о питании в походе, так как правильное и сбалансированное питание является неотъемлемой частью здорового образа жизни. Мы разберём: чего и сколько с собой взять, чтобы быть энергичным и в то же время не тащить лишнего.

Сначала основы питания. Для нормального существования нам нужны калории. Основа питания – это макро- и микронутриенты. Мы будем рассматривать сегодня только макро-: белки, жиры и углеводы. Из них мы состоим и их мы должны регулярно восполнять, чтобы оставаться в здоровом состоянии. Для примера: у здорового человека весом 70 кг примерно по 15 кг мышечной и жировой ткани, а углеводов примерно 700 г. Из этого следует, что основу нашего питания должны составлять белки и жиры, а не вафли с конфетами. Каждый грамм белков и углеводов содержит 4 ккал, а жиры содержат 9 ккал.

Каждый из макронутриентов имеет свои функции. Самым важным является *белок*, у него самый большой спектр действий. Он регулирует скорость реакции внутри клеток, защищает нас от болезней, является транспортом для всех микроэлементов нашей крови и многое другое. *Жиры* не менее важны для нас. Каждая клетка покрыта жировой мембраной, это своеобразная клеточная защита; если не потреблять должное количество насыщенных жиров, иммунитет ослабевает. А разболеться в походе никто не хочет. Жир согревает нас, а погода может быть весьма переменчива. Также жир имеет одно весомое отличие – он более энергоёмкий, он со-

держит 9 ккал на 1 г. Соответственно, даёт больше энергии при окислении внутри клетки.

И ещё одно, ходьба (а поход предполагает пешие переправы) осуществляется в основном за счёт липолиза, то есть окисления жирных кислот. А глюкозу или углеводы мы используем, только когда пульс поднимается выше 120–130 ударов в минуту, такое может быть только во время подъёма или очень быстрого шага. Поэтому целесообразно использовать жир как топливо, так как работа не предполагает большого количества энергии в единицу времени.

У углеводов только одна функция – энергетическая, а энергия в походе нам очень нужна, поэтому мы про них не забудем. Но возьмём их не так много, так как «основной удар» возьмут на себя жиры – при том же весе они обладают большим потенциалом. И гораздо важнее для организма.

Из этого следует, что основу рациона должны составлять жиры, а белки с углеводами разделяют между собой второе место.

Сейчас мы всё посчитаем. У каждого человека есть базовый обмен веществ, он высчитывается по формуле Маффина-Джеора.

Для мужчин: $9,99 \times \text{вес (кг)} + 6,25 \times \text{рост (см)} - 4,92 \times \text{возраст} + 5$

Для женщин: $9,99 \times \text{вес (кг)} + 6,25 \times \text{рост (см)} - 4,92 \times \text{возраст} - 161$

Это количество калорий, которые ваше тело тратит в состоянии покоя.

«На что же оно их тратит?» – спросите вы. Во-первых, это работа мозга. Во-вторых, дыхание. И, конечно же, работа вашего сердца. Прекращение любого из этих процессов ничего хорошего не сулит. Это ваш «прожиточный минимум».

Если же мы собрались в поход, то на минимуме мы далеко не уйдём. Нам нужна будет добавка, которую мы можем рассчитать по формуле:

Расход энергии (ккал/мин) = $0,035 \times M + (V^2/H) \times 0,029 \times M$,

где M – вес тела человека, H – рост человека, V – скорость ходьбы ($V=S/t$, где S – расстояние в км, t – время в часах).

Сложив результаты, полученные по двум формулам, вы узнаете, сколько калорий потратите в день похода.

Пример. Для примера возьмём меня: мне 32 года, мой вес 90 кг, рост 185 см.

Я планирую пройти 30 км за 8 часов.

Считаем базовый обмен веществ

$9,99 \times 90 + 6,25 \times 185 - 4,92 \times 32 + 5 = 899,1 + 1156,25 - 157,44 + 5 = 1902,91$

Далее считаем расход энергии на прохождение запланированного расстояния

$V = 30/8 = 3,75$

Расход энергии (ккал/мин) = $0,035 \times 90 + (3,75 \times 2/185) \times 0,029 \times 90 = 3,15 + 0,106 = 3,256$

Умножаем на количество минут $3,256 \times 480 = 1562,88$

Складываем результаты двух вычислений

$1902,91 + 1562,88 = 3465,79$ ккал

Столько калорий я потрачу на сутки похода.

Полученное количество калорий мы делим на макронутриенты.

50% мы отдаем жирам, т.к. они имеют наибольшую энергоёмкость. Это ~ 1730 ккал = 192 г

25% на белки ~ 865 ккал = 216 г

25% на углеводы ~ 865 ккал = 216 г

К полученным цифрам мы подбираем продукты, которые хотим взять с собой в поход. На упаковках всегда есть информация о количестве нутриентов.

Например, гречка:

На 100 грамм мы имеем:

Калории 343

Белки 13 г

Жиры 3,4 г

Углеводы 72 г

По калориям 1 кг гречки мне идеально подходит по количеству затрачиваемых калорий в сутки, но совсем не подходит по пропорции нутриентов. Отсюда следует, что одной гречкой не обойтись.

К гречке добавим тушёнку (говядина):

Калории 232

Белки 16,8 г

Жиры 18,3 г

Углеводы, г. 0.0

К углеводистой гречке добавляем тушёнку, получается и вкуснее, и питательнее – и мы становимся ближе к пропорции 25/50/25. Но жиров всё ещё маловато. Их можно с лёгкостью восполнить с помощью орехов. Во-первых, они хорошо хранятся и, во-вторых, имеют значительную энергоёмкость. В среднем на 100 г в орехах содержится 600 ккал, которые в основном состоят из жиров.

Надеюсь, идея вам понятна и к следующему походу вы сможете подготовиться лучше с нутрициологической точки зрения. И не забудьте по 10–20% резерва на всякий случай!

Данная схема актуально только для походов, в обычной жизни количество нутриентов считается по-другому. Будьте здоровы!

«Стоп! Снято!»

60 лет отряду «Каравелла»

1 января 2020 года по традиции мы сидели с командором и обсуждали планы на год. Ничего не предвещало никаких особых катаклизмов. В мире было стабильно нестабильно. Все пандемии и потери были впереди. Настроение и температура «средняя по больнице» были нормальными.

Я подарила ему на Новый год оловянно-го солдатика-барабаничника периода петровских времён и раскладную открытку с вырезанным из бумаги силуэтом парусника. Папа Слава любил такие подарки.

— От такого кораблика хорошая тень не получится, — внезапно сказал командор. Мы немножко посидели в тишине, затем я попросила:

— Расскажи мне про эту часть твоего детства. Что в ней было самое важное?

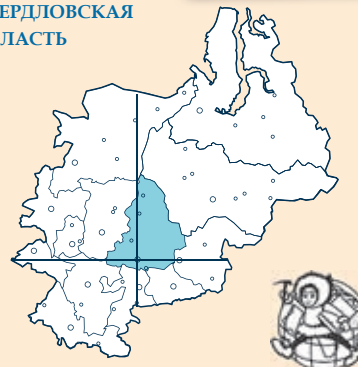
— Самое важное было то, что мы с другом Пашкой нашли друг друга. И ощутили единение душ. У нас была настоящая дружба, которую мы пронесли через всю жизнь. Мы жили в голоде, холоде и вечном страхе за родных на фронте и в тылу. Но, когда появилась «Каравелла», мы вообще не чувствовали никаких невзгод. Просто были счастливы, что почувствовали друг друга. Мы же не игра-

ли, мы жили этими мимолётными мгновениями... Я ведь почему не смог быть в Тюмени, когда вернулся туда в 2007-м? Потому что через три года Пашка сильно заболел. И было понятно, что скоро он уйдёт за грань. Пока люди живы, они чего-то бегают, суетятся, спорят, отстаивают, доказывают друг другу. Не понимая, что жизнь каждого из нас в масштабах Вселенной всего лишь миллиардная доля секунды. Надо наслаждаться ею во всей полноте, не растрчивать по пустыкам на склоки и раздоры. Успевать помочь друг другу и сказать самое главное. А озверевший вконец мир этого не понимает.

— Папа Слава, а ты не боишься смерти?..

— Как ни странно, нет. Боюсь другого, что, когда я уйду, тебя вместе с отрядом поглотит Система.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Лариса Крапивина

Командор детской парусной флотилии «Каравелла», яхтенный капитан, член Союза журналистов России, кандидат педагогических наук, Почётный работник сферы молодёжной политики РФ.

Фотографии из архива семьи Крапивиных и отряда «Каравелла».

— Это мы ещё посмотрим, кого поглотит, — с юмором и отвагой ответила я. — Слушай, вот ты сейчас так здорово рассказывал про детство... и про силу дружбы. Давай сделаем наш отрядный фильм по твоей повести «Тень Каравеллы». Сейчас в отряде очень симпатичные есть типажи. Ванька Бессонов — сын Игоря — рыжий, просто вылитый Дыркаб... На роль Пашки есть у меня кандидаты, Владьку тоже, думаю, найдем. Ребят, подготовленных на наших театральных постановках, много... Массовые сцены в лучших каравельских традициях снимем. А посвятим кино, как и книжку, твоей маме...

— Нет, это же будет уже не моя книжка, а твой фильм. Посвяти его ребятишкам, у которых война забрала детство... Тем, кто с замиранием сердца слушал Левитана и мечтал о Победе не меньше, чем взрослые.

— Хорошо. А ты поможешь со сценарием?

— Ну, уж фиг, — ответил командор. — Я и так вкалывал, как загнанная лошадь, всю жизнь. Сейчас наслаждаюсь жизнью, ловлю и ощущаю её непо-

вторимые струны и мгновения... А все так и норвят снова припахать меня к работе? Это уже твоя задача — пиши и снимай сама в лучших традициях «Figa».

Детская киностудия работает в «Каравелле» с 1962 года. Фактически с момента создания «Бандериллы» и «БВР» мы начали снимать своё кино. Так появилась «FIGA»: **Фильмы Исторические Героические Артистические**. Порой эту аббревиатуру истолковывали как ответ многочисленным скептикам, утверждавшим: «Ни фиги у вас не выйдут!».

Первые фильмы киностудии снимали на 8-мм плёнку, чуть позже (в 70–80-х гг. XX века) перешли на 16-мм. До появления видеокамер мы прошли по классической исторической схеме, свойственной взрослому кинематографу, — все фильмы, которые производила «FIGA», были немые с вклеенными титрами. За прошедшие десятилетия снято тридцать художественных фильмов и более восьмидесяти документальных, в том числе и социальных роликов. Среди них наиболее известные: «Три мушкетёра» (1965), «Приключения Незнайки» (1967), «Гнев отца» (1969), «Остров Сокровищ» (1970), «Робин Гуд» (1975), «Вратарёнок Чип» (1979), «Жили-были барабанички» (1980), «Кораблик, или Хроника капитана Саньки» (1983), «Вождь краснокожих» (1984), «Сказка о мальчишках из картонного города» (1985), «Три мушкетёра, или 20 лет спустя» (1986),

«Манекен Васька» (1988), «Еще одна сказка о Золушке» (2001), «Планета» (2004) и другие. В середине восьмидесятых годов одним из подразделений киностудии была группа «РИО БРАВО», которая сняла серию приключенческих боевиков.

Особенностью каравельских сценариев является то, что они сразу пишутся под конкретных героев, которые бегают, скачут, живут в пространстве нашего центра. Мы находим их на фехтовальной дорожке или на посту возле флага. Проверяем в диалогах, спорах и диспутах. Каждая творческая постановка новогоднего спектакля на каравельской сцене открывает новые имена. Но не будем забывать, что кино диктует свои законы жанра.

Через неделю сценарий был готов. В нём странным образом переплелись и соединились книжные миры и реальные пространства условного киномира. Командор прочитал, оценил и с ухмылкой сказал:

— В целом неплохо, даже близко к первоисточнику.

— А в частности? — осторожно спросила я.

— Что говорить про частности, если для начала нужны детали: вещи и мебель той эпохи, книжки в рамке «библиотеки приключений», перьевые ручки, тетради, чернильницы, репродуктор, дом с обоями на стенах и деревянным полом, занавесками на окнах и печкой голландкой.

▲ 56.84718448668087 N
60.585084784740125 E

▼ 56.85319701485235 N
60.473638391490425 E

— Какая печка? Я думала, что карта и «Каравелла» — это главное. Ведь это фильм про жизнь детей, про их сказку и всепобеждающую силу Дружбы.

— Господи, ты где собралась снимать кино про Великую Отечественную войну? В офисе? С кем? С детьми, которые дальше смартфона и компьютера ничего не смыслят. Книжек они не читают, сказки и дружба от них так же далеки, как наша Земля от Юпитера. Дом и предметы хотя бы создадут атмосферу...

— Знаешь что, папа Слава, хватит умничать! — взорвалась я в ответ — Ты и так ловко увильнул от сценария, но раз такой пошёл разговор, то будешь теперь главным консультантом и вдохновителем нашего фильма.

— Это кто так решил? — изумился он.

— Ты сам и решил, когда отправил меня писать сценарий. Вот и давай... Включайся и расскажи, хотя бы на словах, что за печь такая. Остальное найдём в Интете.

— Вы без интернета уже шаг ступить не можете. Печь простая круглая чугунная, она была большая и сразу обогревала две или три комнаты. Топилась дровами или углём. Если найдешь печку, тогда можно дальше разговаривать про съёмки.

— Что значит, если? Знаю я эти разговоры. Сначала печь, потом, как

в сказке про Кощея, сундук на острове, в сундуке утка, в ней яйцо, в яйце игла...

— Ты это к чему клонишь?

— Ни к чему. Так, мысли вслух. Хорошо. Значит задача — будем искать печь и репродуктор.

— Он как тарелка, круглый — чёрный, за провод подключался к радиорозетке. Но главное не это...

— А что?

— Сами ребята, они обязательно должны любить читать книжки. Настоящие, не в телефоне. Если не найдёте таких, ничего не получится. Кроме того, одежда, причёски, деревянное оружие, часы-ходики, посуда в буфете... — тут голос его дрогнул. Он внезапно замолк и вдруг тихо сказал: — Слушай, зная твою силу, если вы всё-таки снимете это кино, то сделай для меня одну вещь...

— Какую?

— Хочу, чтобы мамин красноармеец был в сценарии и в фильме. Я его помню с детства. Он всегда был со мной. Пусть и там будет с вами. Ещё я бы добавил моря, солнца и лета. Без них как-то слишком сурово и драматично всё получается по твоему сценарию.

9 марта мы начали съёмки. Конечно, не обошлось без традиционного для мира киноискусства разбивания тарелки о штатив во время первой массовой сце-

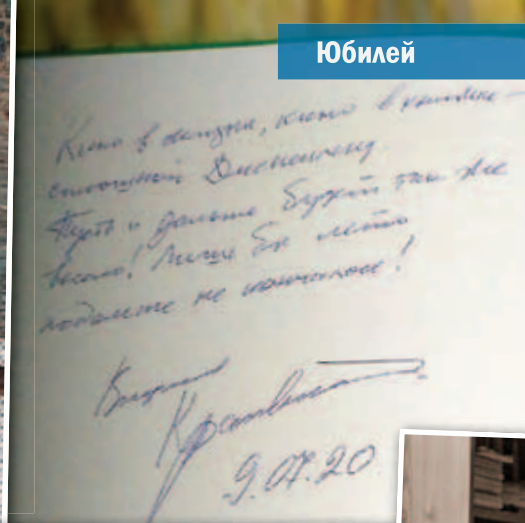
ны «шторм крепости». После сбора авторграфов тарелка разлетелась на кусочки и прозвучала заветная команда «Мотор!». Сама организация съёмки этого масштабного проекта, в которых было занято больше 250 человек, в том числе и шестилетних детей, на протяжении всего 2020 года, в разгар всеобщей пандемии и локдауна, заслуживает отдельного рассказа и фильма про фильм.

Дом с русской печью и голландкой нашёлся в посёлке Горный Щит. Репродуктор привезли из Тюмени. Костюмы искали по всему городу, в том числе и на Свердловской киностудии. Мебель и предметы быта собирали по старым чердакам и семейным сундукам. Как по заказу, во время съёмки на натуре, когда было нужно, то всё небо заволакивали зимние тучи и валил снег, а в летней сцене на острове, в достаточно прохладный день под закат августа, выглянуло столь необходимое яркое солнце.

Героев нашли среди каравельских ребят, которые никогда до этого ни в каких фильмах не играли. Детей на роли выбрала я, но утверждали мы их вместе с командором, когда первые же пробы показали, что попадание «в десятку». Дети жили в кадре. Четыре отснятых и смонтированных эпизода Владислав Крапивин успел посмотреть и высоко оценить. Мы торопились, но в лучших традициях синемагорафа (из-за ковидных ограничений) все сроки съёмки регулярно переносились. Лето снимали зимой, а зиму летом. На исходе зимы

▲ 56.68409611315829 N
60.50744199144631 E

Сказки капитанов

Портфель капитана Рубца

*
«А дальше по фильму»,
или Листочек

▲ 56.82347904635277 N
60.34953438210718 E

на тающем водоёме из остатков стремительно исчезающего снега была сооружена крепость, которую штурмовали отважные бойцы. Подо льдом рисковали оказаться не только они, но и многочисленная съёмочная группа и родители каравельских семей в виде постоянной группы поддержки. Крепость и лёд с честью выдержали штурм, но вскоре растаяли. Вторая массовая сцена, которая проводилась на острове Шабур Верх-Исетского водохранилища, принесла не меньше эмоций и переживаний всем участникам. Остров должен был быть тропическим. Специально для него по всему городу собирали пальмы в кадрах, кото-

рые очень экзотически смотрелись на вековых каменных нагромождениях стоянки древнего человека рядом с берёзами, соснами и зарослями кустов уральского шиповника. Аборигены в легких юбочках из сена и босиком, отогревавшиеся в перерывах между съёмками, в куртках и спасательных жилетах, тоже выглядели весьма причудливо. А остров, заросший фамильной травой (крапивой) с полчищами муравьёв и тучами комаров во всей полноте помогал почувствовать великую силу киноискусства.

Основные сцены в доме снимали в несколько приездов. Некоторые в 30-градусную жару. В домишке было тепло, как будто в нём хорошенько протопили печку, что, конечно же, помогло актёрам лучше вжиться в роль замерзающих детей военной поры. Третья массовая уличная сцена снималась в феврале 2021 года, в 20-градусный мороз возле знаменитого Макаровского моста в Екатеринбурге. Всё пространство съёмочного прохода было завалено по пояс снегом. Пришлось участникам сначала вдоволь наваяться в снегу и утрамбовать площадку, чтобы актёры, режиссёр и операторы смогли начать работать. Когда в кульминационной сцене Ноздря настиг Владьку, требуя вернуть карту, сквозь оцепление на городском пруду прорвались случайные прохожие, которые сначала хотели помочь, а потом жаждали остаться, чтобы понять, кого это и за что так мучают?

Командор Владислав Крапивин ушёл за грань 1 сентября 2020 года. Оглядываясь назад, точно могу сказать, что он многое предчувствовал и каким-то образом знал. Красноармеец стал частью фильма, а финал кино стал другим. В начале июля 2020 года он подарил мне свою книгу «Пироскаф «Дед Мазай», недавно вышедшую в московском издательстве «Детская литература» и красочно оформленную рисунками Евгения Медведева. Дарственную надпись на форзаце, конечно, связал с фильмом. Теперь мы никогда не узнаем, по случайности или специально он не написал имя адресата. Таким образом, можно сказать, что этот финальный автограф — посвящение всем читателям и зрителям: «Кино в жизни, кино в книжке — сплошной Диснейленд. Пусть и дальше будет так же весело! Лишь бы лето подольше не кончалось! Владислав Крапивин. 09.07.2020».

Проект съёмок фильма «Тень Каравеллы» получил поддержку Министерства культуры Свердловской области, администрации города Екатеринбурга и Фонда президентских грантов.

В главных ролях: Женя Казанцев, Прохор Огинов, Радмила Богданова, Иван Бессонов, Дарья Крапивина, Всеволод Доможиров, Сергей Шербаков, Евгений Галимов, Андрей Копылов. В массовых сценах — отряд «Каравелла».

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstv.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstv.com

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www uralstalker.com

ISSN 0134-241X

Август 2021

Аэлита

50 **Добрые попутчики**

МИХАИЛ ХАРИТ

Рыбари и виноградари

50

59 **Законы Вселенной**

ДМИТРИЙ НИКОЛОВ

Отвергших небес благодать

59

72 **Повод для улыбки**

КОНСТАНТИН ШАБАЛДИН

Кимберлитовая кикимора

72

Рыбари и виноградари

Отрывок из романа

Михаил Харит

Доктор технических наук, профессор, лауреат государственной премии в области науки и техники. Возглавлял экспедиции в Тянь-Шань, на Урал, Пиренеи, малоизученные зоны Сибири и Дальнего Востока. Путешествовал в Антарктиду и на Северный Полюс, участвовал в археологических раскопках в Греции, Израиле и Франции. Написал комментарии к Библии и Торе. Создал трёхтомную авторскую энциклопедию архитектуры. В 2013 году написал первую книгу романа «Рыбари и виноградари», где предсказал многие события, происходящие на планете в наши дни. В 2021 году вышла вторая часть романа «Рыбари и виноградари. В начале перемен».

Андрей был женат пять раз, и, как полагал, каждый раз счастливо. Да и любовниц заводил без счёту. Он влюблялся часто, неистово и всегда находил взаимность. Но никогда не случалось, чтобы история оканчивалась гладко. Любовь наступала бурлящей волной, поднимала, несла, кружила в водовороте безумств и уходила, выбросив его, голого, мокрого и опустошённого, на пустой берег...

После четвёртого брака стал верить в приметы. Упала вилка — придёт гостья и всё закончится постелью. Встретил на улице женщину, неважно с пустым ведром или полным, — будет секс. Чёрная кошка перебежала дорогу — ночь окажется нескудной. Ржавый гвоздь у тротуара — к эротическому приключению. Когда в очередной раз обнаружил у входа в мастерскую монету — понял, что скоро женится.

Пятая жена привлекла дикой животной силой, которую он воспринимал, как эротизм. Здесь ощущалась загадка, поскольку Мария была страшна как смерть. Человеческий мозг способен на неожиданные ассоциации. Лицо девушки походило на африканскую маску и почти не имело мимики. И это вводило Андрея в сексуальный столбняк. Она казалась ожившей скульптурой или фантастическим персонажем японского театра, где на лицах актёров лежит толстый слой грима. У неё было сильное тело дикого существа, гибкое, эластичное. Мышцы упруго играли под смуглой кожей, покрытой множеством шрамов. Загадочные татуировки осеняли спину и живот.

Детство девочка провела в постоянных приключениях на Чёрном континенте без матери, лишь с путешественником-отцом. Тот работал то ли шпионом, то ли дипломатом. Скорее всего, и тем и другим. Походил на здоровенного и дочерна за-

горелого Деда Мороза и ударом кулака мог заставить любого людоеда стать вегетарианцем. Они болтались по джунглям, ездили на пирогах, спали в гамаках. Машу кусали змеи, скорпионы, пауки, ядовитые мухи и бесчисленные полчища moskitov. Её пытались съесть людоеды и львы, топтали носороги, душили питоны.

Но каким-то чудом она выжила.

В шесть лет бегала по саванне с персональным, острым, как бритва, мачете, распевая любимые строки Чуковского:

*Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы...*

Девочка была уверена, что поэт просто прикалывался. На самом деле нет места в мире лучше.

*Оседлали носорога,
Покатались немного!
Со слонами на ходу
Поиграли в чехарду!
Ну и Африка! Вот так Африка!*

У отца было необычное хобби. Он дружил с туземными колдунами и учился искусству превращения в леопарда. Европейцу это кажется дикостью. Но в Африке люди убеждены, что хороший колдун способен на многое.

Андрей зачарованно слушал её бесстрастные рассказы. Почему-то верил своей жене. Может быть, сказывалась её странная внешность, от которой веяло незнакомой и таинственной мистикой. Как-то спросил:

- Что умеет колдун?
- Оживлять мёртвых, — привела пример Маша.
- И твой отец это тоже умел.
- Да, — просто сказала она.

Андрей чувствовал, что от слов жены веет жутью. В воображении маячили ожившие трупы. Синяя кожа в пятнах, вылезшие глаза, скрюченные пальцы со следами могильной земли под ногтями...

- И ты видела таких людей?
- Конечно.
- На кого похожи — на зомби из фильмов ужасов?
- Ерунда. Обычные люди. Как мы с тобой. Просто лишь частично живы, а отчасти мертвы.

Неприятный холодок прокрался в живот, погулял по рёбрам и улёгся между лопаток.

Андрей поспешил сменить тему:

— А твой отец? Он научился превращаться в леопарда?

— Точно не знаю. Уверял, что с каждым днём получается всё лучше. Иногда появлялся с куском пятнистой шерсти на груди и между лопаток. Мне приходилось брить. Потом его уши заострились и обросли густым мехом. Глаза стали как у кошки, а седые усы клоками росли в стороны. Однажды он просто исчез в джунглях.

— Совсем озверел?

— Наверное. Думаю, папе сейчас хорошо. Бродит где-то на сильных лапах с очаровательной самочкой, жрёт оленей и не хочет возвращаться к людям.

Маша свернулась клубком на диване, положив голову на колени мужа. Потом её тело начало разворачиваться гибкой змеей, и она потянулась, превратившись в звенящую струну. Андрей озверел от приступа похоти. Он неуклюже занял господствующее положение над женой, которая приняла его вес, словно пушинку. Обняла, заплела сильны-

ми ногами, вобрала в себя, как пересушенная почва саванны жадно вбирает тропический ливень.

Однажды он обнаружил на затылке у Марии спрятанный под волосами глубокий шрам:

— Что это?

— Папа сказал, меня схватила горилла.

Я не помню.

— Чудо, что выжила.

— Я невероятно живучая.

С этим Андреем был согласен. Маша никогда не болела, даже обычным насморком. Однажды удивила признанием, что ни разу в жизни не была у врача.

— Но тебе же надо пройти обследования.

— Зачем? Я абсолютно здорова.

И правда, зачем здоровому человеку искать проблемы? Медики пропишут кучу ненужных таблеток, будут пичкать до тех пор, пока действительно не возникнет необходимость в лечении. В словах «врачи» и «враги» разница в одну букву.

Вспоминая рассказ супруги про превращение отца в зверя, Андрей задумывался, если бы из тысяч историй об оборотнях хотя бы одна была документально доказана, это означало бы, что клетки человеческого тела способны практически мгновенно перестроить свою структуру. Тогда всю современную медицину можно было бы отправить на свалку.

Когда позволяла нервная система, Андрей слушал рассказы о бурной молодости Марии. Приключений в её жизни хватало бы на несколько романов.

После исчезновения отца девушка уехала в Латинскую Америку. Вышла замуж за индейца, промышлявшего разбоем и торговлей краденого. Участвовала в нескольких войнах, владела капоэйра,

каратэ и рукопашным боем. Стреляла из всех видов оружия и метко кидала ножи любой конфигурации. Однажды осознала, что война и индейцы её достали, и уехала в Лондон, где душа в душу жила с группой лесбиянок. Потом решила в очередной раз сменить ориентацию и жизненные ориентиры. Приехала в Москву и вышла замуж за скульптора Андрея.

Ночь с Машей была похожа на битву с диким леопардом, суровую, беспощадную, не оставляющую никого в живых. Они заживо сдирали друг с друга шкуру, неистово совокуплялись, рыча так, что соседи вызвали священника. Мол, в доме завелась нечистая сила.

Святой отец пришёл в ужас, услышав доносящийся неведомо откуда потусторонний вой. Поспешно перекрестился, скороговоркой произнёс молитвы над вылитой в миску водой из чайника. Затем окунул в ёмкость метёлку и принялся неистово брызгать на стены.

На мгновение страшные крики затихли, словно демоны призадумались над собственной греховой сущностью. Но тут завывания возобновились с пущей яростью. Теперь к ним добавились грохот, стук и скрежет, адское воинство рвалось в квартиру. Священник опрокинул на себя миску с чудодейственной водой и сбежал, не забыв забрать причитающееся за экзорцизм вознаграждение.

Андрей похудел и приобрёл безумный блеск горящих глаз. Стал носить шаровары с ярким орнаментом и ермолку. Его скульптуры приобрели шик гениального безумия.

Между тем Мария менялась. На африканской маске её лица раскрылись огромные карие глаза, приплюснутый нос приобрёл римскую форму. Выпяченные губы стали скромнее. Вдобавок изме-

нилась осанка. Теперь Маша ходила как балерина, а не как хищник, подкрадывающийся к жертве. Обвислые груди воспряли духом и, став пухлыми, геометрически правильными треугольниками, плясали озорную самбу при каждом движении.

— Хочу рисовать джунгли. Научишь?

— Попробуем.

Андрей выделил жене уголок в мастерской, передвинул несколько гипсовых статуй и даже подмёл пол.

Оказалось, что учить ничему не надо. Женщина схватывала на лету и уже к вечеру сделала два наброска. В них было неистовство. Мазки и линии наползали друг на друга. Деревья казались сплетёнными гигантскими змеями. Похороненная цивилизацией архаическая энергия бушевала, выплёскиваясь из плоскости картин в живой мир. Рисунок был слаб, но какие удивительные цвета и сколько экспрессии!

Каждый день Маша с каким-то истеричным упоением воплощала безумную, живую душу леса. Десятки необычных картин наступающей армией заполняли студию.

В её живописи было что-то магическое, завораживающее и пугающее одновременно. Андрею виделись чьи-то горящие глаза, притаившиеся в суматохе линий. Слышались крики странных птиц, рёв невиданных животных.

Эти странные рисунки включали в его разуме давно забытую зону детских страшилок. Воображение принималось создавать чудовищ, лишь до поры не видимых зрению, но отлично различимых в темноте.

Однажды решил показать картины приятелю, маститому художнику с репутацией гения, хоть и со сдвигом.

Тот долго разглядывал работы, которых к тому времени накопилось изрядно, а потом сказал неожиданное:

— Тебе не страшно быть с ними наедине в студии?

— Наверное, нет.

— А я бы не смог. Кажется, что из глубины холста что-то рвётся к нам в мир.

— Недоброе?

— Оно никакое. Ни доброе, ни злое. Безжалостное, дикое, доисторическое.

Андрей подумал, что над этим следовало бы подумать. Понаблюдать, разложить по полочкам. Но тут в его жизни стремительно возникла цепь странных событий.

Первым, как будто безобидным явлением был синий «форд»-микроавтобус с тонированными стёклами, который принялся день за днём парковаться у его мастерской.

Большинство стоящих рядом машин было знакомо. Вишнёвый джип принадлежал Василию, художнику, студия которого была в противоположном крыле здания. Чёрный «мерседес» с претензией на роскошь оставлял Ашот, владелец двух продуктовых киосков на углу. Гламурная красotka Вероника, по слухам любовница какого-то олигарха, парковала свой новенький красный «лексус». Собственно, случайных машин не было.

Андрей не мог объяснить, почему испытывал тревогу, глядя на затемнённые окна незнакомого автомобиля.

Ему казалось, что видел похожую машину то ли в фильме, то ли во сне. Он ни разу не заметил ни водителя, ни пассажиров, хотя ночью «форд» исчезал, чтобы появиться рано утром на следующий день.

Но эту загадку пришлось выкинуть на край сознания, поскольку появились новые хлопоты. Старый приятель, который держал модную художественную галерею, предложил устроить персональную выставку:

— Будет здорово поставить твои скульптуры и картины Маши вместе. В вашем тандеме есть своё безумие. Публика это любит.

Галерея располагалась на территории бывшего московского комбината вин.

Почти двести лет назад здесь открыл пивоварню немец-купец, к концу 19-го века возникла крупнейшая в Москве винодельня. Из Крыма привозили сырьё — бродивший в бочках виноград.

После революции большевики экспроприировали производство. И принялись выпускать красную отраву, удовлетворяющую невзыскательные потребности алкоголиков города. Трудно сказать, сколько народу полегло от жидкого яда, но мстительные духи погибшего пролетариата повадились пугать ночами сторожей.

В 2007 году предприятие закрыли и образовался огромный пустой квартал — призрак с бесконечными катакомбами, сохранившими вяжущий запах вина.

Краснокирпичные корпуса смотрели в пространство разбитыми окнами. Робкое московское солнце зыбкими лучами отражалось от стен, пятна света плясали на полу, словно в бассейне с водой. Гулкое эхо от любого шороха налетало с разных сторон на случайного посетителя, как толпа воршичек карманников на праздного туриста. Даже бомжи боялись там селиться.

На короткий период бандиты, насмотревшись боевиков, повадились устраивать в цехах разборки. Эхо красиво отзывалось на звук выстрелов.

Не хватало только грустной мелодии из «Крёстного отца». Но выяснилось, что место приносит несчастье. Суеверие — серьёзная сила.

Квартал вымер окончательно. И тут кому-то из руководителей города пришла идея отдать район художникам, мол, они на короткой ноге с нечистой силой. Удивительно, но идея прижилась.

На открытии выставки Маши и Андрея Соркисов был устроен фуршет, проходивший по заведённому ритуалу.

Публика ела и пила, завистливо восхищалась, сплетничала, флиртовала. Журналисты с привычным безразличием изображали жгучий интерес. Критики лелеяли в душе убийственные комплименты. Девушки сбивались в хищные стаи, чтобы окружить и съесть зазевавшегося олигарха. Наиболее опасные действовали в одиночку. Приглашённые звёзды скучали.

Из мельтешащей толпы появилась миловидная дама средних лет. Представилась Оксаной. Весьма квалифицированно похвалила зрелое мастерство Андрея и неожиданную экспрессию работ его жены.

Новая знакомая много путешествовала по миру. Была в Амазонии, на острове Пасхи, добиралась до Антарктиды. Она интересно рассказывала, заразительно смеялась и в итоге напросилась на экскурсию в мастерскую.

В назначенный день, ожидая визита, Андрей выглянул в окно. Загадочный синий «форд» стоял на своём месте. Но вдруг боковая дверь микроавтобуса распахнулась, и из машины поспешно вышла Оксана, одёрнула юбку и двинулась ко входу.

Андрею показалось, что он не дышит. Спину обдало холодом, сжало подреберье, а по коже бежали мурашки. «Тревога! — трубил в мозгу какой-

то паникёр. — Что за чертовщина!» Впрочем, Мария уже впускала гостью. Весёлые женские голоса приближались.

В руках у жены красовался огромный букет кремовых роз. Она приветливо улыбалась.

Оксана восторженно оглядела мастерскую и вручила главе семьи коробку с коллекционным коньяком:

— Как у вас здесь здорово! Я видела сотни студий, но ваша — что-то особенное. Гениальность чувствуется сразу и во всём. Ну покажите ваши работы, расскажите. Мне не терпится их увидеть.

— Открой коньяк, — попросила Маша. Она принесла три пузатых бокала.

Привычное мужское занятие отвлекло. Беспкойство ушло на второй план, хотя где-то в глубине его разума по-прежнему мигала красная лампочка, подавая сигнал бедствия.

Почему мы не слушаем собственное тело? Надо верить инстинктам, и не только половым. Наши мысли лишь верхушка айсберга. А в глубине миллиарды клеток реагируют на видимый и невидимый мир вокруг и подают нам сигналы. Вот кольнул и дёрнулся палец, полыхнул лоб, тело почувствовало жар или, наоборот, озноб, на мгновение закружилась голова, потемнело в глазах. Каждое действие организма что-то значит, а мы пренебрежительно отмахиваемся. Поболит — перестанет.

Андрей сделал глоток, и они пошли вдоль ряда скульптур. Он рассказывал что-то, шутил. Женщины смеялись. А перед глазами, как в кошмарном сне, виделась распахивающаяся дверца микроавтобуса, где в туманном сумраке прятались призраки.

Услышал слова:

— Вот мои ранние картины. Здесь я еще ничего не умею.

— Не скажите, — возразила гостья. — Эти джунгли как живые. Так может нарисовать только тот, кто хорошо их знает. А что это за холмик в лесу?

— Могила...

Оксана остановилась, разглядывая картину:

— Точно могила. И табличка есть. Но надпись смазана.

Мария вдруг внимательно посмотрела на гостью. Андрею показалось, что во взгляде возникла враждебность:

— Рисую по ассоциативной памяти. Иногда руки сами изображают что-то забытое или даже незнакомое. Совсем не помню это место.

— Слышала что-то подобное от многих художников. В этом магия рисунка. Он позволяет заглянуть в подсознание творца.

— Да-да, — рассеянно отвечала Маша. Кажется, она не слышала, что ей сказали.

Андрей вновь наполнил бокалы:

— Это ваша машина у входа?

— Какая?

— Синий «форд».

— Знакомый подвёз.

— Я её здесь часто вижу.

— Так мой приятель живёт где-то рядом. Наверное, и паркует здесь.

Объяснение оказалось самым обычным. Но Андрей почему-то не поверил. Он заметил, что супруга внимательно следила за разговором.

— В жизни столько совпадений, — наконец сказала она.

— Необъяснимых на первый взгляд, — с улыбкой поддержала Оксана.

— А на второй? — спросил Андрей.

— Всё тайное становится явным.

— Вы любите загадки? — спросила Мария.
— Я их разгадываю.
— Неужели нет таких, которые вам не по зубам?
— Есть. Особенно те, которые наука не может объяснить и поэтому объявляет шарлатанством.

Андрей вдруг почувствовал, что в воздухе заискрило напряжение. Слова ничего не значили. Речь шла о чём-то совсем ином. И казалось, женщины понимают намного лучше его суть фраз. Он подумал, что вряд ли Оксана будет приглашена сюда ещё раз.

— Давайте сыграем в крэбл, — предложила Мария, словно уводя беседу в сторону.

Игра — удобный способ занять гостей, когда разговор перестаёт радовать хозяев.

Андрей нарезал ветчину и долил коньяка. Поначалу всё шло самым обычным образом, на поле появлялись знакомые слова. Но вдруг гостя составила из фишек странное слово: «Ошмалех».

— Что это значит? — спросил Андрей.
— Заклинание африканских шаманов, — ответил Оксана.

Мария молчала, тяжело дыша.

— Нет. Это не считается, — возразил Андрей.
— Почему?
— Ни почему, — вдруг заявила Маша и перевернула доску. — Всё! Я устала и пойду спать.

Она демонстративно рванулась в соседнюю комнату. Андрей понял, что дружбе между женщинами пришёл конец.

— Мне тоже пора, — засобиралась гостя.

Андрей проводил Оксану до подъезда. Синий «форд» ждал с включённым двигателем. Затемнённые окна не позволяли разглядеть водителя.

— Спасибо за вечер. У вас всё оказалось даже интереснее, чем я ожидала.

— Извините, у неё, наверное, разболелась голова, — вяло соврал Андрей.

— Понимаю.

Задняя дверь распахнулась. И вновь почудилось, что в темноте салона мельтешили призраки.

Утром выяснилось, что Мария исчезла. Она не взяла вещей, денег, чемоданов. Просто, когда он проснулся, жены не было, телефон не отвечал.

Через три дня отправился в милицию. Заявление приняли, хотя и неохотно.

— Может, к любовнику сбежала? — предположил участковый. — Надо подождать хотя бы недельку. В больницы звонили?

Андрей кивнул. Он понимал, что произошло что-то за пределами человеческого понимания. И Оксана к этому как-то причастна. Тем более что и её телефон молчал. Да и синий «форд» перестал парковаться перед домом.

Через месяц Андрея вызвали повесткой. Разговор с самого начала сложился плохо. Незнакомый майор настойчиво выяснял, не бил ли он жену, не было ли ссор. Через десять минут стало понятно, что именно его подозревают в убийстве супруги.

— А что, найдено тело? — рискнул предположить Андрей.

— Значит, знаешь, что есть труп, — констатировал следователь. — Всё, фраер. Пора тебе колотиться, понимаешь.

— Я ничего не знаю. Просто подумал.

— Слушай, ты мне надоел. Врёшь, изворачиваешься, как дерьмо на сковородке. Пиши чистосердечное признание. И так всё ясно.

— Что ясно? Мне ничего не ясно.

— Вот напишешь, и сразу разберёмся.

— Я никого не убивал. Сам пришёл с заявлением месяц назад.

— Все приходят. Сначала зарежут бабу, в лесу закопают или на стройке. А потом в милицию бегут. Помогите! Пропала любимая!

Словно в ответ из соседнего помещения раздался вой. Кричал человек. Андрей вздрогнул. Он понял, что попал...

— Пиши, сука! — настаивал майор.

— Чего писать? Я же всё рассказал.

— Где закопал? В лесу?

— Вы с ума сошли?

— Семёнов! — вдруг заорал майор.

Дверь в соседнюю комнату распахнулась. На пороге стоял гигантский парень, наверное, метра два ростом, с лицом закоренелого маньяка-убийцы. Душегуб с пьяной лихостью облокотился на прилолку. Кителя на нём не было, лишь белая рубашка, щедро вымазанная красным. Запахло спиртным. В руке у парня красовалась начатая поллитровка.

— Вот, Семёнов, закончишь с тем подопечным, примешься за этого. Лады?

— А то. — Маньяк подмигнул Андрею и вдруг одним глотком осушил бутылку. Его руки были залиты кровью. — Позовешь, начальник.

Дверь захлопнулась.

Андрей почувствовал безумный страх. Сердце иступлённо колотилось, в висках шумело. Сейчас ужасный Семёнов возьмёт его в оборот, и уже ничего нельзя будет сделать. Маньяк не станет слушать, ему не нужны показания или признания. Садист наслаждается своей властью и не успокоится, пока не сделает из него инвалида.

— Всё скажу. Только не надо туда! — Голос сорвался. Он мотнул головой в соседнюю комнату.

— Молодец. Так бы сразу. Колись, как было.

— Вы диктуйте. Я напишу. И подпишу.

— Что значить «диктуйте»? Мне правда нужна, понимаешь.

— Я не знаю, как правильно. Убил? Закопал в лесу? Может, расчленил?

— Хватит лепетать. Что у вас случилось?

— Спали, а утром её нет. Ой, извините. Утром убил. Или ночью? Как скажете.

Андрей чувствовал, что теряет сознание.

Он пытался взять ручку, но пальцы тряслись и никак не удавалось её схватить. Наконец зажал в кулаке.

Очнулся оттого, что майор тряс его за плечи:

— Эй, не улетай. Выпей воды.

Зубы стучали о стеклянный бокал. Сделал несколько глотков.

— Подпиши протокол и вали домой.

Андрей решил, что ему послышалось. Но майор не орал и говорил нормальным тоном.

— Извини, парень. Сам посуди, надо было тебя проверить. Как еще узнаешь, врёт человек или нет?

— А Семёнов?

— Спектакль это. Краска у него на руках да вода в бутылке. Но работает, понимаешь.

— Я... Я клянусь, не убивал.

— Да вижу. После Семёнова правда сразу наружу лезет. Талант он. Хотел в театральное поступать — не взяли. Вот, у нас на дознании работает. Читай и улепётывай. Тут написано, что не знаешь, где жена, ссор между вами не было. Родственников у неё нет. Правильно?

Андрей кивнул. Допил воду в стакане.

— Тут еще... — вдруг вспомнил. — К нам вечером заходила в гости женщина странная.

— Чем странная?

— Следила за мной кажется. У неё «форд»-микроравтобус.

— Номер машины. Имя, фамилия женщины. Андрей написал на бумаге. Следователь сноровисто вписал в протокол.

— Ничего еще не всплывает?

— Нет.

— Если припомнишь, что получал письма с пляшущими человечками, позвони.

— Да, конечно.

В голове была удивительная пустота. Наверное, отзовется эхо, если покричать.

— Через недельку зайду? — то ли спросил, то ли сказал майор.

Он действительно зашел в мастерскую в конце месяца. Уважительно осмотрел скульптуры.

— Чай будете?

— Да, только без сахара.

Андрей вытащил маленький столик, заварил чай, положил горку сухарей с изюмом, печенье:

— Торты, увы, нет.

— Не ем сладкого. Диабет, проклятый... — пожаловался майор и спросил: — От вашей жены нет новостей? Не звонила?

— Нет. А стало что-нибудь известно?

— Кое-что. Знаете, Андрей... забыл, как вас по отчеству.

— Можно без отчества.

— Знаете, Андрей. Вы хороший человек. Так всегда бывает, что нормальные люди попадают в ненормальные истории.

— Всё так плохо?

— Нехорошо. Я бы совершенно неофициально посоветовал вам уехать в отпуск. Лучше за границу. На месяц-другой. Или на полгода. Есть такая возможность?

— А что случилось?

Майор помялся. Допил чай. Встал:

— Видите ли... Мы подали запрос по паспорту вашей супруги.

— И что?

— Выяснилось, что Мария умерла в Африке в пятилетнем возрасте. Есть официальное заключение, фотография могилы.

Майор полез в карман и достал карточку. Андрей уже знал, что на ней увидит. Так и есть. Тот самый могильный холмик с неразборчивой надписью.

— Что-то показалось знакомым?

— Это место есть на картине Маши.

Следователь вздохнул:

— Ну вот, всё делается еще запутанней. Прямо роман, понимаешь...

— Кто же моя жена?

— Не знаю.

— Оксану нашли?

— Знаете, Андрей, вы живёте в загадочной пустоте. Оксаны Юрьевны Окуновой с указанными вами приметамы не существует, её телефон не работает, а номер микроавтобуса «форда» принадлежит совсем другой машине. Как-то так, понимаешь...

— Что всё это значит?

— Понятия не имею. Делом занимаются более компетентные товарищи.

— Вот как.

— Пока вам не закрыли выезд, езжайте-ка отдыхать. Разберутся без вас, а то еще влипните не за грош.

После ухода следователя Андрей долго сидел в стареньком разбитом кресле. К умным советам надо прислушиваться. Он дотронулся левой рукой до чугунной батареи, прошептал: «Пусть всё будет хорошо». Потом позвонил старому приятелю, владельцу галереи в Милане. После пятнадцатиминутной беседы напросился в гости и через неделю улетел. **УС**

*Пророк в наказание к ним двинул отряд
И пленников много забрал, говорят.
Безжалостно он приказал убивать
Безбожных, отвергших небес благодать.
Саади*

Отвергших небес благодать

Дмитрий Николов

Родился в Харькове в 1989 г. По образованию историк-археолог. В своём творчестве тяготеет к фантастике, мистике, постмодернизму и магическому реализму. Публиковался в журналах и альманахах «Мю Цефея», Darker, «Аконит», «Рассказы», «Медианн», серии «Квазар: Избранное» и др.

Махди бежал по пыльным улочкам, огибая зазевавшихся прохожих и проскальзывая под товарами, которые торговцы совали ему под нос: старые некрасивые ковры с выцветшим орнаментом, кособокие чайники из возвращённого к жизни жестянщиками хлама, потёкшие от жары сладости и зачерствевшие лепёшки. Махди знал, что новость уже, вероятно, дошла до дворца, но ему не терпелось если не первым сообщить Верховному, то стать свидетелем его радости. Этому не могла помешать ни изнуряющая жара, ни запах пота, специй и навоза, ввевшийся в маслянистый воздух. Пустяки. Всё пустяки. Едва Махди достиг ступеней и босыми ступнями звонко забарабанил по опоясывающей дворец лестнице, у него открылось второе дыхание. Острая голубая крошка песка впивалась в ступни, но хафиз, самый молодой хранитель Корана в истории столицы, не замечал этого.

Когда стража, расступившись, впустила Махди в покои многоуважаемого Абдаллы — верховного муфтия и правителя Мекки-Джади, тот обедал. Жирные куски баранины в окружении ломтиков сала плавали в огромном, вращающемся без остановки, блюде. Молочнистый, пьянящий арак поблёскивал на дне пиалы. В углу музыкант едва слышно и монотонно пиликал на скрипке-ребабе.

— Доброе утро, Рамадан-карим, Махди, по твоей спешке, по взволнованному лицу, по счастливой близости Ураза-байрам я угадываю добрые вести.

— Это так, учитель! — от волнения хафиз забыл даже поклониться. — Они нашли координаты! Мы... мы можем вернуться домой!

Лицо муфтия осталось до обидного непроницаемым, обычная полуулыбка перекатывалась с одного края полных, как у женщины, губ на другой. Пощипывая тонкую, побитую сединой бороду, тянущуюся от многочисленных бронзовитых подбородков, Абдалла покивал головой, но промолчал, словно ожидал большего.

— Вы не рады, учитель?

— Радость моя в вере, не покидающей меня. Эта новость же и радует, и печалит меня одновременно. Сердце моё хочет вернуться на землю Пророка, но вера моя, наша всеобщая вера, требует отмщения. К тому же, мне всё равно нельзя отправиться с нашими братьями — я стар, на мне возлежит ответственность за остальной народ, за сохранение веры и мира на нашей земле.

— Но кому, если не вам, вернуть истинную веру на Дар аль-харб — территорию войны, где не чтут слово Пророка?

— Тебе, хафиз. Поэтому я очень рад, что именно ты принёс мне известие. Ты мой первый ученик, и ты, несмотря на молодость и горячность, достоин выступить одним из посланников или... — муфтий откашлялся. — Может статься, что ты не вернёшься назад или вернёшься, но застанешь наш дом другим — на всё воля Аллаха — однако, я должен открыть тебе то, что известно немногим избранным.

Голова Махди кружилась, словно кто-то накручивал на неё огромный тюрбан, а она вращалась вслед некончающейся ткани. Опыянение радостью прошло и, глядя на изобильный стол, хафиз почувствовал голод. Перехватив задержавшийся на яствах взгляд, муфтий подвинул к Махди мясо и лепёшки; тот послушно кивнул и принялся есть.

— Ты хафиз — хранитель веры, хранитель Корана, которому долженствует нести его в своём сердце,

в своей памяти, даже там, где нет листа бумаги, чтобы написать на нём символ веры — шахаду. Твоих знаний вполне хватает для нашего мира, но там... этого может быть недостаточно. Неизвестно, как произойдёт встреча, кто окажется добрей, а кто сильнее, и как тебе может открыться иная часть правды. Я не хочу, чтобы это пошатнуло твою веру и очень надеюсь, что сказанное мной здесь и сейчас ты поймёшь правильно.

Махди, тщательно жевавший до этих слов, отложил лепёшку и вопросительно посмотрел на учителя; необычайно бледное лицо, за цвет которого его так часто дразнили в детстве, стало ещё бледнее.

— Расскажи мне о посте, который мы держим в Рамадан, прямо сейчас, — губы почтенного Абдаллы улыбались, но, нависшие над выцветшими от солнца глазами, брови выдавали истинную серьёзность.

— Но мы не держим пост в Рамадан, учитель... — растерянно прошелестел хафиз. — Мы умирим нашу плоть, отказываясь от женщин...

Муфтий махнул рукой музыканту и тот, аккуратно приобняв свой ребаб, сваренный, похоже, из титановых осноровочных клапанов и вала неизвестного происхождения, вышел. Тонкая ненавязчивая мелодия как будто и не думала прекращаться, плывя сквозь густой, жаркий, как дым над казаном, воздух.

— На родине Пророка солнце садилось каждый день. Своё уважение к посту правоверные оказывали, воздерживаясь от пищи до тех пор, пока не сядет солнце.

Глаза Махди полезли на лоб и тут же понимающе опустились долу, уткнувшись в блюдо с мясом.

— Когда мы оказались здесь, на планете, где два солнца сменяют друг друга подобно земным солнцу и луне, никогда не садясь, требования Корана, да сгореть мне на месте, если не преисполнено каждодневно моё сердце ужасом перед лицом Аллаха, потеряли

свой первоначальный смысл. — Задумчиво помолчав Абдалла продолжил. — Знаю, и одного этого откровения было бы довольно тебе, ученик, чтобы не уснуть сегодня, но у нас нет времени на нежность — ты должен укрепить своё сердце отвагой. Так вот, знаешь ли ты, мясо какого животного перед тобой? — мягкая ладонь указала на блюдо, откуда только что ел Махди.

— Если шайтан не отводит мне глаза, — неуверенно, подбирая каждое слово, ответил хафиз, чувствуя, как капли пота выбираются из пор на лбу и катятся прямиком в глаза, — это баран.

— А как выглядит баран, Махди?

Стараясь унять дрожь в руках, ученик начал перебирать бахрому дастархана.

— Это благородное безволосое животное с острыми ушами, маленькими глазами и вытянутой мордой, заканчивающейся пятакком.

— То, что ты описал, мой дражайший, называется свинья, хоть все и привыкли звать эту тварь бараном.

— Но учитель, это же харам! — воскликнул Махди, — Это всё равно что...

— Не поститься в Рамадан, — спокойно закончил муфтий, — когда нас, как скот, согнали на корабли и отправили сюда, без права, без возможности, без надежды вернуться на землю Пророка, на Землю... — голос дрогнул, боль отразилась в потянувшихся вниз уголках губ, — они, словно в насмешку, не дали нам никаких животных, кроме свиней. Неужели ты думаешь, Создатель хотел бы, чтобы последние правверные мира умерли от голода, следуя его же собственной воле? Кроме того, нам не позволили забрать с собой ни одного Корана. То, что ты так истово зубришь вечерами, лишь воспоминания таких же земных хафизов о настоящем Коране. Не всегда полные, не всегда точные. А иногда и намеренно искажённые. Искажённые во благо. Не перебивай, дослушай до конца. Тот, кто

не ведаёт, что совершает грех — безгрешен в глазах Аллаха, поэтому самые большие грешники — муфтии, они берут на себя ответственность за чужие грехи. Теперь и ты, мой благочестивый Махди, грешник.

Если бы не драгоценный дастархан ручной работы и не благой Рамадан, хафиза стошнило бы тут же, но он стойко перетерпел позыв. Сверху донёлся протяжный крик муэдзина. Абдалла неспешно поднялся, обошёл ученика и похлопал его по плечу.

— День у тебя будет непростой, но это не значит, что можно забыть о молитве, Махди, — тень обычной весёлости вернулась к муфтию. — А договорим после.

* * *

Выйдя на воздух, оказавшийся не менее затхлым, чем внутри дворца, хафиз, не в силах побороть нахлынувшую слабость, остановился у парапета. Глаза щипало, детали окружающего мира расплывались то ли от пота, то ли от слёз. Потеряв счёт времени, Махди стоял, глядя вниз на город, который постепенно принимал обычные очертания — отсюда он был, как на ладони. Невысокие домишки, окружавшие плотным кольцом дворец, сменялись хибарами попроще, дальше пестрели в великом множестве шатры, скрывая место соприкосновения земли и неба.

В прогалинах улочек и на залысинах площадей поблёскивал голубым стеклом песок. Говорят, на земле такого цвета была вода. На почтительном расстоянии друг от друга, нарушая приземистость пейзажа, к небу поднимались корпуса-минареты ракет-дворцов. Снизу на них наплывали хозяйственные пристройки, выше, огибали спиралью лестницы, такие же, на какой стоял сейчас Махди. Заострённые верхушки на фоне бесцветного неба венчались выцветше-золотыми полумесяцами; чуть ниже виднелись крошечные сквозные окошки,

похожие на игольные ушки — места откуда муэдзины призывали детей Пророка к молитве.

Одно солнце жгло хафизу затылок, другое, только поднимаясь из-за горизонта, било прямо в глаза. Мысли прыгали, как солнечные зайчики. Отдышавшись ещё немного и осознав, что лучше ему точно не станет, Махди побрёл вниз по ступеням. Утренняя радость казалась теперь Хафизу несущественной, будто бы пришившейся, навеянной жестоким шайтаном. Даже высокое доверие, оказанное ему Верховным, не грело душу. Несмотря на то, что Абдалла формально был его учителем, близости между ними не было, а Махди так хотел говорить открыто, честно, не боясь в горячности своей дойти до слёз, которые полагалось скрывать в присутствии старших. Поэтому ноги сами несли его по городским улочкам к истинному учителю.

Дом Хасан-бея располагался на задворках медресе, где тот, будучи муллой, учил когда-то Махди. У медресе, на фоне облупленной стены, скрытой под изображением нарочито мужественного и статного Балтасара, Меча Аллаха в расшитом золотом скафандре, главного героя новейшей истории исламского мира, дети раскручивали по очереди на талии металлический обод, гипнотически сверкавший при каждом обороте. Их крики на секунду вернули хафиза в то время, когда никто его хафизом не звал.

Бледнокожий, неуверенный мальчишка, он мог часами слушать истории о Земле. Даже когда старики, хмурясь, передавали предания об изгнании, Махди думал об этом путешествии, как о большом приключении. Позже ему объяснили, насколько жестоким в своём милосердии было решение о депортации, но в то время он был готов отдать всё что угодно, лишь бы отправиться на ракете сквозь мрак космоса. Тогда Махди не смог бы сказать наверняка, что манило его больше — легендарная Земля или само путешествие. Сейчас хафиз не чув-

ствовал при этих мыслях ровным счётом ничего. Детские мечты сбываются всегда не вовремя, жаль.

Миновав портал медресе, Махди свернул в переулочек, где голубой колкий песок не был таким горячим, и замер перед низкой дверью. Пока хафиз собирался с мыслями, дверь распахнулась сама собой, и на пороге возник старый мулла.

— Мой мальчик, что привело тебя в моё скромное жилище? — глаза хозяина смотрели из-под седых бровей ласково и удивлённо, почти как в детстве.

— Я... мне... сам до конца не знаю, Хасан-бей.

Только теперь понял Махди, как постарел учитель. Попытался вспомнить, когда они виделись в последний раз и не смог. Белоснежная застиранная чалма сливалась с сединой волос. Протёртый на коленях синтетический домашний комбинезон. Худые ладони с тёмными узловатыми пальцами приглашающе указывали в полумрак дома. Хафиз сделал пять шагов внутрь и уткнулся в стену, поднял голову и понял, что будь он на полголовы выше — уже стукнулся бы о потолок.

Голубая крошка просочилась даже сюда — затворив дверь, хозяин нарочито шумно попытался изобразить спешную уборку при помощи ступни. После, подойдя к коптилке на жиру, зажгёт фитиль — крошечный язычок пламени возник, подобно джинну, из ниоткуда. Хасан-бей снял с очага маленький котелок, явно рассчитанный на одного, и поставил перед успевшим усесться гостем. Учтивость эта была искренней и демонстративной одновременно.

Не зная с чего начать, Махди спросил о здоровье, сделал несколько абсолютно бессмысленных замечаний о погоде, которая не менялась уже третий месяц. От еды хафиз отказался — после разговора с Абдаллой ему будто горло забили пробкой.

— Я знаю, что пришёл ты ко мне, оторвавшись от положенных чину твоёму дел, не для того, чтобы говорить

о таких пустяках, как погода. Хотя мне и приятно твоё участие касательно стариковского здоровья. Я могу догадываться, какой вопрос ты хочешь задать, но не могу отвечать на него прежде, чем ты сделаешь это.

— Они нашли Землю. Смогли расшифровать программу полёта и развернуть её в обратную сторону.

Махди помнил почти безразличное к новости лицо Верховного, Хасан-бей же даже не пытался скрыть свою горечь.

— Что ж, рано или поздно это должно было произойти. И что собирается делать командующий войсками?

— Сайфутдин хочет мести. Многие в штабе хотят. И не только в штабе. Верховный ещё не выбрал сторону, хотя, мне кажется, он не хочет войны.

— В таком случае, ему не следует потакать этим птенцам, возмнившим себя муджахидами. Из-за таких, как они, мы и оказались здесь. Однако, — Хасан-бей поднял палец вверх, — мы получили благословение и шанс начать новую жизнь, пусть не на земле Пророка — чем в сущности одна пустыня отличается от другой? Эта земля принадлежит только нам, наша вера сохранена...

— Не настолько, как мы привыкли думать, учитель, — голос Махди задрожал. — От людей скрывают многое, сам фундамент церкви был частично уничтожен и это тревожит меня куда больше!

— Ничто не может тревожить больше, чем война. Как цветок растёт из-под камня, так и вера отгибает любые препятствия. Если твоя вера сильна, а душа чиста, тебе не понадобится оправдываться перед Всевышним. Ты должен их остановить. Помешать...

Властный стук в дверь оборвал хозяина. Хасан-бей не торопясь поднялся и открыл. На пороге стоял мальчишка-посыльный, оборванный, но держащийся с большим достоинством.

— Генерал Сайфутдин желает видеть высокочтимого хафиза Махди. Немедленно.

Махди кольнула гордость, он хотел было воспротивиться, но неожиданно для себя понял, что не знает о чём дальше говорить с учителем, не знает, по какой причине пришёл именно сюда. Он поднялся, велеречиво извиняясь, приобнял учителя за локоть и нырнул в океан палящего воздуха.

* * *

Мальчишка уверенно вёл хафиза самыми злаными переулками, где не смогли бы разминуться и двое, а запах нечистот сводил с ума. Махди, потеряв всякую надежду самостоятельно сориентироваться в этом лабиринте, просто следовал за провожатым. И велико же было его удивление, когда, завернув за очередной угол, они оказались на площади. Многоязыкий, сливающийся гул висел над собравшейся толпой. Малец, обернувшись, махнул хафизу рукой и юркнул в самую гущу; толкователь осторожно, но настойчиво принялся проталкиваться следом. Несмотря на высокий чин, который выдавала одежда, шитая медной нитью, пропускать его неохотно. Толпа пульсировала, подобно перистальтике кишечника, стягиваясь к невидимому пока центру и плавно откатываясь назад.

Всё сильнее работая локтями, Махди наконец вывалился из тесноты толпы на свободный пяточок. Прямо у его ног лежала голова с широко и удивлённо распахнутыми, раскосыми глазами, выдающими азиатское происхождение. Кровавый плевок тянулся по голубому песку от перерубленной шеи дальше, к осевшему и осиротевшему тулову, над которым возвышался статный чернокожий генерал Сайфутдин. Хафиз опоздал на секунду-другую, чтобы застать саму казнь.

Сабля описала в воздухе восьмёрку — блестящая гипнотизирующая молния свилась в знак бесконечности — после чего отточенным, завершающим взмахом генерал стряхнул последние капли крови на песок.

Махди не раз приходилось видеть публичные казни, и эта голова не перевернула ничего в его душе — он лишь поймал себя на мысли, что за последний месяц количество смертных казней возросло в несколько раз. Сам Сайфутдин не был обязан вершить суд, но иногда, для поддержания и без того безупречного авторитета, отнимал хлеб у штатного палача. Пока хафиз оправлял одежду, нарочито неспешно и с достоинством, генерал передал саблю старшему сыну, вынырнувшему с ножами из-за его спины, и, обогнув тело, сделал шаг навстречу Махди.

— Рамадан-карим, хафиз, пока дожидался вас, решил выполнить свой долг перед Аллахом и Его Посланником, мир ему и благословение Аллаха.

Ответного приветствия Сайфутдин дожидаться не стал и, приобняв по-отечески невысокого Махди — тот увидел краем глаза, как капля крови сползла с ногтя генерала на его белоснежный комбинезон — повлёк хафиза через послушно расступившийся народ. Махди не считал себя в праве оспаривать слова Пророка, поэтому приучил себя время от времени ходить на казнь, но ему всё равно никогда не было понятно охватывающее толпу возбуждение, и тем более желание обсудить после кровавые подробности.

Перебрасываясь редкими репликами, они добрались до дома генерала; следовавший за ними гвардейский караул остался снаружи, под палящим солнцем. Пока генерал рассыпал угловатые дежурные гостеприимствия, Махди вспоминал слова Всевышнего о том, что, убивающий человека — убивает целый мир.

Они сели у накрытого дастархана, но ни пашлычки из бараньих ушей, ни топлёный жир, ни разваристое мясо не вызывали в Махди аппетита. Даже драгоценный хумус казался хитрой отравой, поэтому хафиз, к большому удивлению хозяина, отказался от еды,

попросив лишь стакан воды. Вода оказалась тёплой и сладко-кислой, мгновенно вызвав икоту.

— Как вам моя сегодняшняя работа? — не без бахвальства спросил Сайфутдин и принялся, обильно макая поочерёдно то в жир, то в хумус ломти мяса, отправлять их в рот один за другим ещё до того, как успевал прожевать предыдущий. Его лоснящиеся, почти чёрные щёки бугрились, между пухлыми губами брызжил прозрачный и ароматный сок.

Чувствуя нарастающую, невесть откуда взявшуюся злобу, хафиз ответил вопросом.

— Кто сегодня? Мужеложец? Убийца? Женатый прелюбодей?

Ответ не удивил Махди. Спрашивая, он смутно догадывался, что за приговор исполнял Сайфутдин собственноручно.

— Очередной вероотступник, — бравада в голосе генерала почти сошла на нет. — Восьмой за последний месяц.

— Думаете, имеет место секта, ересь, которую следует выжечь калёным железом?

— Мы не обнаружили видимых связей между всеми, но нельзя отрицать, что вероотступничество приобретает характер эпидемии.

— У него тоже нашли Библию?

— Целых две. Оригиналы, с правками наших богословов.

Махди понимающе кивнул. Не позволив взять на борт ни одного Корана, Библий землянами на корабль было отгружено столько, что по прибытии ими ещё долго топили печи. Первый Коран был воссоздан муфтиями и хафизами не без помощи Библии — во многом схожий текст двух великих книг правили, вымарывая и переписывая разночтения. Первые годы во многих мечетях хранились исправленные христианские Писания.

— Вы не думаете, что они станут теперь лишь осторожнее, а жестокая расправа будет вызывать в народе не только праведный гнев, но и... сочувствие, быть может. Не благоразумнее в такой сложный и радостный исторический момент продемонстрировать...

— Слабость. Мы продемонстрируем в таком случае только слабость. А он... они все сделали свой выбор.

— Они отступились, генерал, и я не оправдываю их, но не лучше было оставить им жизнь, показать, как она скудна и пуста без милости Аллаха?

— Узнаю школу старика Хасана, — Сайфутдин постарался сделать улыбку дружеской, но продемонстрировал натянутый оскал с застрявшими в зубах волокнами мяса, — однако странно слышать такие слова от человека вашего чина.

— Не думали ли вы, что однажды наша жестокость приведёт к потере и этой планеты? — словно, не замечая перемены в собеседнике, продолжал Махди. — Задумайтесь, что должны были сделать наши с вами предки, чтобы вся планета, весь мир, раздираемый междоусобицами, распрями, презрел финансовые выгоды и вековые обиды, собрал по всему миру последователей Пророка и отправил их в эту тюрьму без права на помилование?

Генерал отложил очередной ломоть мяса и, поднявшись, заходил по комнате кругами, хрустя в такт костяшками пальцев.

— Не мне говорить вам, что перед лицом Аллаха всякий правоверный должен испытывать страх.

— Да, но не перед своим соседом.

— Довольно! — генерал не казался злым, скорее — раздосадованно-усталым. — Я позвал вас не для прений. Вам известно, что Верховный Муфтий желает оказать вам высокое доверие, отправив вместе с нашим кораблём на Землю, и нам нужно обсудить куда более приземлённые вопросы. У вас есть карандаш? Пройдёмся по основным положениям... Захра, принеси гостю карандаш!

Только теперь Махди заметил, что в углу, где прежде ему мерещилась то кипа вещей, то просто скопление тени, сидит недвижимо, как статуя, жена Сайфутдина.

* * *

Следующий месяц прошёл в трудной, утомительной подготовке, хотя, проснувшись за день до отлёта, Махди так и не смог вспомнить, чем конкретно занимался всё это время. Он курсировал между Абдаллой и Сайфутдином, выступая посредником между нерешительным муфтием и горячным генералом. В то время, как экипаж раз за разом проходил лётную подготовку, учёные в сотый раз перепроверяли расчёты и траектории полёта, а инженеры собирали по планете топливные элементы, приспособленные после снятия с кораблей под электростанции, хафиз был везде одновременно.

Несмотря на то, что его знаний было достаточно лишь для того, чтобы многозначительно кивать в сторону, Махди убеждал себя, будто одно его присутствие заставит Сайфутдина, день ото дня всё более возбуждённого, поостеречься от замышляемых глупостей. А в том, что генерал готовит для всех неприятный сюрприз, хафиз не сомневался. За это время, то ли от постоянной спешки и плохого сна, то ли от того, что он почти перестал есть, щёки его запали, нос заострился, живот провалился в подреберье. Но странно — хуже себя Махди не чувствовал, хотя порой ему казалось, что он подобно заведённой игрушке-юле крутится, не зная, когда кончится его завод.

Проводы были пышными. Каждый день глашатаи на всех площадях города вели отсчёт до запуска, сообщая последние, даже самые незначительные, подробности подготовки в новостях. Выступали они после казней, которые теперь, бывало, проводились и дважды в день. На огромных повозках прибывали из провинции отысканные повсюду топливные элементы, прежде

снабжавшие провинциальные города энергией. Некоторые жертвовались скрепя сердце, почти добровольно, другие приходилось отбивать у местных силой. За обоими бежали мальчишки; одни — из окрестных деревень, а другие — издалека. Дабы уважить подношения своих вассалов, Абдалла целыми днями сидел на первой площадке лестницы, возвышаясь над толковищем из заезжих купцов, зевак и нанятых для развлечения гостей артистов.

Махди, явившись за очередным поручением, смотрел на заваленную подарками лестницу и ползущих по ней согбенных дарителей. Внизу свершали свой дикий танец дервиши. Раскинув руки, запрокинув почти неестественно голову, они кружились на месте. Полы их костюмов сверху казались похожими на подрагивающее в мареве зенита солнце. Засмотревшись — Махди не раз ловил себя на мысли о частой бездумной созерцательности — он пошатнулся и рухнул бы с лестницы, если бы Абдалла неожиданно ловко не ухватил его за рукав.

— Когда ты ел в последний раз? — Махди не нашёл с ответом, а муфтий его будто бы и не ждал. Отхлебнув арака, он протянул, — Всевышний посылает нам непростое испытание. Я вижу, как изменил тебя наш тогдашний разговор, но просить и даже приказывать тебе не стану. Бывают времена, когда каждый по отдельности прав, а все вместе ошибаются поголовно, а главное — ничего нельзя изменить; даже если все разом одумаются и станут поступать наоборот, будет только хуже. Но мне кажется, Аллах бы улыбнулся чуть шире, если бы мой дорогой хафиз не дал генералу Сайфутдину повторить подвиг Балтасара, которого также нарекают Мечом Аллаха. Отговори его от поспешных действий при встрече с землянами.

Махди покачивался, вцепившись в парапет, со стороны могло показаться, что он согласно кивает.

«Земля уходит из-под ног, — подумал хафиз и осёкся, — Земля... Как может уходить из-под ног почва, которой ты никогда не касался ступнями. Я теряю опору из вчера ещё известных мне слов и понятий. Словно бы нахожусь в космосе, навсегда отторгнутый ими. Земля под ногами — не земля, баран в тарелке правоверных — не баран, а подвиг Балтасара теперь не кажется таким уж подвигом, даже старейшинам вроде Абдаллы».

Поймав прощальный кивок муфтия, хафиз, аккуратно огибая дарственные кучи, спустился вниз и устремился сквозь лабиринт улочек к дому Хасан-бея. Он не надеялся получить ответов на терзавшие вопросы, но очень хотел навестить старика. Завтра на рассвете им предстояло невиданное путешествие, которое сулило не только радость, но и множество скрытых опасностей. Вернуться из него тем, кем отправляешься, или вообще вернуться, казалось делом практически невозможным.

«Наш мир состоит из людей, которые сделали нас нами. Если хочешь проститься с целым миром, тебе достаточно проститься с такими людьми», — крутилась в голове Махди не то услышанная, не то выдуманная им самим фраза.

Родителей своих он не помнил, жены ему не полагалось, а прелюбодеяния, хоть и с незамужними, он избегал. Так и вышло, что из крепких привязанностей у хафиза оставался только Хасан-бей.

Однако встреча не состоялась — дом муллы был пуст. Дверь открыта, свет потушен. Махди просидел на тонких слежавшихся подушках с полчаса и, не вытерпев, ушёл, в надежде, что Хасан-бей сам найдёт его утром.

В штабе генерала хафиза ждала неожиданная новость — солдатам едва удалось предотвратить теракт. Как доложил дежурный офицер, злоумышленник хотел взорвать ракету, перевернув подвиг Балтасара, направив его против правоверных, чтобы сорвать завтрашний

старт. Сайфутдин лично отправился приводить приговор в исполнение, а хафиза попросил дожидаться тут же.

Прежде в здании штаба располагался главный научный центр — Дом Мудрости, где трудились, унаследовав через поколения знание и мудрость депортированных с Земли учёных, инженеров и программистов, лучшие умы планеты. Именно они восстанавливали на чертежах технические узлы ракет и расшифровали программу полёта, разворачивая её вспять. Теперь же, когда они выполнили своё предназначение, здание кишело военными. Махди бродил между спящих штабных и вглядывался в знакомые лица, вдруг ставшие для него незнакомыми, непроницаемыми.

«О чём они думают сейчас? О том ли, что полетят через безветрие космоса, о том, как приблизятся к земле Пророка и её святыням? Но, не вероятней ли, что занимает их последний ужин с семьёй: что будет на столе из яств, какие дать наставления сыну, как приласкать жену, чтобы вынесла она долгие месяцы разлуки... Не оттого ли он, Махди, так часто думает о Всевышнем и вопросах веры, что больше думать ему не о чем? А тот, кто не думает ежеминутно о Всевышнем, не устрашается гнева его, разве может считать себя правозверным? И если на мне, на всех учителях и держателях веры грех от утаиваемой лжи, а на них — грех равнодушия, угодливости, то чего мы стоим все вместе? Стоит ли нам доказывать свою правду, упорствовать в ней не только перед друг другом, но и перед всеми мирами, созданными Всевышним?».

Сайфутдин в штаб так и не вернулся, прислав хафизу с мальчиком пожелание идти домой и хорошенько отдохнуть.

* * *

Космос был тёмным и ярким одновременно. Как сквозь чёрный кисель медленно ползли искрящиеся све-

тила, к которым так хотел прикоснуться Махди, сорвать их, точно диковинные яблоки. Но сделать этого не давала усталость в руках, безвольно висевших плетью. Оставалось только наблюдать искристый хоровод, который из заманчивого скоро превратился в дурманящий. В глазах мельтешило, целые галактики летели ему навстречу метеоритами. От непрерывного блеска накатила тошнота. Хотелось закрыть глаза, но Махди панически боялся сделать это, чтобы не пропустить маленькую искромную планетку, которая, согласно преданиям, должна быть ярко-ярко-голубой. Однако, свистопляска нарастала и усталые веки дрогнули сами собой. Опустившись, они обнулили картинку. Перед Махди теперь был непроглядно-чёрный космос без конца и начала, лишённый изматывающего счастья, но полный невысказанной тревоги. Когда хафиз открыл глаза, до звонка будильника оставалось три с половиной минуты.

Дальше всё было быстро, почти как во сне. Вещи собирать не было необходимости — все они давно ожидали членов экипажа на борту, поэтому Махди умылся, выпил стакан воды и вышел из дому. Вокруг дворца Абдаллы за ночь стало гораздо свободнее — многие дома были разобраны на стройматериалы и трудно было поверить, что там позавчера стоял целый квартал. Неспешно поднявшись по лестнице, хафиз оказался в прежних покоях Верховного. Почти ничего теперь не выдавало былого величия: от ковров, кувшинов, подушек не осталось и следа — лишь голый металл переборок. В комнате стоял полумрак — все окна были тщательно забраны драпировкой.

Когда Махди увидел ониксовый обелиск фигуры Сайфутдина и мягкий округлый силуэт Абдаллы в светлых одеяниях, он отчётливо понял, что обратной дороги нет. Муфтий казался теперь гостем, сжимающим в руках какой-то смешной узелок, Сайфутдин же держался властно, по-хозяйски. Всё было обговорено

и оспорено заранее, но даже сейчас было видно, что Абдалла, окутывая генерала своей пышной фигурой, пытается что-то ему объяснить. Заметив Махди, муфтий отпрянул и двинулся к выходу, где протянул нерешительно замершему хафизу сложенный в несколько раз пёстрый листок. «Ты всё поймёшь», — промолвил он и, печально улыбнувшись, потрепал ученика по плечу, после чего вышел. Махди машинально спрятал листок в карман комбинезона.

Очнувшись от состояния приятной заторможенности он, когда земля под их ракетой задрожала. Махди не мог видеть, как закручивающееся по спирали тело корабля тяжело отталкивается и легко взмывает ввысь, но он почувствовал это. Представил, как плазменная вспышка выжигает окружающие дворец-ракету кварталы, как осыпаются лестницы, а солнца последний раз скрещивают лучи на вершине в виде золотого полумесяца. Следом — тяжёлое барражирование и рывок. Ощущение, как если бы карусель, на которой восседал хафиз, от огромного взрыва взлетела в небо. Он обрадовался, что давно ничего не ел — судя по звукам, многих тошнило, но сил оторвать голову от подголовника, презрев чудовищную центробежную силу, у Махди не было.

В гнетущей темноте отсека неясно мерцающие мониторы разбрызгивали крупички света. Кто-то закричал, резко и отрывисто, почти безумно, сорвался в кашель и затих. Махди не испытывал страха. Он не испытывал ничего. Ему хотелось бы утраститься смерти, расставания с привычным миром, встречи с Всевышним, наконец... Находясь на пределе возможностей, когда мышцы натягивались струной ребаба, а суставы выкручивались, будто шарниры, он ждал откровения, но откровение не приходило.

«Может быть, всё дело в том, что я знаю о существовании Аллаха, а не верю в него? Вера ведь требу-

ет некоей неопределённости. Иным это чувство даёт нематериальность Всевышнего, но, если я прозреваю его в каждой крупичке, окружающей меня тьмы, в последовательности вдохов всех живущих, в нитке света, вдетой в стрелчатое окошко минарета, в строго упорядоченной сумятице песчинок под ногами; если я не мыслю всё это вне его и живу в нём, как могу я увидеть его со стороны? Неужели чудо откровения доступно только тем, чья вера ещё слаба?».

Мысли путались, а напряжение в теле росло, пока... в одно мгновение ракета не стабилизировалась.

Отстёгивая ремни, экипаж сползал с кресел: одни неуверенно брели, придерживаясь за переборки, другие скатывались в изнеможении на пол. Огрубевшие от перегрузок барабанные перепонки возвращались в нормальное состояние, пробуждая к жизни все накопившиеся звуки: стоны, всхлипы, шарканье ног, пощёчины, приводящие в себя потерявших сознание. Потом включилось неровно дребезжащее освещение. Не слишком яркое — нужно было экономить энергию для дальнего перелёта, — но позволяющее разглядеть мокрые не то от пота, не то от слёз лица.

Махди подошёл, слегка шатаясь, к ближайшему иллюминатору и попытался оторвать драпировку, но под съехавшей с хрустом тканью его взгляду открылась грубо приваренная металлическая пластина. Недоумённо озираясь, хафиз наконец встретился глазами с генералом, фигура которого, будто съёжившись от перегрузок, потеряла монументальную статью; в отточенных прежде движениях проступила неуверенность, взгляд казался затравленным.

Несколько дней спустя, когда все насущные вопросы были решены и экипажу стало очевидно, что полёт идёт согласно плану, Махди невзначай спросил, являются ли наваренные на иллюминаторы листы

металла элементом дополнительной защиты, на что Сайфутдин лишь горько усмехнулся.

— Наш полёт — дело великой важности, ни к чему, чтобы экипаж отвлекался от благочестивых размышлений и молить, заглядываясь на диковины, которые вполне возможно будут притягательным мороком, наведённым шайтаном. Я видел изображения и слышал предания очевидцев — на нашем пути нам предстоит встретить такие красоты, что могут помутить разум человека, пошатнуть его веру.

— Но не случайно ли мы говорим Хвала Аллаху, Господу миров? Не от этих ли миров, творений Всевышнего, вы собираетесь защищать правоверных? Не хотите ли низвести его могущество до создания металлической коробки, набитой запутанными людьми? И неужели вы думаете, что от шайтана можно отгородиться занавеской?

— Так или иначе, но дело сделано, правила корабля распространяются на всех. И я не советую вам расшатывать дисциплину, дорогой мой Махди, — от сопровождавшей фразу улыбки хотелось спрятаться, — А хорошенько поесть — советую, напротив. На вас больно смотреть, а я обещал Верховному доставить вас обратно живым, — ударение на последнем слове показалось хафизу весьма двусмысленным, но отвечать он не стал.

На огромном корабле, построенном для перевозки десятков тысяч людей, нетрудно было найти место каждому члену немногочисленной команды. Махди выбрал для себя отдалённую каюту, где прежде могло разместиться три поколения большой семьи. Вероятно, здесь жил кто-то из прислуги Абдаллы — приметы человеческого пребывания теплились в забытых игрушках, карандашных очистках, непарных тапочках, но тем более печальной казалась эта покинутость. Подперев дверь и достав из просторного кармана позаимствован-

ный в ремнаборе короткий ломик, хафиз приступил к тому, что собирался сделать уже давно.

Даже добившись некоторых успехов, он нарочно старался не смотреть, не упивался своим успехом до самого конца. Аккуратно отставив прямоугольник металла, он поднял глаза и увидел за нечётким отражением собственного лица черноту ночи; не той, искусственной, создаваемой с помощью занавесок и ставен дома, а абсолютно непроглядной, усеянной песчинками далёких звёзд.

«Сайфутдин хочет, чтобы я ел. Я ел всю свою жизнь, делая это при свете дня, вопреки воле Аллаха, Милостивого и Милосердного и Его Посланника. Теперь же, во мраке космической ночи, я волен держать пост, к которому меня ничто не обязывает».

Жизнь на корабле текла размеренно и сухо. Не вынужденный заступать на вахты, Махди вовсе потерял счёт времени, лишь немного делимого на отрезки между молитвами, которые он свершал в своей каюте, прямо перед иллюминатором. Слово вор, прорывающий путь на волю и прячущий свой тайный лаз, хафиз прятал своё запретное открытие. В свободные часы он по долгу, не мигая, до рези в глазах, всматривался в своё отражение, которое, подобно космонавту без скафандра, плыло в окружении звёзд. Иногда Махди не мог понять, с какой именно стороны стекла он сейчас находится. Всё его тело испытывало неземную лёгкость, голова приятно кружилась. Крошки в иллюминаторе понемногу росли, становились почти различимы их очертания: звёзды пылали, планеты отблёскивали, астероиды сопровождали ракету, как любопытные мальчишки торговый караван, после чего неожиданно исчезали.

В один из дней, хафиз едва успел накинуть драп, услышав редкие в его части корабля шаги, после чего дверь тут же отворили. На пороге стоял один из млад-

ших офицеров, лицо его казалось радостным и тревожным одновременно.

— Мы прибыли, генерал просит вас подняться на мостик, — выпалил он, забыв поздороваться, как ранее забыл постучать.

— Я не могу подняться на мостик. Я просто не могу подняться... — виновато улыбнулся Махди.

* * *

Когда, опираясь на двух крепких солдат и старчески семеня, он наконец добрался до мостика, совещание уже было в самом разгаре. Отвыкший от людских лиц и потерявшийся в многоголосице, хафиз некоторое время сидел на последнем ряду полукруглой залы. Перед ним, на фоне сверкающего экрана, темнел силуэт Сайфутдина, властно жестикулировавшего. Голос, поначалу отдельный от генеральской фигуры, прорезался сквозь шум толпы несколькими мгновениями спустя.

— ...первый вариант, хотя и позволит нам вернуться назад, кажется мне неудовлетворительным, ведь он оставляет гипотетический шанс для землян. Я требую направить на орудия всю энергию корабля до достижения критической нагрузки. Если мы не покончим с этим сразу, они вернутся, чтобы отомстить.

— И чем они будут хуже вас?

Дребезжащий, но громкий возглас Махди заставил присутствующих вздрогнуть.

— Мы имеем право на эту месть, хафиз! Я не позволю вам сорвать наше долгожданное возмездие, как это мечтал сделать ваш учитель!

Что-то кольнуло в груди у Махди, он медленно выдохнул, но не отвёл взгляда.

— Да-да! — продолжал Сайфутдин. — Вы наверняка слышали о неудавшемся теракте, но не могли подумывать, что почтенный Хасан-бей подобно подлому вероотступнику попытается взорвать нашу ракету. Я соб-

ственнолично лишил его головы! — фраза была брошена с вызовом, но голос генерала дрожал. — И сделаю это со всяким, кто попробует отобрать моё право на месть!

Махди не почувствовал ничего. Может быть сознание, как организм, смягчающий тяжёлое ранение состоянием шока, изолировало где-то очень глубоко пульсирующую боль, а может он каким-то звериным чутьём уже давно догадался о произошедшем, но, как часто бывает, утаил это открытие от себя.

— Возмездие не может идти вперёд того, за что воздаётся, — уже не повышая голоса произнёс хафиз и, достав из кармана листок, данный ему Абдаллой, протянул его генералу. — Вот вырезка из земной газеты переданная мне Верховным. Думаю, он посвятил вас в подробности «подвига», который якобы совершил Балтасар, известный по прозвищу Меч Аллаха. Так почему бы не рассказать всем о том, что первый теракт в космосе, уничтоживший Международную Космическую Станцию, не был местью за решение о депортации, а был её причиной, последней каплей, обрушившей гнев на всех правоверных?

Волос, упавший на пол в перерыве между словами Махди, мог бы прозвучать как гром — до того тихо стало на мостике.

— Об этом знал Абдалла, об этом сердцем догадывался Хасан-бей, и я не стал бы звать последнего своим учителем, если бы потребовал мести за его смерть. — Хафиз повернулся к бортиженерам. — Когда мы будем на земной орбите?

— Мы уже заходим, хафиз! — робко ответил молодой раскосый паренёк в чалме.

Махди благодарственно кивнул и продолжил.

— Я не буду говорить вам о том, что потратить последнюю энергию нашего мира на выстрел — это безумие. Что убивать тех, кто не сделал вам равным счётом ничего — это бесчестие. Про то, что нападать,

не установив с ними связи и не попытавшись вернуть им право на спасение, — подлость. Я не буду из последних сил бросаться на вас, пытаюсь остановить. Я попрошу лишь одно — генерал, проводите меня в мою каюту.

Сайфутдин неуверенно обвёл взглядом присутствующих и, ни слова не говоря, подошёл к хафизу. Птичья худоба и беззащитность — уже не детская, но и не старческая — испугали его. Отстранив жестом желающих помочь солдат, он попытался вести Махди под руку, но, поняв, насколько слаб хафиз, взял его на руки.

— Вот сюда, пожалуйста, — указал на своё обычное место Махди, когда, пригнувшись и развернувшись вполоборота, генерал внёс его в каюту.

Хафиз заметил, что рука севшего рядом Сайфутдина беспокойно поглаживает рукоятку кинжала, висящего у него на поясе.

— Не бойтесь, это не ловушка, впрочем... Я хотел бы спросить... Мы преодолели в полной темноте и неведении колоссальные пространства. И вот, когда мы наконец здесь, кружим по орбите Земли, откуда вышли наши предки, по которой ходил Пророк, которая должна быть легендарно красивой, неужели вы не хотите увидеть её, пусть и не оставив своего намерения?

— Я... — начал генерал, медленно подбирая слова, — боюсь, что тогда моя воля, моя рука может дрогнуть, что я потеряю веру в то, что Аллах направляет её, что шайтан размягчит моё сердце...

— Но почему этого не может сделать сам Всевышний? — рука Махди скользнула по стене и потянула за край драпировки.

Хафиз, сидя в пол оборота к иллюминатору, наблюдал за лицом Сайфутдина, которое, на мгновение замедив, начало, ежесекундно меняясь, выплёскивать эмо-

ции. Сначала изумление, потом испуг, следом, почти без остановки, радость, злость, обиду... В конце концов все они, точно в палитре, смешались на лице генерала и застыли маской смятения. Только тогда Махди повернул голову и проследил за взглядом Сайфутдина, прикованным к угловатой чёрной глыбе в багряной дымке, испещрённой пятнами кратеров с яркими оранжевыми прожилками.

Пока генерал по радиии проверял, нет ли здесь никакой ошибки, хафиз смотрел в иллюминатор и, когда наконец Сайфутдин получил все возможные подтверждения о том, что перед ними действительно Земля, медленно произнёс:

— Слепая ненависть заставила бы вас погибнуть в сражении с тем, что давно мертво, и обрекла бы на прозябание миллионы правозверных.

Сайфутдин часто моргал, по его мясистому приплюснутому носу ползли капли пота.

— Кто сделал это?

— Люди. Люди с Земли. Они прекрасно справились без нашей помощи, Сайфутдин.

— И что... что нам делать теперь, Махди?

— То, что люди не делают никогда, генерал, — извлечь урок, внемлеть печальному знамению. Ну и, конечно, помолиться, ведь мы так близки к земле Пророка, как никто из изгнанников прежде.

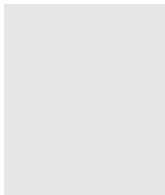
— А вам не кажется, что теперь она похожа...

— Вы тоже заметили? — хафиз устало улыбнулся. — Точь-в-точь Кааба. И с каждым витком мы, как и положено правозверным, мы обходим её снова и снова, Сайфутдин. Это был самый далёкий хадж в истории.

Когда, помолвившись рядом с хафизом, генерал направился к выходу, Махди окликнул его.

— Сайфутдин-хаджи, попросите для меня на кухне лепёшку и немного хумуса, мне понадобятся силы, когда мы вернёмся домой. **✠**

Кимберлитовая кикимора

Константин Шабалдин

1

Все космические корабли одинаково прекрасны, все подземные корабли уродливы каждый по-своему. Форма корпуса, обвесы частотных генераторов, схема расположения шнековых движителей — всё это komponуется в зависимости от характеристик грунта, в котором предстоит работать геоходу и без каких-либо уступок требованиям эстетики. Предельная целесообразность, экономичность и эффективность. А внешний вид вообще не колышет. Потому как любоваться на подземные лодки некому. Потому что под землёй. Ну и платят космонавтам значительно больше, чем подземникам. Что, конечно, совсем несправедливо.

Поэтому я, быстро закончив нудное тестирование, убрал с монитора изображение нашего «Соляриса» и открыл файл с недельной отчётностью. Фиговая была отчётность. Превышение лимитов по топливу, электричеству, пищевым запасам. В смету мы не укладывались. Значит, опять без премии, опять капитан урежет и без того не обильный паёк и добавит по вахте на рыло. Гоните проходку, скажет, дармоеды, ищите алмазы. Но алмазов не было, план горел ко всем чертям.

— Экипажу «Соляриса» собраться в кают-компанию, — прошелестел динамик Наташкиным голосом. Очень приятным. Но я однажды слышал, как она визжала в бухгалтерии, когда ей сверхурочных недосчитали.

Кают-компанией тесную конуру со столиком на четверых называл только капитан. Ну и мы при нём старались не говорить «кладовка». Он обижался.

— Привет, Наташенька, — сказал я, усаживаясь. — Ты сегодня не только прекрасно выглядишь, но и отменно пахнешь.

— Ой, Пухлик...

Наташка томно закатила глазки, а Урляев сразу набычился. Ревновал, балбес. «Шанелью» от нашей дамы пёрло так, что непременно ей капитан разнос устроит. Я же пока делал вид ароматами оглушённого, красотой сражённого, влюблённого юноши. Самое интересное, что Наташенька меня не интересовала. Эта манерная выдерга была совершенно не в моём вкусе. Но, чтобы позлить Урляева, я при нём всегда на Наташеньку делал стойку и тщательно имитировал гормональный выброс.

Как я и ожидал, Маусс сразу взял быка за рога. Или, вернее, козу за молочную железу:

— Штурман Потехина — три дежурства на камбузе вне очереди, — сказал он, снимая фуражку и упираясь могучими ручищами в хлипкий столик.

Наташенька попыталась издать звук, и капитан рявкнул:

— Повякай мне ещё, дармоедка! Я кому говорил «никакого парфюма»?! Ты у меня весь перерасход кислорода за сегодня по коммерческой цене оплачивать будешь. Ты у меня вентиляционные фильтры маникюром своим чистить будешь. Благоухать изволишь?

Наташенька побелела, потом покраснела, а Маусс поправил галстук, величественно сел за стол и совершенно спокойно сказал мне:

— Шкипер, доложите обстановку.

Я и доложил. Доклад мой был краток.

— Обстановка на грани банкротства, — сказал я. — Рублей по двадцать пять каждому в этот месяц набьют.

Маусс посопел сердито и выдал:

— Значит так. Будем забуриваться вглубь. До границы Мохоровичича не полезем, но и по верхам шнырять смысла больше нет. Пустой участок, бедная порода. Знаю, что опасно, знаю, что против инструкции. Но другого выхода у нас нет.

И поняли все, что решение это он уже давно принял и мнения наши лучше оставить при себе. И ему не хуже нашего известно о неприемлемости использования геоходов класса «Солярис» на больших глубинах. И плевать он на это хотел.

— А теперь давайте обедать, — сказал Маусс. — Что там у нас сегодня? Опять лапша? Ну, давай лапшу.

2

И началась самая увлекательная из охот — охота за богатством под страхом смерти.

Я сутками сидел за управлением, пайку мне прямо в рубку приносили. Но из-за недосыпа жрать не тянуло, один чифирь хлебал. Шуровали мы три метра в секунду, спиралью набирая глубину в границах нашего участка. По правилам надо было меняться каждые двенадцать часов, но на таких скоростях лучше меня с бандурой «Соляриса» никто бы не управился. Наташенька скидывала мне на комп проложенный маршрут и вертелась на камбузе, Маусс пропал у себя в каюте, а вот Урляева капитан, к моей вящей радости, назначил бессменно драить гальюн.

И все ждали, когда скорлупу «Соляриса» раздавят километрами горных пород у нас над головой. Чёртову кучи энергии приходилось отводить на охлаждение, реактор не справлялся, скорость падала и вся затея теряла смысл. Мы рисковали завязнуть на глубине, и тогда придётся заказывать аварийную телепортацию. И тогда рассчитывать с нашими кредитами мы будем на социальных работах. До пенсии. Но это при условии, что ещё раньше корпус лодки не схлопнется давлением.

Надо было остановиться, как следует зарядить аккумуляторы и выжечь промежуточный купол над геоходом. Поэтому я застопорил ход, перевёл всю энергию на охлаждение корпуса и с наслаждением потя-

нулся. Сразу же по сетевой болталке прилетело сообщение от капитана: «Почему стоим?». Я на секунду задумался и отстучал: «Профилактика частотных контуров». И сразу услышал топот в коридоре.

— Какая на фиг профилактика, Паскаль? — спросил Маусс, вваливаясь в рубку. — А ну, вперёд!

От него сильно шибало перегаром, узел галстука был распушен, и стало понятно, чем занимался капитан последние пару дней.

— Юрий Генрихович, я уже два дня Богу не молился, не правильно это, — пошёл я в наступление, сбивая с капитана спесь.

— Богу не молился? — пришёл в замешательство Маусс. — Ах, как не хорошо. Что же ты, Боря? Сходи, я тебе не препятствую. Тебя боцман подменит.

Вот так. Ещё бы ты препятствовал. Если Конфессиально-Гносеологическая Безопасность прознает о неотправлении культа на рабочем месте — виновному до двух лет. Но сильно борзеть я не собирался, мне деньги нужны, а не почётная грамота от епархии.

— Я, Юрий Генрихович, плазму активировал, — говорю. — Пока купол выжигается, я и сбегая быстренько. А потом наружу можно будет выйти, образцов набрать, пробы на биологическую активность.

Понимает отлично капитан, что все пробы и образцы можно, не выходя из лодки, набрать, но кивает важно, одобряет. Вот и ладушки. Побрёл я в модельню, спотыкаясь, в коридоре издевательски подмигнул Сашке Урляеву, он как раз коврик там пылесосил. Сашка пылесос бросил, кулаки сжал, но я же не дурак с боксёром драться. Сказал только:

— Топай в рубку, боцман. Тебе капитан с перепоя решил управление доверить, — и прошмыгнул в модельню, заперся, да и свернулся пухлым калачиком на узкой лавке прямо под иконой Единого Бога.

3

Лучше всего спать там, откуда некуда падать. Это я понял, свалившись с лавки всеми своими ста десятью килограммами и треснувшись башкой об алтарь. Во сне я видел незнакомую девушку с распущенными волосами и в позолоченном скафандре. К деньгам сие или к убыткам? Я потянулся и вышел в коридор. Сильно пахло жареной селёдкой, Наташенька решила устроить рыбный день.

В рубке на экране сканера внешнего обзора светились три зелёные отметки, коллеги ушли на прогулку без меня. Я врубил канал связи.

— ...такое количество самоцветов. Гранаты, рубины, сапфиры!

— Плазма, высокое давление, вот тебе и самоцветы.

— ...какая-то дыра, смотрите, — это Наташенька.

— Карст, капитан! — голос Урляева вибрирует, разволновался боцман.

— Что за чушь? Не может быть на такой глубине, — капитан как всегда категоричен.

Наташенька: «Точно, карст. И огромный. Луч фонаря теряется».

Урляев: «Ништяк! От Академии Научной Геологии, может, премию дадут».

Маусс: «Команда, ё-моё. Сказано кимберлит искать, они за каким-то хреном карст находят. Как бы нам тут на кикимор не нарваться».

Капитан любил рассуждать о кикиморах. Это его экспедиция в семьдесят седьмом открыла «терроформированный биологический вид».

Наташенька: «А почему ты назвал их кикиморами?».

Маусс: «Я не знаю. Кто-то сдуру ляпнул и вот прижилось».

Я отключил связь и пошёл на камбуз, жрать хотелось катастрофически. Подумал, что обнаружить ки-

кимор было бы как раз неплохо, обычно их поселения располагаются у основания кимберлитовых трубок.

Когда я зашёл в камбуз, на меня сразу накинута гигантская селёдка. Размером она была с акулу, а из распластанного брюха у неё вываливались омерзительные потроха. На этих сизых кишках, белёсых молоках, расплзающихся фиолетовых жабрах чудовище скользило по кафельному полу и тянуло ко мне смердящую пасть с миллионом загнутых зубов. С чавкающим звуком тварь дёрнулась на собственных внутренностях, я вылетел в коридор и побежал, путаясь ногами в ковровой дорожке, которую давеча столь тщательно пылесосил Урляев.

Сказать, что я перепугался, так это ничего не сказать. Волосы натурально дыбом встали. И не только на голове. Я не помню, как оказался в молельне и — опаньки — уже Святому Владимиру Обручеву свечку ставлю. И руки у меня трясутся. Весь трясусь, ни одной молитвы вспомнить не могу. Тут мне сзади Наташенька руку на плечо нежно так положила, по голове погладила. Сразу хорошо мне стало, спокойно. Повернулся — а это не Наташка. Девка эта из сна, но без скафандра, даже совсем наоборот, совершенно голая. И рот у неё сильно большой, непропорциональный и зрачки без радужки. Худая, плоская, костлявая. Да это же кикимора!

— Ну, пусечка, — сказала кикимора, — ну, что ты так перепугался, лапочка?

— Ты как в лодке оказалась? — спросил я. Зубы у меня уже не стучали.

— Ты про телепортацию не слыхал что ли? — удивилась кикимора.

— Слыхал немного, — сказал я, и во рту стало сухо. Технология телепортации строжайше засекречена и применение гражданским населением простран-

ственных переходов жёстко лимитировано и регламентировано. А культура кикимор вообще считается не технологической, а психокинетической.

— Да успокойся ты, — кикимора снова попыталась дотронуться до меня, но я отпрянул. — Я же тебя готовила, во сне специально приснилась. Не узнал?

Она тряхнула гривой роскошных волос, кокетливо улыбнулась и встала в позу манекенщицы из глянцевого журнала, которыми у Сашки Урляева вся каюта завалена. Нет, красавицей кикимору не назвать, но была она очень обаятельна.

— Тебя же Боря зовут? — спросила кикимора.

— Ага, — ответил я. Кикимора мне нравилась, и я с трудом сдерживался, чтобы не рассматривать её слишком уж откровенно. — Боря Паскаль.

— А я Маша.

— Так-таки и Маша?

— Ну, моё настоящее имя ты всё равно не произнесёшь, даже не услышишь. Мы, *люди тени*, на ультразвуке общаемся.

— А по-русски разговаривать, где так наблатыкалась?

— Меня специально готовили.

— К чему?

— К диверсионно-подрывной деятельности.

Мне становилось всё интересней.

— И кого ты подрывать собираешься? — спросил я, но мне это было уже как-то и не интересно.

— А кого прикажут. Мы слишком долго жили в тени, пора бабахнуть.

— Маша, а галлюцинацию с рыбой тоже ты навела? Зачем?

— Это не я, — насупилась Маша. — Я совсем наоборот, блок поставила, а то бы у тебя и твоих друзей уже от глюков крыша поехала. Пойдем к тебе в каюту, ты меня допросишь, и я тебе всё-всё расскажу.

Мы пошли в каюту, и я её допросил, и она мне всё рассказала.

4

— Короче, получается, Маша у нас политического убежища просит, — сказал я, подводя итог.

Экипаж «Соляриса» сидел за столом в кают-компании и пилился на кикимору. Они только что сняли скафандры и собирались сортировать образцы минералов, которые набрали под куполом, а тут я с Машей. В моей джинсовой рубашке и волосами, собранными на затылке в «конский хвост», она была неотразима.

— То есть она типа Мата Хари, — брякнул Урляев. — Решила нам своих же продать.

— Она типа Колобок, — сказала Наташенька. Кикимора ей явно не нравилась.

— Я никого не продаю! — возмутилась Маша. — Вы сами запёрлись на территорию моего народа, старейшины приказали страже мозги вам выжечь, а я блок поставила. Меня теперь сильно накажут.

— А с чего ты добрая такая? — спросил Маусс.

— У меня свой интерес.

— А с чего ты откровенная такая?

— *Люди тени* не могут лгать, — сказала Маша.

— И в чём твой интерес?

— У нас война с людьми... — она произнесла что-то на пределе слышимости, но у нас заложило уши. — Ну, с другим племенем. Мы проигрываем, а наш род старше, и лишь мы достойны греть разум в тепле дыхания Матери Недр. Дайте нам оружие, мы победим, а вы спокойно уйдёте. А меня не накажут.

— Им нужны частотные генераторы, — пояснил я. — Они с их помощью смогут провести ментальную атаку на своих противников.

— А мы сможем? — быстро спросил Маусс. — Провести атаку.

— Сможете, — сказала Маша. — Но я не скажу, какие для этого нужны частотные характеристики.

— И где нам поблизости алмазами разжиться, тоже не скажешь?

Маша энергично отрицательно помотала головой, и «конский хвост» хлестнул по её хрупким плечам.

— Нельзя вам здесь ничем разжигаться, — сказала она. — Сунетесь дальше — конец вам, даже я не помогу.

— Мы посоветуемся с коллективом и вынесем решение, — утробно произнёс Маусс.

Вот это мне не понравилось. Он должен был закрыть матом, грохать кулаками по столу и брызгать слюной. Должен был торговаться, требовать алмазы в обмен на генераторы. Требовать беспрепятственный проход по маршруту для нашей экспедиции. Экспедиции Центрального Геологического Управления Академии Научной Геологии, между прочим. Потому что вообще на наших глазах создавался прецедент — никогда ещё кикиморы не вмешивались в работу геологов. Вместо этого капитан попросту выпроваживал нас с Машей из кладовки. Что-то нехорошее задумал Маусс.

— Пойдём отсюда, Маша, — сказал я. — Никто тебе здесь не поможет.

Мы вернулись ко мне в каюту, и я сразу начал стягивать с кикиморы рубашку, но она вырвалась и строго сказала:

— Не сейчас.

— А когда?

— Как только ты добудешь оружие для моего народа.

— Но ты пойми, не могу же я с геохода промышленные генераторы снять.

— А ты придумай что-нибудь, — капризно сказала Маша. — Нам очень нужны эти излучатели, очень. На тебя вся надежда. Я тебя специально выбрала.

— Да? А почему именно меня? Не капитана, не Урляева, не Наташку, в конце концов, а именно меня?

— Ты самый красивый, — застенчиво сказала Маша.

— Скажешь тоже, — совершенно искренне возмущился я. Красавцем я себя никогда не считал. Умный — это про меня, да. Мужественный, конечно. Специалист классный. Но уж точно не красавец.

Но кикимора сказала:

— Ты же толстый.

— Ну и что? — обиделся я.

— Значит, ты добрый, — как тупому пояснила Маша. Как будто это было нечто само собой разумеющееся.

— Погоди, что-то я запутался. Добрый, потому что красивый, или добрый, потому что толстый?

— Толстый — значит красивый, красивый — значит добрый.

Мне всё стало понятно.

— Ну, предположим, — сказал я. — Но чем я смогу тебе помочь, всё равно ума не приложу.

— В обмен на алмазы твой командир согласится отдать нам излучатели?

— А сколько алмазов? — как можно равнодушнее спросил я.

— Мешок. Большой мешок. Вот такой.

— Лучше бы, конечно, месторождение, но и мешок сгодится.

— Тогда пойдём со мной, к нам. Ты на алтаре Матери Недр поклянёшься, что не обманешь.

Принести клятву языческому идолу за всего лишь безбедную старость?! Да легко. Уже в кессоне, натягивая скафандр, я спросил:

— Маша, а ты-то как у нас без скафандра обходишься? Ведь для тебя атмосфера «Соляриса» как для меня открытый космос.

— У нас скафандров не бывает. Меня закрывает... ну, типа энергетическое поле.

Мне снова всё стало понятно. Типа.

5

Когда мы пролезли в дыру, обнаруженную Наташенькой, то оказались под куполом гораздо большим, чем грот, выжженный плазмой «Соляриса». Это было гигантское пространство, ограниченное сверху хрустальным сводом, и даже через шлем скафандра я слышал мелодичный небесный звон. Густой воздух слоился радугой, переливался оттенками красного. Мы шли не спеша к источнику мягкого багрового сияния в центре этого волшебного места.

— Это алтарь Матери Недр, — сказала Маша, указывая на мерцающее пирамидальное возвышение из розового алмаза. — А это пастбища *людей тени*.

Маша повела рукой, обводя бескрайние поля бледно-багровой травы, на которых паслись стада рыжих слепых коров. Линия горизонта загибалась к хрустальному своду и терялась в розовой дымке. Постукивала водяная мельница на ручье из жидкого олова. Курилась дымком небольшая кузница. Жужжали медные пчелы, собирая янтарный мёд. Неподальёку гончар шустро разминал свинцовый ком. Жнецы вязали снопы рубиновых злаков, пастихи дудели в асбестовые флейты и пощёлкивали бичами, доярки гремели слюдяными вёдрами, дети выстраивались в очередь за парным молоком.

— Молоко, творог и сыр. Мёд. Немного пшеницы, — сказала Маша. — Это наша основная еда. Всегда её не хватало, теперь совсем стало мало, поэтому война за пастбища.

— Точно как у нас, — ответил я. — Просто вместо молока счёт в банке, а вместо войны — доносы в КоГноБез.

6

А к нам уже топала по красноватой травке делегация кикимор. Или кикиморов? Короче, кикиморских мужиков. Голые, худющие — умора, одним словом. Первый кикимор, подойдя, поднял в приветствии тощую руку. Другие остановились поодаль, настороженно посматривая.

— Это Вася, — представила Маша. — Наш Верховный Стратег.

— Боря, — сказал я и тоже помахал ручкой. — Очень приятно.

Но Вася, не обращая на меня внимания, сразу зашептал на ухо Маше что-то едва слышное, шипящее и булькающее.

— Меня хотят казнить, — сказала Маша.

— Чего ж сразу и казнить? — удивился я. Строго тут у них оказывается.

— Да твой визит ещё на меня повесить решили, а это по совокупности — кирдык! Но Вася мне поможет, потянет время.

— Почему?

— Он же умный, стратег. Он понимает, что победа на войне важнее наказания одной еретички.

— А я подумал, он тебя любит.

— Ну, — смутилась Маша, — мы единомышленники.

К нам тем временем приблизился ещё один кикимор, постарше, с козлиной бородкой и дикар-

скими татуировками по всему телу. Земляне себя так в двадцать первом веке уродовали. Начал этот бородач на Васю наезжать, даже за руку схватил. Бормотал по-ихнему, по-кикиморски, но и без перевода было понятно, что не одобряет он меня, Машу и Васино с Машей сюсюканье.

— Коля, самый главный у нас, — пояснила Маша. — Типа генеральный директор акционерного общества. Очень строгий.

— И контрольный пакет акций у него? — спросил я.

— У него, — вздохнула Маша.

— Видно, что ушлый, — сказал я.

Коля между тем продолжал чего-то сердито шипеть, руками размахивать, Вася пытался возражать, а я украдкой озирался.

Свободные от дискуссии кикиморы на нас внимания почти не обращали, занимались своими делами.

Жали, сеяли, возделывали в поте лица своего. Двигались степенно, без суеты, детвора не шалила, бабы не скандалили, пьяных было не видеть. Складывалось впечатление благолепия и гармонии.

— Расклад такой, — снова заговорила Маша. — Меня казнить не будут, пока ты оборудование не предоставишь. Твоим друзьям временно ничего не будет, но уйти не смогут, путь вашей лодке стражей везде перекрыт. Тебе большой мешок алмазов будет, как я обещала. Давай скорей на алтаре клянись, что генераторы припрёшь.

И тут Коля сам ко мне обратился:

— Клянись, чито нэ обманьш. Своим богом клянись ы Матьярью нэдров тоже поклянись. А эсли обманэш и над зымлэй тыба найду ы показню.

Ну, поклялся я, короче. А что было делать?

7

Когда я вернулся, мои друзья устанавливали вокруг «Соляриса» фугасные заряды.

— На всякий случай, — жёстко сказал Маусс.

— Очень своевременная предосторожность, — одобрил я.

— Ты где был? — подозрительно спросил Урляев.

— Гулять ходил, — ответил я.

— А где кикимора? — спросила Наташенька.

— В каюте у меня сидит, — зачем-то соврал я.

Экипаж закончил работу и отправился ужинать, се­лёдку с лапшой доедать, а я полез в Сеть, выискивая всю имеющуюся информацию о кикиморах. Её было мало. Первое поселение обнаружил Маусс, случайно, в ходе обычной проходки на предмет касситерита. От предложения разместить у них нашу миссию кикиморы уклонились, от культурного обмена отказались категорически. Этнографическую экспедицию не пустили на порог. Выражали протест по поводу работы подземных лодок в ареале обитания. Да кто же их, низкотехнологичных, слушать будет? И тут я наткнулся на забавный текст за авторством некоего Ораториева.

Ораториев, как выяснилось, являлся фигурой знаковой, для некоторых был кумиром, для большинства — эдаким интеллектуальным скоморохом. Его эссе «Нужны ли они им?», «Догонит ли улитка черепаху?» и «Обречены ли города на геостационарной орбите?» стали культовыми в определённых кругах. Имел статус легального диссидента, регулярно выплачивал штраф за антирелигиозные высказывания в публичных местах, пропагандировал эвтаназию. Наверняка был сексотом КоГноБеза, ну а кто им не был в наше время?

Тезисы его меморандума сводились к необходимости самого пристального внимания к проблеме изу-

чения кикимор. Он ратовал за скорейшее установление дипломатических и культурных связей, торговых отношений и глобального внедрения агентуры. После этого переходил к неожиданному выводу о неизбежности войны с кикиморами, а после и вовсе призывал к тотальному геноциду. Собственно его сочинение и называлось: «Мы их или они нас?».

В дверь каюты постучали. Странно, капитан обычно вламывался без стука, Наташенька тихонько скребла ноготками, если навещалась с визитом, а Урляев ко мне не заходил. Я открыл. На пороге в полном составе застыл экипаж «Соляриса». Маусс держал в руке пистолет, а Урляев сжимал разделочный нож. Наташенька изящно придерживала на плече бухту полимерного буксировочного троса.

— Где твоя красавица? — спросил Сашка.

— Вы что задумали? — ответил я вопросом, шагнув назад.

— Не психуй, Пухлик, — проворковала Наташенька. — Мы её не больно зарежем.

— Шли бы вы карстом, — сказал я.

— А с чего ты так завёлся? Она же не человек и даже не животное. Не поймёшь чё! За неё срок не дадут, а бабла срубим немеряно, все кредиты закроем, — сказал Урляев.

— Ты представляешь, сколько за её потроха Анатомический Музей отвалит? — сказал Маусс.

— Да вы, друзья, обалдели, — сказал я и захлопнул дверь каюты.

Я заклинил замок, для верности привалил дверь ящиками с образцами и заказал экстренную аварийную телепортацию.

8

Ораториев потчевал меня чёрной икрой, какими-то хитрыми тефтелями, жульеном из марсианских гри-

бов и красным чаем с натуральным мёдом. Нехило живут легальные диссиденты. Мёд нынче двенадцать рублей кило, а про грибы я даже не знаю, где и за какие деньги их купить можно.

— Так вы прочитали мою статью? — спросил Ораториев.

— Да. Мне показалось, что вы единственный, кто уделяет проблеме кикимор должное внимание.

— Я предпочитаю называть их *люди тени*. Как они сами себя называют.

Он смотрел на меня чуть насмешливо, говорил уважительно и ждал, когда я уйду. Надо было его как-то зацепить, и я попробовал:

— Странно с ними всё.

— Что странно?

— Ну, человечество готовилось к встрече с инопланетянами. Искало инопланетян и боялось инопланетян. Написали кучу книжек и наснимали кучу фильмов. А разумная жизнь обнаружилась в недрах планеты. Новая раса, самобытная культура, использующая психокинетику и экстрасенсорику. И всем по фигу!

— Вы зрите в корень, мой юный друг! — высокопарно воскликнул Ораториев, и я подумал, что он всё же на редкость неприятный тип. — Феноменальное равнодушие нашей цивилизации само по себе заслуживает отдельного исследования.

— В чём, по-вашему, причина? — подыграл я.

— Их несколько, — сказал Ораториев, окончательно переходя на менторский тон. — Это и обилие сорной информации. Мы активно заселяем Систему, общаемся в Сети, информационные каналы перегружены. Курсы валют, погода, гороскопы, эпидемии, стихийные бедствия, техногенные аварии... А ещё флеш-мобы, новые гаджеты, цифровые импланты, порнуха в диком количестве! Мы собираемся к звёздам. Мы

размножаемся, нас уже пятьдесят миллиардов, и мы нашли жизнь на Марсе. Пусть пока только растительную, но, тем не менее, тем не менее... Потом это и тяжёлая экономическая ситуация. Многим трудно прокормить семью, какое им дело до подземных человечков, им на работу ходить приходится. И, разумеется, это и влияние Церкви Единого Бога, нежелающей признавать *людей тени* разумными существами. Собственно, они даже для себя не могут решить — объявить ли *людей тени* божьими тварями или же порождением дьявола.

А самое главное — слишком давно не было глобальных войн. После кровопролития Великой Религиозной смуты, почти сто лет мирного существования. Люди разучились бояться за свою жизнь, все боятся только за свой кошелёк. Люди культурно деградируют. Каждый год новый наркотик, нелепая мода, педерастия, нелепые развлечения. Вы знаете хит сезона? Анатомический Музей!

— Я знаю, знаю, — сказал я, но он меня не слушал.

— По всей планете возят законсервированные в формалине разделанные туши редких животных и толпы прохвостов с извращённым любопытством разглядывают эту мерзость.

— Я знаю, — повторил я, и он соизволил обратить на меня внимание.

А мне припомнились витрины Анатомического Музея, который я посетил по глупости в прошлый отпуск, и съеденные грибочки запросились наружу.

— Я лишь одно не могу понять в этой истории — почему *люди тени* обратились именно к вам? — спросил Ораториев.

— Они говорят я толстый, значит, красивый, — пришлось мне признаться.

— Ну, конечно, — вновь глубокомысленно прищурился Ораториев. — В обществе с дефицитом продо-

вольствия упитанный человек выглядит образцом телесного стандарта.

— А раз красивый, то по-ихнему выходит ещё и добрый, — я счёл нужным объяснить все нюансы.

— Понятно, понятно, — сказал Ораториев. Ему опять становилось скучно. — А какой у вас там интерес? Почему бы вам не обойти этот, как его, кимберлит?

— Контракт с Управлением предусматривает, что найденные на маршруте алмазы становятся призом команды судна.

Он понимающе кивнул и вновь спросил:

— А вы точно запомнили, она так и сказала — «Мы слишком долго жили в тени»?

— Да, я запомнил.

— Тогда дело гораздо серьёзней, чем я нафантазировал в своём меморандуме. Раз у них есть высокие технологии — а об этом свидетельствует факт телепортации вашей знакомой и пусть не врёт про психокинетику — и раз у них есть парапсихологические способности — а об этом свидетельствует факт наведённого сновидения и наведённая галлюцинация — у человечества крайне мало шансов выйти победителем из конфликта с *людьми тени*.

— Но, вы считаете, конфликт всё же неизбежен?

Тогда Ораториев взглянул на меня печально и сказал:

— Обязательно попробуйте потофё из телятины с лунных ферм. Это восхитительно.

9

В геоцентре имени Давида Губермана я приобрёл в кредит четыре промышленных генератора «ИЖ/м — 196» и там же оплатил обратную телепортацию. Только перед отправлением надел скафандр и попросил оператора сместить координаты точки

возврата на пятьсот метров вперёд по курсу «Соляри-са», прямо к алтарю Магушки Недр. Эти операторы телепортационных станций ребята дотошные, все как один сексоты КоГноБеза, и простоватый с виду паренёк что-то заподозрил.

— Вы уверены, что хотите вернуться именно в это место? — спросил он.

— Да, — как можно увереннее ответил я. — Пока меня не было, наша подземная лодка значительно продвинулась по маршруту. Сами понимаете — план, нельзя допускать простоя.

— Как знаете. Но если вы просчитались, то окажетесь замурованы. Генераторы берёте с собой?

— Да. Их прямо со склада перемещайте в указанную точку.

— Это обойдётся вам в тысячу триста рублей в семьдесят пять копеек новыми.

— Гулять, так гулять, — пошутил я и через секунду услышал вопль Верховного Стратега, которому двухсоткилограммовый генератор брякнулся на левую ногу.

Они тут, оказывается, ждали меня. Всем кагалом не расходились. Маша бросилась мне на грудь, прижалась лицом к броне скафандра. Кикиморы оживлённо чего-то верещали, оказывали первую помощь Васе, снимали упаковку с приборов. Подошёл Коля и бросил к моим ногам мешок.

— Вот алмазы, — сказал он. — Как договарывались. Падыземная лодка тута останеца, друзья тываи пусть убегают, их тута не надо.

Ишь раскомандовался, падло большеротое, ценностями швыряется. И как это мои «друзья» сбегут, если лимит телепортации на этот месяц теперь мной исчерпан? Ничего, будет для тебя ещё сюрпризик, господин директор. Я открыл мешок. В глазах у меня помутилось.

— Хорошие, — у меня даже дыханье спёрло.
— Но зачем они тебе теперь? — спросила Маша.
— В хозяйстве пригодится, — ответил я, почуяв неладное.

— В каком ещё хозяйстве? — засмеялась Маша. — У нас не бывает хозяйств, всё же общее. Тебе скорее надо адаптацию проходить, это целый ритуал. И тогда Мать Недр окутает твоё тело энергетической оболочкой. Как у меня. Как у всех *людей тени*.

— А это обязательно?

— Ну не в скафандре же ты со мной потомство делать собираешься?

Тут я признаться, припух. Оказывается, на меня строят планы.

— В скафандре неудобно будет, — сказал я.

— Ещё как неудобно, — легко согласилась Маша. — А как пройдёшь адаптацию, поженимся, нам отдельную пещеру выделят, меня реабилитируют. Врагов с новым оружием быстро всех разгоним. Еды теперь будет вдоволь, даже тебя с твоей комплекцией легко прокормим.

Упоминание комплекции в таком контексте мне не понравилось, и я озвучил то, о чём начал догадываться ещё в первую нашу встречу, когда Маша плела свою наивную легенду.

— Слушай, а ведь ты врала про людей из другого племени. С которыми якобы у вас война.

— *Люди тени* не могут врать, — строго сказала Маша. — Я просто на нашем языке говорила «земляне». Вы своими геоходами разрушали наши пастбища, излучением генераторов дробили хрусталь куполов, Матушка Недр была очень недовольна. У нас коровы доиться перестали! А сейчас вы к нам уже сунуться не сможете, такой ментальный заслон с этими усилителями поставим, что мозги из ушей вытекут. И для *людей тени* снова наступит благоденствие.

А так-то войн у нас вообще не бывает. Ни войн, ни убийств, ни воровства.

— Убийств не бывает?! — возмутился я. — А кого тут недавно казнить собирались?

— У нас казнь — это не убийство, — мягко улыбнулась Маша. — Это что-то вроде бойкота. С тобой никто не общается, не разговаривает, тебя не зовут в хоровод. Это очень страшное наказание.

— Прямо-таки рай под землёй, — усмехнулся я.

— Рай? — переспросила Маша. — Для тебя может быть и да. Если считать раем место, где нет как у вас злобы, мстительности и зависти, насилия и лжи. Где живут в гармонии с природой и стремятся не к богатству, а к добру и любви. Мы поэтому и пришли в ужас, когда вас получше узнали. Поэтому Вася и сказал, что мы теперь в состоянии войны с землянами. А до этого *люди тени* не ведали войн, понятия такого не было. Мы пытались вас образумить, объясняли, что вы своим вторжением разрушаете наш мир. Но вы не слушали.

Вот только пропаганды мне не надо! Агитирует она... Но хрустальный свод мелодично позванивал над нашими головами, сердце моё стонало от нежности к этой наивной девочке, кикиморы припадочно дёргались возле генераторов, радовались, и я спросил у Маши:

— Мне просто интересно, а электричество у вас есть? Чтоб генераторы активировать.

— Вихревые токи магнитного поля Земли подключим, — небрежно ответила моя любимая кикимора. — Так ты остаёшься?

— Конечно! — восторженно восклицаю я и вру дальше: — И даже знаешь что? Я схожу, алмазы ребятам отдам. Мне они, получается, без надобности, а им хоть какая-то компенсация за потерянный геоход будет. Да и телепортация у нас ох как дорого стоит.

И бегу к «Солярису», пока эти лохи пещерные не прочухали, что из генераторов я циркониевые резонаторы вытащил. Ещё на складе. А без циркониевых резонаторов генератор как лазер без рубина — гудит, но не излучает. Это каждый школьник знает.

Я оглянулся напоследок. Маша осталась ждать в сиянии купола, в радужном мерцании самоцветов, кикиморы вокруг алтаря радостно собирались в хоровод. Ну, пусть попляшут, дурачки, скоро не до веселья будет. Ещё не поздно было вернуться. Устроиться пасечником. Пить молоко и мёд. Жить в покое и умиротворении. Плодить кикиморское отродье. Молиться куску алмаза. Слушаться Колю и Васю. Нет, ну уж дудки. «Брошу всё, уеду на Меркурий, там опытные подземники всегда нужны», — подумал я и полез в дыру.

10

— Вот чего я с Машки поимел, — говорю я и бросаю под ноги ребятам мешок с алмазами. Так же как Коля недавно швырял этот мешок мне. — А вы её выпотрошить хотели. Это было бы, по меньшей мере, нерентабельно!

— Тут миллионов на полтора, — шепчет Урляев, заглядывая в мешок.

— Поделим на всех поровну, — благоразумно сообщает я.

— Да что толку с твоей рухляди, если мы уйти не можем? — злится капитан. — Куда ни сунемся, сразу глюки дикие начинаются. Обложили они нас по кругу, везде оцепление.

— Вот именно, что по кругу. А почему бы не набирать глубину, поставив лодку вертикально? Ведь, по сути, «Солярис» — это бур. Так какого хрена мы бурим вдоль, а не поперёк? — спросил я.

— В рот пароход, в задницу подземную лодку! — сказал Маусс и поправил галстук.

— Никто не додумался. Инерция мышления, — глубокомысленно изрёк Урляев.

— Опасно. Упрёмся в границу Мохоровичича, — забоялась Наташенька.

— Значит, мы будем первыми, кто её пересечёт, — сказал я.

— Но почему вниз, а не вверх?! — продолжала истерить Наташенька. — Давлением же раздавит!

— У нас подземная лодка, а не летучий корабль. Над нами двадцать метров выжженного грунта. А запас прочности «Соляриса» позволяет забуриться ещё метров на пятьсот.

Я говорил спокойно, веско, и она угомонилась.

— А мозги нам не поджарят? — подозрительно спросил Маусс.

— Теперь не поджарят, — весело сказал я, подбрасывая на раскрытой ладони четыре циркониевых резонатора.

А Сашка Урляев положил мне руку на плечо и душевно произнёс, дыхнув перегаром:

— Я думал, ты ушлёпок, а ты нормальный пацан оказался.

Хмыкнув, я активировал кормовые домкраты и начал забуриваться, постоянно увеличивая крен. Геоход вставал вертикально, и мне пришлось упереться локтями в экран монитора. Переборка позади меня стала потолком и с неё сорвалась рамочка с портретом Президента. Экипаж «Соляриса» пребывал на четвереньках, осваиваясь в новой геометрии внутреннего пространства. Мы уходили от кикимор всё глубже и глубже.

— А теперь давайте взорвём фугасы, — злобно прошипела Наташенька. — Долбанёт так, что вся их пещерка сплошным кимберлитом станет. Высокотемпературным.

— Не надо ничего взрывать, — сказал Маусс. — Ни к чему это теперь.

— Ты же сам хотел кикимору на органы, — удивилась Наташенька. — С чего жалеешь?

— Я же хотел за деньги, — сказал Маусс. — А за просто так зачем убивать?

Маусс был прав, но лишь отчасти. Разумеется, не «за просто так», но всё ещё будет. Будут ещё убийства, взрывы, газовые атаки и спровоцированные эпидемии. Чуть позже. И даже не богатства недр станут для этого причиной. Просто не потерпит человечество у себя под боком вот такую цивилизацию. Гармоничную. Без «злости, мстительности и зависти, насилия и лжи». Стыдно нам будет у себя под боком такое терпеть. Очень стыдно. Потому что мы не сумели.

Я гнал «Солярис» к центру планеты, а в памяти маячили поля багровой травы и тучные стада под звенящим хрустальным куполом. Рай под землёй. Не в небесах, не после смерти и не в награду за праведную жизнь. А здесь и сейчас, для всех нас, грешников. Очень большой соблазн. Но ничего у вас не выйдет, *люди тени*.

Купить хотели, граждане подземелья? Нас не купишь! Подавитесь своими подачками. Нам не требуется малое, когда можно отнять всё. Мы всегда так делали. Мы будем вас убивать, глушить ультразвуком, травить газом и взрывать термоядерными зарядами. Мы загоним вас в резервации и сами возьмём ваши алмазы. Мы не будем больше давиться лапшой, мы обожрёмся марсианскими грибочками. Я знал, что теперь делать, и это наполняло меня спокойной уверенностью.

Только вот одно чувство беспокоило меня в этой ситуации, царапало изнутри острыми коготками прямо по сердцу. Я любил Машу и ничего не мог

с этим поделаться. Я очень сильно её любил, мою кимберлитовую кикимору.

11

Спустя два месяца.

Из служебной записки Ораториева для Конфессиально-Гносеологической Безопасности: «Боря Паскаль человек, безусловно, сильно глуповатый, жадноватый и безответственный. Я с ним встречался лично и с уверенностью могу сказать, что *люди тени* выбрали для сотрудничества совсем не того персонажа. Он мог стать первым резидентом в логове опаснейшего потенциального противника, а вместо этого предпочёл хапнуть куш и сорвать едва наметившийся контакт. Именно по вине этого утырка мы потеряли из вида цивилизацию *людей тени*, чьи психоментальные способности могли пойти на пользу всему человечеству. На сегодняшний день *люди тени* скрылись из доступного для нас пространства и неизвестно, когда и с какой целью объявятся вновь. Возможно, они и действительно, как принято считать, ушли за границу Мохоровичича и обитают в мантии. Но я полагаю, что для них не стало бы проблемой покинуть не только доступные нам области земной коры, но и совсем покинуть нашу планету, а может быть, и Систему. В ближайшем же будущем встреча с ними станет для землян проблемой номер один, и я не вижу способов её оптимального разрешения».

12

Уже через неделю флотилия подземных лодок на Меркурии была атакована кикиморами и полностью уничтожена. Центральное Геологическое Управление Академии Научной Теологии потребовало начала полномасштабной войсковой операции. Началась Первая Кикиморская война. ▣